
НОВЫЙ ПЕРЕВОД
ЗНАМЕНИТОГО РОМАНА
МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК
ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ЧАСТИЦЫ
РОМАН
CORPUS
18+

Элементарные частицы
Мишель Уэльбек

Аннотация
Мишель Уэльбек. Элементарные частицы
Пролог
Часть первая. Потерянное царство
1
2
3
4
5
6
7
8. Омега-самец
9
10. Всему виной Каролина Есаян
11
12. Своим чередом
13
14. Лето семьдесят пятого
15
Часть вторая. Странные моменты
1
2. Тринадцать часов полета

3
4
5
6
7. Разговоры в трейлере
8
9
10. Джулиан и Олдос
11
12
13
14
15. Гипотеза Макмиллана
16. К эстетике доброй воли
17
18. Встреча после разлуки
19
20
21
22. Конечная станция – Саорж
Часть третья. Эмоциональная бесконечность
1
2
3
4
5

6
7
Эпилог
Благодарности переводчика

Аннотация

Восхождение Мишеля Уэльбека к мировой славе началось четверть века назад с выходом романа «Элементарные частицы». Затем последовали планетарные бестселлеры «Платформа», «Возможность острова», «Покорность», «Серотонин», «Уничтожить», Гонкуровская премия и орден Почетного легиона.

В центре нашумевшего романа судьба двух братьев. Оба, каждый по своему разумению, настойчиво ищут счастье в окружающем мире, заведомо для счастья не созданном. Один из них, ученый-биолог, делает предположение о возможности кардинальных изменений в генах человека, в результате чего должен появиться новый вид «счастливых» людей. Этим мыслящим существам, не подверженным человеческим слабостям и заблуждениям, Уэльбек предоставил судить о жизни наших современников и сумел сделать то, что мало кому удавалось: он действительно шокировал публику.

Роман был выдвинут на Гонкуровскую пре-

мию, но не получил ее, зато получил своего рода «анти-Гонкур» – премию «Ноябрь» – и был признан авторитетным журналом Lire Лучшей книгой года. Публикуется в новом переводе Марии Зониной.

Мишель Уэльбек
Элементарные частицы

Michel Houellebecq
Les Particules Élémentaires

© Michel Houellebecq & Editions Flammarion, Paris, 1998
© М. Зонина, перевод на русский язык, 2024
© И. Кузнецова, перевод стихов, 2024
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024
© ООО “Издательство Аст ”, 2024

* * *

Пролог

Эта книга — прежде всего история человека, который большую часть жизни прожил в Западной Европе второй половины XX века. В принципе одинокий, он изредка все-таки общался с себе подобными. Жил он в несчастливые и тревожные времена. Страна, где он появился на свет, медленно, но неотвратимо сползала в экономическую категорию среднебедных стран; люди его поколения часто оказывались на пороге нищеты, к тому же жизнь их протекала в горьком одиночестве. Чувства любви, нежности и человеческого братства фактически исчезли; его современники в лучшем случае относились друг к другу равнодушно, порой даже жестоко.

К моменту исчезновения Мишеля Джерзински его единодушно признавали выдающимся биологом и всерьез прочили ему Нобелевскую премию, но истинная значимость этого человека стала очевидна позже.

В то время, когда жил Джерзински, люди в массе своей считали, что философия лишена какого-либо практического смысла, если не во-

обще предмета. Однако именно мировоззрение, наиболее характерное для членов общества в определенный момент, обусловливает его экономику, политику и нравы.

Метафизические мутации, то есть радикальные и глобальные трансформации мировоззрения, характерного для подавляющего большинства людей, весьма редки в истории человечества. В качестве примера можно привести возникновение христианства.

Однажды начавшись, метафизическая мутация движется, не встречая никакого сопротивления, пока не свершится в полной мере. Особо не церемонясь, она сметает на своем пути экономические и политические системы, эстетические суждения, социальные иерархии. И нет никакой подвластной человеку силы, которая смогла бы прервать ее ход, — никакой силы, кроме новой метафизической мутации.

Нельзя с уверенностью сказать, что метафизическим мутациям подвержены лишь ослабленные общества, уже и так переживающие упадок. Когда зародилось христианство, Римская империя находилась на пике своего могущества; высокоорганизованная империя господствовала над всем известным в то время миром; ее техни-

ческое и военное превосходство не имело себе равных; при этом она была обречена. К тому моменту, когда появилась современная наука, средневековое христианство представляло собой всеобъемлющую систему понимания человека и вселенной; оно лежало в основе управления народами, способствовало развитию знаний и искусств, влияло на вопросы мира и войны, на организацию производства и распределение богатств; все это никоим образом не могло уберечь его от краха.

Мишель Джерзински не был ни первым, ни главным архитектором третьей метафизической мутации, во многих отношениях самой радикальной, которой суждено было положить начало новой эре в мировой истории; но в силу некоторых весьма неординарных обстоятельств своей жизни он является одним из самых сознательных и прозорливых ее творцов.

Мы живем на заре небывалой эпохи,

Ткань обстоятельств нежит наши тела,

Дарит нашим телам

Ореол немеркнущей радости.

То, что было лишь сладким предчув-

ствием в музыке прошлых времен,

Для любого из нас повседневной реальностью стало.

То, что людям минувших времен рисовалось в мечтах как страна идеала,

Воплотилось в действительность нашу, как сбывшийся сон.

Но это не значит, что мы презираем этих людей,

Нам известно, сколь многим обязаны мы их мечтам,

Нам известно, что мы – порожденье их счастья и боли, из которых веками слагалась история,

Что наш будущий образ они пронесли через ненависть, распри и страх, через ужас и горе,

Через годы блужданий во мраке, когда день за днем писали они земную историю,

И мы знаем, что им бы не выстоять, если бы не было в них, в глубине их сердец, великой надежды на будущее,

Им бы просто не выжить, если б не эта

мечта.

И теперь, когда наступила эпоха света,

Теперь, когда мы живем в непосредственной близости к свету

И свет наполняет наши тела,

Озаряет наши тела,

Дарит нашим телам ореол немеркнущей радости,

Теперь, когда мы живем рядом с этим потоком,

В череде неизменно сияющих дней,

Теперь, когда свет вокруг наших тел стал реален и осязаем,

Теперь, когда мы достигли цели пути

И навеки покинули царство разлада,

Царство разлада с собой и с миром,

Чтоб окунуться в бессменную и изобильную радость

Новых законов,

Сегодня

Мы можем впервые

Рассказать про последние дни старого

мира[1].

[1] Примечания: 1

Здесь и далее перевод стихов, за исключением отмеченных особо, Ирины Кузнецовой.

Часть первая. Потерянное царство

1

Первое июля 1998 года пришлось на среду. Поэтому, хоть так и не принято, Джерзински устроил отвальную во вторник. В холодильник марки “Брандт”, слегка осевший под тяжестью контейнеров с эмбрионами, кое-как влезли бутылки с шампанским; вообще-то он служил для хранения химических препаратов.

Четыре бутылки на пятнадцать человек — это, конечно, впритык. Надо сказать, тут все немножко впритык: у них довольно мало общего; одно неосторожное слово, один косой взгляд — и компания того гляди распадется, и все кинутся к своим машинам. Они собрались в подвальной комнате с кондиционером. На стене, облицованной белой плиткой, красовался плакат с изображением озер Германии. Кстати, никто не предложил сфотографироваться. Прибывший в начале года молодой ученый, глуповатый на вид бородач, смылся через несколько минут, сославшись на проблемы с парковкой. Всеобщая неловкость становилась все ощутимее, да и потом, отпуск на носу. Одни поедут домой к семье, другие займутся экотуризмом. Слова ле-

ниво щелкали в воздухе. Приглашенные быстро разошлись.

Все закончилось к половине восьмого. Джерзински шел по паркингу вместе с одной своей коллегой с длинными черными волосами, ослепительно белой кожей и пышной грудью; она чуть постарше, чем он, и, скорее всего, возглавит после его ухода их отдел. Она не замужем; ее научные публикации посвящены в основном гену DAF3 дрозофилы.

Остановившись перед своей “тойотой”, он улыбнулся и протянул руку ученой даме (он уже несколько секунд продумывал этот жест, решив сопроводить его улыбкой, и мысленно репетировал). Их ладони сомкнулись, вяло встряхнули друг друга. Ему показалось, что рукопожатию не хватало тепла, но что уж теперь; учитывая обстоятельства, они могли бы и расцеловаться, как это принято у министров и некоторых эстрадных исполнителей.

Распрощавшись с ней, он еще целых пять минут просидел в машине — довольно долго, как ему показалось. А она чего не уезжает? Онанирует под Брамса, что ли? Или, наоборот, размышляет о своей карьере, о новой должности, и если да, интересно, рада ли она повышению? Наконец

“гольф” генетички выехал со стоянки; он снова остался один. День выдался великолепный, было еще жарко. В первые летние недели все, казалось, застыло в сияющем ступоре; впрочем, дни уже идут на убыль, Джерзински вполне отдавал себе в этом отчет.

Я работал в зоне комфорта, подумал он, в свою очередь трогаясь с места. На вопрос “Чувствуете ли вы, что Палезо — это зона комфорта?” 63 % местных жителей отвечали утвердительно. Оно и понятно: дома тут малоэтажные, между ними разбиты лужайки. Снабжение хорошее, учитывая несколько гипермаркетов; в отношении Палезо понятие высокого *качества жизни* вряд ли покажется преувеличением.

На южной трассе в направлении Парижа машин не было. Он почувствовал себя персонажем новозеландского научно-фантастического фильма, виденного им в студенческие годы, — последним человеком на Земле после гибели всего живого. Прямо какая-то выжженная пустыня апокалипсиса.

Джерзински уже лет десять жил на улице Фремикур; он привык к своему тихому кварталу. В 1993 году он понял, что ему нужна компания; нечто, что встречало бы его по вечерам, когда

он возвращается домой. Его выбор пал на белого кенаря, существо крайне боязливое. Кенарь пел, особенно по утрам; тем не менее радостным он не выглядел; вот только может ли кенарь испытывать радость? Радость — это сильное и глубокое переживание, волнующая полнота чувств, захлестывающая все сознание целиком; радость сродни опьянению, восторгу, экстазу. Однажды он выпустил птицу из клетки. Кенарь от ужаса насрал на диван, а потом рванул назад и стал биться о железные прутья в поисках дверцы. Через месяц Мишель повторил попытку. На этот раз злополучное создание выпало из окна; с горем пополам спланировав, оно умудрилось приземлиться на балконе дома напротив, пятью этажами ниже. Мишелю пришлось ждать возвращения хозяйки квартиры, уповая на то, что у нее нет кошки. Оказалось, что девушка работает редактором в журнале “20 лет”; она жила одна и возвращалась поздно. Кошки у нее не имелось.

Стемнело; Мишель забрал птичку, она дрожала от холода и страха, вжавшись в бетонную стенку. Потом он несколько раз сталкивался с той девушкой из журнала, как правило, когда выносил мусор. Она кивала ему, вероятно, в знак того, что узнала его; он кивал в ответ. В общем, инцидент

с канарейкой позволил ему установить добрососедские отношения; ну и чудно.

Из его окон были видны домов десять, то есть, наверное, около трех сотен квартир. Обычно, когда он вечером приходил домой, кенарь принимался свистеть и щебетать, и это длилось минут пять — десять; затем он подсыпал ему семян, менял наполнитель и воду. Но в тот вечер его встретила тишина. Он подошел к клетке: кенарь сдох. Белое тельце, уже остывшее, лежало боком на камешках.

Он съел на ужин упаковку зубатки с кервелем от “Монопри Гурме”, запивая посредственным вальдепеньясом. Недолго думая, он сунул трупик кенаря в полиэтиленовый пакет, отправив туда же в качестве балласта бутылку из-под пива, и выбросил его в мусоропровод. Ну а что еще прикажете делать? Молиться за упокой души?

Он понятия не имел, куда ведет этот мусоропровод с узким загрузочным клапаном (вполне достаточным, правда, чтобы вместить тело птички). Тем не менее ему приснились гигантские мусорные баки, заполненные кофейными фильтрами, равиолями в соусе и отрезанными гениталиями. Огромные черви с грозными клювами размером с самого кенаря, не меньше,

терзали его труп. Ему оторвали лапки, искромсали внутренности, проткнули глазные яблоки. Посреди ночи Мишель, весь дрожа, сел в кровати; не было еще и половины второго. Он принял три таблетки ксанакса. Так закончился его первый вечер свободы.

2

Четырнадцатого декабря 1900 года в докладе *Zur Theone des Geseztes der Energieverteilung* ^{m} *Normalspektrum,* сделанном на заседании Немецкого физического общества, Макс Планк впервые ввел понятие кванта энергии, которому предстояло сыграть решающую роль в дальнейшем развитии физики. Между 1900 и 1920 годами, в основном под влиянием идей Эйнштейна и Бора, новую концепцию при помощи более или менее оригинальных моделей пытались вписать в рамки уже существующих теорий, и лишь в начале двадцатых стало ясно, что эти попытки тщетны.

Нильс Бор считается истинным основоположником квантовой механики, и не только благодаря его собственным открытиям, но прежде всего из-за необыкновенной атмосферы творчества, интеллектуального подъема, дружбы и свободы духа, которую он сумел создать вокруг себя. Институт теоретической физики в Копенгагене, основанный Бором в 1919 году, собрал в своих стенах лучших молодых ученых Европы. Там начинали Гейзенберг, Паули и Борн. Будучи ненамного старше них, Бор мог

часами подробно обсуждать предлагаемые ими гипотезы со свойственным ему уникальным сочетанием философской проницательности, благосклонности и требовательности. Скрупулезный, порой до маниакальности, он терпеть не мог приблизительности в интерпретации результатов научных экспериментов; при этом ни одна новая идея не казалась ему априори безумной, ни одна классическая концепция — незыблемой. Он любил приглашать учеников в свой загородный дом в Тисвильде; у него гостили не только физики, но и другие ученые, а также политики и люди искусства; в своих беседах они непринужденно перескакивали от физики к философии, от истории к искусству, от религии к повседневной жизни. Ничего подобного не происходило со времен древнегреческих мыслителей. Именно в этом исключительном историческом контексте, между 1925 и 1927 годами, были выработаны основные положения Копенгагенской интерпретации квантовой механики, которая в значительной степени упразднила устоявшиеся категории пространства, причинности и времени.

Джерзински, увы, не удалось воссоздать вокруг себя такое чудо. В возглавляемой им научной

группе царила кондовая офисная атмосфера. Специалисты по молекулярной биологии отнюдь не моцарты микроскопа, какими любит воображать их прекраснодушная общественность, а просто добросовестные технари, чаще всего не отмеченные печатью гениальности; они читают “Нувель Обсерватер” и мечтают провести отпуск в Гренландии. Исследования в области молекулярной биологии не предполагают никакого творческого подхода, никакой изобретательности; по сути, это почти сплошь рутина, требующая лишь умеренных и второразрядных интеллектуальных навыков. Но все пишут докторские и защищают их, притом что двухлетнего профессионального образования им с лихвой хватило бы, чтобы управиться с аппаратурой. “А вот чтобы додуматься до идеи генетического кода, — любил повторять Деплешен, директор департамента биологии НЦНИ[2], — или открыть принцип биосинтеза белка, да, тут пришлось попотеть. Заметьте, кстати, именно физик Гамов первым сунул свой нос в это дело. А расшифровка ДНК, подумаешь… Сидишь, расшифровываешь, расшифровываешь. Получаешь молекулу за молекулой. Вводишь

[2] Примечания: 2

НЦНИ (CNRS) — Национальный центр научных исследований. *(Здесь и далее — прим. перев.)*

данные в компьютер, компьютер выдает закодированные последовательности. Отправляешь факс в Колорадо, они занимаются геном B27, мы — C33. Это наша кухня. Время от времени удается незначительно усовершенствовать оборудование, обычно этого достаточно для Нобелевки. Невелика наука, кружок “умелые руки”.

Первого июля пополудни стояла изнуряющая жара; такие дни, как правило, не сулят ничего хорошего, и разразившаяся наконец гроза рассеивает обнаженные тела. Из кабинета Деплешену открывался вид на набережную Анатоля Франса. На том берегу Сены, вдоль набережной Тюильри, тусовались на солнышке гомосексуалы, общались по двое или небольшими стайками, передавали друг другу полотенца. Почти все были в стрингах. В ярких лучах сверкали мышцы, увлажненные маслом для загара, лоснились округлые рельефные задницы. Некоторые, оживленно болтая, почесывали себе яйца, обтянутые нейлоновыми плавками, или засовывали палец внутрь, являя миру лобковые волоски и основание члена. Перед панорамным окном Деплешен поставил подзорную трубу. Ходили слухи, что сам он тоже гомосексуал; на самом же деле последние годы он заделался просто светским пьяницей.

Как-то в такой же вот погожий полдень он дважды пытался подрочить, прильнув к окуляру и вперившись в подростка, который как раз оттянул стринги и вынул член, предпринявший волнующий взлет в атмосферу. Его собственный, напротив, сник, вялый, сморщенный и сухой; он не стал упорствовать.

Джерзински появился ровно в четыре. Деплешен сам попросил его о встрече. Любопытный случай. Конечно, ученые имеют обыкновение брать годичный отпуск, чтобы поработать с коллегами в Норвегии, Японии, короче, в одной из тех угрюмых стран, где в сорок лет жители массово кончают жизнь самоубийством. Кто-то, как это часто бывало в “эпоху Миттерана”, когда жажда наживы достигла неслыханных масштабов, пускался на поиски венчурных капиталов, чтобы основать компанию и торговать той или иной молекулой; более того, некоторые из них, в рекордные сроки и ничем не брезгуя, сколотили солидное состояние, извлекая немалую прибыль из знаний, приобретенных ими за годы бескорыстных научных исследований. Но решение Джерзински уйти на вольные хлеба, не имея ни проекта, ни цели, ни вообще хоть малейшего предлога, было выше его понимания. К сорока го-

дам он стал ведущим научным сотрудником, под его началом работали пятнадцать ученых; сам он подчинялся — и то чисто символически — непосредственно Деплешену. Его команда добивалась отличных результатов и считалась одной из лучших в Европе. Так чего ему не хватало?

— И что вы собираетесь делать? — с нарочитым напором спросил Деплешен. Джерзински помолчал с полминуты, потом сказал просто:

— Думать.

Такое начало не предвещало ничего хорошего. Деплешен продолжил с наигранным воодушевлением:

— А как на личном фронте?

Глядя на сидевшего напротив серьезного человека с осунувшимся лицом и печальными глазами, он вдруг ужасно устыдился. При чем тут личный фронт? Он сам пятнадцать лет назад забрал Джерзински из Университета Орсе. И не ошибся с выбором: он оказался четким, педантичным, изобретательным ученым, и результаты не заставили себя ждать. Тот факт, что НЦНИ удалось сохранить высокий европейский уровень в области молекулярной биологии, — в значительной степени его заслуга. Он более чем оправдал надежды, грех жаловаться.

— Само собой разумеется, — заключил Деплешен, — у вас останется доступ к нашей информационной базе, к хранящимся на сервере результатам исследований и сетевым шлюзам Центра, без ограничения по срокам. Если вам понадобится что-то еще, я в вашем распоряжении.

Когда он ушел, Деплешен вернулся к окну. Он слегка вспотел. На том берегу юный брюнет североафриканской наружности снимал шорты. В фундаментальной биологии еще остаются серьезные проблемы. Биологи рассуждают и действуют так, словно молекулы — это отдельные элементы материи, связанные лишь силами электромагнитного притяжения и отталкивания; он не сомневался, что никто из них и слыхом не слыхивал ни о парадоксе Эйнштейна — Подольского — Розена, ни об экспериментах Аспе; никто наверняка не удосужился узнать о прогрессе, достигнутом в физике с начала века; что касается их атомарной концепции, то они недалеко ушли от Демокрита. Они накапливали громоздкие однообразные данные с единственной целью — немедленно найти им применение в промышленности, не подозревая, что концептуальная база их метода подорвана. Они с Джерзински, физики по образованию, вероятно, единственные

в НЦНИ сознавали, что, как только дело дойдет до атомных основ всего живого, фундамент современной биологии разлетится вдребезги. Пока Деплешен размышлял над этими вопросами, на Сену опустились сумерки. Он терялся в догадках, в какие дали уносится мыслями Джерзински, и чувствовал, что не в состоянии даже поддерживать с ним разговор на эти темы. Сейчас ему под шестьдесят; он чувствовал, что в интеллектуальном плане уже полностью выгорел. Гомосексуалы ушли, набережная опустела. Он и не помнил, когда в последний раз у него случалась эрекция; он ждал грозы.

3

Гроза разразилась около девяти вечера. Джерзински слушал шум дождя, потягивая дешевый арманьяк. Ему недавно исполнилось сорок: неужели он пал жертвой *кризиса среднего возраста?* Благодаря улучшению условий жизни сорокалетние граждане теперь пребывают в расцвете сил и прекрасной физической форме; первые признаки того, что человек переступил порог и сделал робкий шаг на долгом спуске к смерти, проявляются — как во внешности, так и в изменении реакции внутренних органов на нагрузки — обычно годам к сорока пяти, а то и к пятидесяти. К тому же пресловутый “кризис среднего возраста” часто ассоциируется с сексуальными проявлениями, с внезапной и лихорадочной жаждой совсем юных девичьих тел. В случае Джерзински эти соображения были неуместны — член служил ему для мочеиспускания, не более того.

На следующее утро он встал около семи, взял с полки научную автобиографию Вернера Гейзенберга “Часть и целое” и отправился пешком

на Марсово поле. Занимался ясный прохладный рассвет. Эту книгу он приобрел еще в семнадцать лет. Сидя под платаном на аллее Виктора Кузена, он перечитал отрывок из первой главы, где Гейзенберг, вспоминая студенческие годы, рассказывает об обстоятельствах своего первого знакомства с учением об атоме:

Это было, надо думать, весной 1920 года. Исход Первой мировой войны привел молодежь нашей страны в беспокойное движение. Бразды правления выскользнули из рук глубоко разочарованного старшего поколения, и молодые люди сбивались в группы, в малые и большие сообщества, чтобы искать новый, свой путь или хотя бы какой-то новый компас, по которому они могли бы ориентироваться, потому что старый, похоже, сломался. Так вот и я ясным весенним днем шагал с группой из десяти или, может быть, двадцати приятелей, которые по большей части были моложе меня самого. Мы шли походом через холмистую местность вдоль западного берега озера Штарнбергер, лежавшего, как можно было видеть сквозь просветы в сияющей зелени бука, слева под нами и, казалось, простиравшегося до самых гор на горизонте. В этом походе, странным образом, произошла та первая беседа о мире

атомов, которая много значила для меня в моем последующем научном развитии[3].

К одиннадцати жара стала усиливаться. Вернувшись домой, Мишель полностью разделся и лег. В течение следующих трех недель он практически не двигался. Так, видимо, рыба, время от времени высовываясь из воды, чтобы глотнуть воздух, замечает мельком совершенно иной, надводный, райский мир. Конечно, ей приходится тут же нырнуть в родную стихию водорослей, где рыбы пожирают друг друга. Но все же на несколько мгновений у нее возникает предчувствие иного мира, мира совершенного — нашего с вами мира.

Вечером 15 июля он позвонил Брюно. В голосе его единоутробного брата, на фоне *кул-джаза,* звучал еле уловимый *подтекст.* Вот Брюно определенно пал жертвой *кризиса среднего возраста.* Он носил кожаные плащи, отрастил бороду и изъяснялся языком персонажей второсортного детективного сериала, чтобы показать, что умеет жить; курил сигарки, качал пресс. Что касается его самого, Мишель считал, что “кризис среднего возраста” тут вообще ни при чем. Человек, стра-

[3] Примечания: 3
В. Гейзенберг. *Часть и целое.* Перевод В. Бибихина.

дающий от кризиса среднего возраста, просто хочет жить, жить чуть подольше; он просто хочет небольшой добавки. А ему все обрыдло; дело в том, что он не видел ни малейших причин жить дальше.

В тот же вечер ему попалась на глаза его детская фотография, сделанная в начальной школе в Шарни, и он расплакался. Мальчик сидит за партой, в руках у него открытый учебник. Он радостно и храбро улыбается прямо в объектив; этот мальчик, подумать только, он сам. Мальчик делает домашние задания, с доверчивой вдумчивостью учит уроки. Он входит в этот мир, открывает для себя этот мир, и мир не страшит его; он готов занять свое место в человеческом обществе. Все это читается в его глазах. На мальчике блуза с маленьким воротничком.

Несколько дней Мишель держал фотографию под рукой, прислонив ее к лампе в изголовье кровати. Время — банальная тайна, все это в порядке вещей, пытался он убедить себя; взгляд тускнеет, радость и доверчивость исчезают. Лежа на матрасе марки *Bultex,* он тщетно пробовал проникнуться бренностью бытия. У мальчика на лбу виднеется круглая впадинка, воспоминание о ветрянке; эта отметина так и не исчезла с года-

ми. Где же истина? Полуденный зной заполнял комнату.

4

Мартен Секкальди родился в 1882 году в корсиканской глубинке, в семье неграмотных крестьян, и казалось, ему суждено вести буколическую крестьянскую жизнь с ограниченным радиусом действия, точно такую, какую вели его предки на протяжении нескончаемой череды поколений. Такой жизнью в наших краях давно не живут, ввиду чего исчерпывающий ее анализ особого интереса не представляет; но поскольку некоторые радикальные экологи периодически проявляют непонятную ностальгию по такому времяпрепровождению, для полноты картины я все же позволю себе в общих чертах кратко ее описать: живешь на природе, дышишь свежим воздухом, возделываешь свои делянки (число которых точно определяется правом наследования по закону), периодически охотишься на кабана; трахаешься направо и налево, в частности с женой, которая рожает *детей;* растишь вышеупомянутых детей, чтобы они в свою очередь заняли место в той же экосистеме; заражаешься какой-то хворью, и привет.

Необычная судьба Мартена Секкальди на самом

деле весьма наглядно свидетельствует о роли светской школы в процессе интеграции во французское общество и в пропаганде технического прогресса на протяжении всех лет существования Третьей республики. Его преподаватель быстро понял, что имеет дело с незаурядным учеником, склонным к абстрактному мышлению и творчески одаренным, что вряд ли будет востребовано в его родной среде обитания. Прекрасно отдавая себе отчет, что его миссия не сводится к предоставлению базовых знаний будущему гражданину и что ему следует также выявлять новые кадры, призванные влиться в элиту Республики, он сумел убедить родителей Мартена, что судьба их сына может состояться только за пределами Корсики. В 1894 году юноша получил стипендию, и его приняли в интернат марсельского лицея Тьера (его хорошо описал в своих воспоминаниях детства Марсель Паньоль, и Мартен Секкальди всю жизнь ими зачитывался, покоренный искусством реалистического воссоздания основополагающих идеалов эпохи через описание жизненного пути даровитого юноши из неблагополучной среды). В 1902 году, полностью оправдав надежды своего первого учителя, он поступил в Высшую политехническую школу.

В 1911-м он получил назначение, определившее всю его дальнейшую жизнь. Речь шла о создании рабочей сети водоснабжения на всей территории Алжира. Он работал над ней более четверти века, рассчитывал кривизну акведуков и диаметр канализационных труб. В 1923 году женился на продавщице табачной лавки Женевьеве Жюли, отдаленно лангедокских корней — два последних поколения ее семьи жили уже в Алжире. В 1928 году у них родилась дочь Жанин.

Повествование о человеческой жизни может быть длинным или кратким, как душе угодно. Метафизическая или трагическая ее версия, сводимая в конечном счете к датам рождения и смерти, традиционно начертанным на надгробном камне, естественно, предпочтительна в силу завидной лаконичности. Что касается Мартена Секкальди, то представляется уместным рассматривать его жизнь в социально-экономическом контексте, сделав акцент не столько на личных качествах героя, сколько на эволюции общества, характерным представителем которого он является. Такие характерные личности, плывущие в некотором роде по воле исторических волн своей эпохи, но при этом принявшие самостоятельное решение полностью вписаться в нее, ведут, как

правило, заурядное и счастливое существование; жизнеописание в таком случае обычно умещается на одной-двух страницах. Что касается Жанин Секкальди, то она принадлежала к сомнительной категории *предтеч.* Биография предтеч, с одной стороны вполне приноровившихся к образу жизни большинства своих современников, с другой — стремящихся "вперед и выше", пропагандируя новые модели поведения или популяризируя те, что еще не вошли в оборот, требует, по идее, более пространного изложения, учитывая, что их путь чаще всего довольно запутан и тернист. Однако они служат лишь катализатором истории, причем чаще всего катализатором распада, им не дано придать событиям новое направление — такая миссия возлагается на *революционеров* и *пророков.*

Уже в детстве дочь Мартена и Женевьевы Секкальди проявила выдающиеся интеллектуальные способности, по крайней мере не уступавшие отцовским, к коим прилагался весьма строптивый нрав. Она потеряла девственность в возрасте тринадцати лет (надо было умудриться — в то время и в ее кругу), а годы войны (в Алжире сравнительно мирные) посвятила посещению главных танцевальных вечеров, которые

устраивались каждые выходные, сначала в Константине, затем в Алжире; при этом она блестяще заканчивала один семестр за другим. В 1945 году, обзаведясь дипломом бакалавра[4] с отличием и солидным сексуальным опытом, она съехала от родителей, вознамерившись изучать медицину в Париже.

Первые послевоенные годы были тяжелыми и бурными; промышленное производство упало до рекордно низкой отметки, а карточную систему отменили только в 1948 году. Тем не менее в узких зажиточных кругах уже тогда появились первые признаки массового потребления сексуальных удовольствий, пришедшего прямиком из Соединенных Штатов Америки и охватившего в последующие десятилетия все население Франции. Будучи студенткой парижского медицинского факультета, Жанин Секкальди стала практически непосредственной участницей “экзистенциалистских” лет и даже как-то раз станцевала бибоп в “Табу” с самим Жан-Полем Сартром. Труды философа не слишком ее впечатлили, зато буквально потрясло его уродство, граничившее с патологией, так что этот инцидент

[4] Примечания: 4

Во Франции диплом бакалавра (сокращенно “бак”) соответствует российскому аттестату о полном среднем образовании.

не возымел последствий. Сама она, красавица ярко выраженного средиземноморского типа, крутила романы напропалую, пока не познакомилась в 1952 году с Сержем Клеманом, который заканчивал тогда интернатуру по хирургии.

— Хотите знать, как выглядел мой папаша? — любил вопрошать Брюно много лет спустя. — Возьмите обезьяну, всучите ей мобильник и получите его портрет.

В то время, понятное дело, у Сержа Клемана не имелось никакого мобильника, зато с волосатостью был полный порядок, что да, то да. Одним словом, он был отнюдь не красив, но от него исходила такая мощная и первобытная мужская сила, что молодая практикантка не могла на него не запасть. Кроме того, у него были планы на жизнь. Съездив в США, он убедился, что косметическая хирургия открывает амбициозному специалисту заманчивые перспективы. Постепенное расширение рынка эротики, сопутствующий ему распад традиционного брака, надвигающийся экономический бум в Западной Европе — все это вкупе явно сулило расцвет этой области медицины, и Серж Клеман мог похвастаться тем, что стал одним из первых в Европе — и уж точно первым во Франции, — кто это понял; проблема

заключалась в том, что у него не было необходимых стартовых капиталов. Мартен Секкальди, приятно удивленный предприимчивостью будущего зятя, согласился одолжить ему денег, и в 1953 году в Нёйи открылась первая клиника. Его успехи, разрекламированные в новостных рубриках женских журналов, набиравших тогда обороты, произвели оглушительный эффект, и в 1955 году он открыл еще одну клинику на каннских холмах.

Супруги были приверженцами того, что позже назовут “современным браком”, и Жанин забеременела от мужа скорее по недосмотру. Однако она решила оставить ребенка; опыт материнства, считала она, обязана испытать каждая женщина; беременность, впрочем, протекала довольно приятно, и в марте 1956 года родился Брюно. Нудные заботы, которых требует выращивание маленького ребенка, вскоре показались супругам несовместимыми с их идеалом личной свободы, и в 1958 году по обоюдному согласию Брюно отправили в Алжир, к бабушке и дедушке по материнской линии. К тому моменту Жанин снова забеременела, но на этот раз от Марка Джерзински.

В 1919 году, гонимый ужасающей нищетой,

на грани голодной смерти, Люсьен Джерзински уехал из Верхнесилезского угольного бассейна, где он родился за двадцать лет до того, во Францию в надежде найти там работу. Он нанялся рабочим на железную дорогу, сначала строителем, потом путевым обходчиком, и женился на Мари Ле Ру, дочери поденщиков бургундского происхождения, которая тоже служила в Управлении железных дорог. Она родила ему четверых детей, а в 1944-м он погиб под бомбами союзников.

Их третьему ребенку, Марку, было четырнадцать, когда отца не стало. Марк рос умным, серьезным мальчиком, немного грустным. В 1946 году, благодаря посредничеству соседа, он нанялся подмастерьем к осветителю на киностудию “Пате” в Жуанвиле. И сразу же проявил незаурядные способности в своем деле: руководствуясь скупыми, приблизительными указаниями, он сам прекрасно выставлял свет к приходу оператора-постановщика. Анри Алекан высоко ценил его и хотел даже сделать своим ассистентом, но в 1951 году решил перейти на ORTF[5], которое тогда начинало телевещание.

---

[5] Примечания: 5
Управление французского радиовещания и телевидения *(франц.)*.

Он познакомился с Жанин в начале 1957 года, снимая телерепортаж о бомонде Сен-Тропе. Главной героиней его фильма стала Брижит Бардо (фильм “И бог создал женщину”, вышедший в 1956-м, как раз и запустил “миф Бардо”), но интересовали его и другие артистические и литературные круги, в частности, одна компания, которую позже окрестили “бандой Саган”. Этот мир, недоступный ей, несмотря на все ее деньги, зачаровывал Жанин, и она вроде бы действительно влюбилась в Марка. Она убедила себя, что у него есть задатки великого кинорежиссера, и не исключено, что была права. Работая в репортажном стиле, он использовал легкое световое оборудование и умел создавать, переставив несколько предметов, волнующие сцены, обыденные, мирные и при этом совершенно отчаянные, чем-то напоминавшие картины Эдварда Хоппера. Общаясь со знаменитостями, он едва удостаивал их равнодушным взглядом; снимая Бардо и Саган, выказывал им не больше почтения, чем ракам или кальмарам, окажись те на их месте. Он ни с кем не заговаривал, ни с кем не сближался; от него и правда можно было с ума сойти.

Жанин развелась с мужем в 1958 году, вскоре

после того, как отправила Брюно к своим родителям. Это был развод с признанием обоюдной вины. Щедрый Серж уступил ей свою долю в каннской клинике, одно это уже могло обеспечить ей безбедное существование. После их переезда на виллу в Сент-Максим, Марк не изменил своим привычкам и любви к одиночеству. Она настаивала, чтобы он посвятил себя карьере в кино; он кивал, но ничего не предпринимал, в ожидании, когда подвернется очередной сюжет для репортажа. Если она устраивала званый ужин, он, как правило, предпочитал поесть в одиночестве на кухне, до прихода гостей, а потом шел гулять по берегу. Возвращался к концу вечера, объясняя, что ему надо было закончить монтаж фильма. Рождение сына в июне 1958-го явно привело его в смятение. Он подолгу неподвижным взглядом смотрел на ребенка, который был поразительно похож на него: то же угловатое лицо и высокие скулы, те же огромные зеленые глаза. Вскоре Жанин начала ему изменять. Возможно, он переживал из-за этого, трудно сказать, поскольку он действительно разговаривал все меньше и меньше. Он сооружал миниатюрные алтари из гальки, веточек и панцирей ракообразных, затем фотографировал их в косых лучах солнца.

Его репортаж о Сен-Тропе имел большой успех в профессиональной среде, но от интервью журналисту из “Кайе дю синема” он отказался. Его акции значительно выросли после трансляции короткого и весьма едкого документального фильма, снятого им весной 1959 года о передаче “Привет, ребята” и зарождении стиля йе-йе. Его явно не интересовали художественные фильмы, и он дважды отказался работать с Годаром. В то время Жанин тусовалась с приезжающими на Лазурный Берег американцами. В Калифорнии происходило тогда нечто радикально новое. В Эсалене, недалеко от Биг-Сура, создавались коммуны любителей сексуальной свободы и психоделических препаратов, вроде бы изменяющих сознание. Она стала любовницей Франческо ди Меолы, американца итальянского происхождения, который водил знакомство с Гинзбергом и Олдосом Хаксли и являлся одним из основателей какой-то общины в Эсалене.

В январе 1960-го Марк уехал в Китай снимать репортаж о создававшемся там коммунистическом обществе нового типа. Он вернулся в Сент-Максим 23 июня, в середине дня. В доме на первый взгляд было пусто. Однако на ковре в гостиной, скрестив ноги, сидела девочка лет пят-

надцати, совершенно голая. *Gone to the beach*...[6] — сказала она в ответ на его расспросы и снова впала в прострацию. В спальне Жанин, раскинувшись на кровати, храпел высокий бородатый мужик, явно пьяный в стельку. Марк прислушался: до него донеслись чьи-то стоны или хрип.

В комнате наверху стояла ужасная вонь; черно-белая плитка ярко сверкала в солнечных лучах, проникавших через эркерное окно. Его сын неуклюже ползал по полу, иногда поскальзываясь в луже мочи или экскрементов. Он часто моргал и беспрерывно скулил. Почувствовав присутствие человека, попытался сбежать. Марк взял его на руки; маленькое существо задрожало от ужаса.

Марк вышел на улицу и в ближайшей лавке купил детское автомобильное кресло. Он написал короткую записку Жанин, пристегнул ребенка, сел за руль и поехал на север. У Валанса свернул в сторону Центрального массива. Вечерело. Время от времени на очередном вираже он поглядывал на сына, дремавшего сзади; его охватило странное чувство.

С того дня Мишеля воспитывала бабушка, которая, выйдя на пенсию, вернулась в Йонну,

---

[6] Примечания: 6
Ушли на пляж. *(англ.)*

откуда была родом. Вскоре его мать уехала в Калифорнию и поселилась там в общине ди Меолы. Мишелю суждено было увидеть ее снова, когда ему уже исполнилось пятнадцать. Да и с отцом ему не суждено было часто видеться. В 1964-м Марк отправился на репортаж в оккупированный Китаем Тибет. В письме матери он сообщал, что у него все хорошо, что он впечатлен практиками тибетского буддизма, который Китай пытается жестоко искоренять; больше от него не было никаких вестей. Франция заявила протест китайскому правительству, но он не возымел действия, тело не нашли, и год спустя его официально объявили пропавшим без вести.

5

Лето 1968 года, Мишелю уже десять. С двух лет он живет с бабушкой. Они живут в Шарни, в департаменте Йонна, на самой границе с Луаре́. Утром он встает рано, чтобы приготовить бабушке завтрак; он завел даже специальную карточку, отмечая, как долго заваривается чай, сколько надо сделать тостов с маслом и прочее.

До обеда он обычно сидит у себя в комнате. Читает Жюля Верна, “Великолепную пятерку”[7] и комиксы про собаку Пифа; но чаще всего углубляется в многотомную энциклопедию “Весь мир”. В ней рассказывается о сопротивлении материалов, о форме облаков, о пчелиных танцах. А также о дворце Тадж-Махал, построенном древним царем в память о своей умершей царице; о смерти Сократа и об изобретении геометрии Евклидом три тысячи лет назад.

Во второй половине дня он выходит в сад. Садится в одних шортах, прислонившись к черешне, и чувствует упругую массу травы. Чув-

---

[7] Примечания: 7

“Великолепная пятерка” — серия детских детективов английской писательницы Энид Блайтон.

ствует солнечное тепло. Салат латук поглощает солнечное тепло; а также поглощает воду, и он знает, что ему надо будет полить его в конце дня. Он продолжает читать “Весь мир” или какую-нибудь книгу из серии “Сто вопросов”; он буквально впитывает знания.

А еще он любит кататься по округе на велосипеде. Крутит педали изо всех сил, наполняя легкие ароматом вечности. Вечность детства — краткая вечность, но он этого еще не знает; пейзажи проносятся мимо.

В Шарни осталась только одна бакалейная лавка, но по средам приезжает фургон мясника, по пятницам — рыботорговца; часто по субботам бабушка готовит на обед треску в сливочном соусе. Это его последнее лето в Шарни, но он этого еще не знает. В начале года у бабушки случился инсульт. Две ее дочери, живущие в пригороде Парижа, подыскивают ей жилье поблизости от них. Она уже не в состоянии жить одна круглый год и ухаживать за садом.

Мишель редко играет со сверстниками, хотя хорошо ладит с ними. Его считают немного не таким, как все; в школе он учится на отлично, все усваивает без видимых усилий. Он неизменно лучший в классе по всем предметам; естественно,

бабушка им гордится. Но одноклассники не злятся на него, не травят; он охотно дает им списывать на контрольных. Дожидается, пока сосед все спишет, и только потом переворачивает страницу. Несмотря на превосходные отметки, он сидит на последней парте. Устои этого царства зыбкие.

6

Однажды летним днем, еще живя в Йонне, Мишель гонял по лугам со своей кузиной Брижит. Брижит, хорошенькую шестнадцатилетнюю девушку, ужасно милую, через несколько лет угораздило выйти замуж за страшного мудилу. А пока что, летом 1967 года, она взяла Мишеля за руки и закружила вокруг себя; они упали в свежескошенную траву. Он прижался к ее теплой груди; на Брижит была короткая юбка. На следующий день они покрылись красными прыщиками, все тело жутко чесалось. *Trombi.di.um holosericeum*, или клещ-краснотелка, — неизменный обитатель летних лужаек. Его диаметр составляет около двух миллиметров. Толстое, мясистое тельце, довольно выпуклое, ярко-красного цвета. Он прокалывает хоботком кожу млекопитающих, вызывая невыносимое раздражение. *Linguatula rhinaria*, или носовая пятиустка, обитает в лобных или околоносовых пазухах собак, иногда человека. Личинка овальной формы, с хвостиком в задней части; ее рот снабжен сверлящим аппаратом и окружен двумя парами придатков (или жвал) с длинными крючьями. Взрослая особь

белого цвета, ланцетовидная, длиной от 18 до 85 миллиметров. Тело уплощенное, кольчатое, прозрачное, покрыто хитиновыми спикулами.

В декабре 1968 года бабушка переехала в департамент Сена-и-Марна, поближе к дочкам. Поначалу жизнь Мишеля не так уж и изменилась. Креси-ан-Бри находится всего в пятидесяти километрах от Парижа, но в то время это была еще сельская местность. Это красивая деревня, в ней много старых домов; Коро написал там несколько пейзажей. Благодаря системе каналов, несущих воды Гран-Морена, Креси в некоторых путеводителях именуют “Брийской Венецией”, но это сильно сказано. Мало кто из здешних жителей ездит на работу в Париж. Большинство из них служат на местных мелких предприятиях или, чаще всего, в Мо.

Два месяца спустя бабушка купила телевизор; на Первом канале как раз появилась реклама. В ночь на 21 июля 1969 года он смотрел в прямом эфире, как человек делает первые шаги на Луне. Одновременно с ним свидетелями этого события стали шестьсот миллионов зрителей по всему миру. Те несколько часов, что длилась трансляция, стали, вероятно, кульминацией начального этапа западной технологической

мечты. В общеобразовательном коллеже Кресиан-Бри Мишель появился только в середине учебного года, но быстро там освоился, и ему не составило труда перейти в шестой класс. По четвергам он покупал “Пифа”, обновившего в то время свой формат. В отличие от большинства читателей, он покупал его не ради “гаджетов”[8], его привлекали прежде всего приключенческие истории. В этих историях, действие которых происходило в самые разные эпохи и при самых разных обстоятельствах, обыгрывались простые и глубокие нравственные ценности. Их всех, Рагнара-викинга, Тедди Теда и Апача, Рахана, “сына диких веков”, и Ходжу Насреддина, водившего за нос визирей и халифов, объединяли одни и те же этические нормы. Мишель постепенно их усвоил и пронес через всю жизнь. Чтение Ницше вызывало у него лишь мимолетное раздражение, а Канта — подтверждало то, что он и так уже знал. Чистая мораль едина и универсальна. С течением времени она не претерпевает никаких изменений, равно как и ничем не дополняется. Она не зависит от каких-либо исторических, экономических, социологических или культурных

[8] Примечания: 8

Имеются в виду небольшие игрушки, маски, фокусы и т. п., прилагавшиеся к каждому номеру журнала.

факторов; она вообще абсолютно ни от чего не зависит. Будучи неопределяемой, она предопределяет. Ничем не обусловленная, обусловливает. Иными словами, это абсолют.

Мораль, доступная наблюдению на практике, всегда является результатом смешения в различных пропорциях элементов чистой морали и других элементов во многом невнятного, чаще всего религиозного происхождения. Чем значительнее в ней доля элементов собственно чистой морали, тем счастливее и долговечнее общество, такой морали придерживающееся. Если уж на то пошло, общество, управляемое чистыми принципами универсальной морали, могло бы просуществовать до конца мира.

Мишель восхищался всеми героями “Пифа”, но его любимцем, разумеется, был Черный Волк, индеец-одиночка, вобравший в себя все благороднейшие качества апачей, сиу и шайеннов. Черный Волк объезжал бескрайние прерии в компании коня Шинука и волка Тупи. Он не только отважно заступался за самых слабых, но и постоянно комментировал свои подвиги в терминах трансцендентальной этики, иногда облекая их в поэтическую форму разнообразных поговорок индейцев дакота и кри либо просто

апеллируя к “закону прерий”. Спустя годы Мишель по-прежнему считал его идеальным типом кантианского героя, всегда поступающего так, как если бы он “благодаря своим максимам был законодательствующим членом во всеобщем царстве целей”[9]. Некоторые эпизоды, такие как “Кожаный браслет”, например, о трогательном старом вожде шайеннов, ищущем звезды, нарушали довольно узкие рамки приключенческого сюжета, погружая читателя в необыкновенно поэтическую, высоконравственную атмосферу.

Телевидение занимало его меньше. Однако он с болью в сердце смотрел еженедельную программу “Жизнь животных”. Газели и лани, эти грациозные млекопитающие, жили в постоянном в страхе и ужасе. Львы и пантеры пребывали в апатичном оцепенении, изредка прерываясь на краткие вспышки свирепости. Они убивали, раздирали на части и пожирали самых слабых зверей, старых и больных, и снова погружались в тупой сон, оживляемый разве что нападками паразитов, поедающих их изнутри. Некоторые такие паразиты сами подвергались нападению других паразитов, помельче; последние, в свою

[9] Примечания: 9

И. Кант. *Основы метафизики нравственности.* Перевод с немецкого Б. Фохта.

очередь, становились рассадниками вирусов. Рептилии скользили между деревьями, вонзая в птиц и млекопитающих свои ядовитые зубы, если только их самих не рассекал внезапно хищный птичий клюв. Клод Дарже с каким-то беспричинным восторгом комментировал эти жуткие сцены своим напыщенным глупым голосом. Мишель дрожал от негодования, чувствуя, как в нем созревает еще одно неколебимое убеждение: в общем и целом дикая природа — это просто отвратительная мерзость; в общем и целом дикая природа заслуживает полной ликвидации, тотального уничтожения, и миссия человека на Земле, вероятно, и заключается в том, чтобы это осуществить.

В апреле 1970-го “Пиф” вышел с новым, ставшим самым знаменитым, гаджетом. К каждому экземпляру прилагался “порошок жизни” — пакетик с цистами крошечного морского рачка *Artemia salina.* В течение нескольких тысячелетий эти организмы пребывали в замершем состоянии. Процедура их оживления особой сложностью не отличалась: нужно было в течение трех дней отстаивать воду, потом немного нагреть ее, добавить содержимое пакетика, осторожно взболтать. В последующие дни контейнер

держали вблизи от источника света и тепла и регулярно добавляли воду нужной температуры, компенсируя таким образом испарение, и слегка помешивали эту кашицу, чтобы насытить ее кислородом. Уже через несколько недель банка кишела множеством полупрозрачных ракообразных, на самом деле довольно противных, но определенно живых. Не зная, что с ними делать, Мишель выкинул их в Гран-Морен.

В том же выпуске приключенческий рассказ на двадцати страницах проливал некоторый свет на юность Рахана и жизненные обстоятельства, в результате которых он стал одиноким героем в глубине доисторических веков. Когда он был еще совсем ребенком, его клан погиб во время извержения вулкана. Его отец, Крао Мудрый, смог завещать ему на смертном одре лишь ожерелье из трех когтей. Каждый коготь олицетворял определенное качество “прямоходящих”, то есть людей. Коготь верности, коготь храбрости и самый главный — коготь доброты. С тех пор Рахан носил это ожерелье, стараясь доказать, что достоин его символов.

Их дом в Креси стоял в длинном саду, где росла одинокая черешня, немного поменьше той, что была у них в Йонне. Он по-прежнему читал

“Весь мир” и “Сто вопросов”. На двенадцатилетие бабушка подарила ему набор “Юный химик”. Химия оказалась гораздо увлекательнее механики и электричества, загадочнее, разнообразнее. Реактивы, отличавшиеся по цвету, форме и текстуре, были разложены по коробочкам, словно навеки разлученные сущности. Но стоило их перемешать, как они запускали бурную реакцию, в мгновение ока образуя принципиально новые соединения.

Как-то в июльский полдень, сидя с книжкой в саду, Мишель вдруг осознал, что химические основы жизни могли бы быть совершенно иными. С ролью, которую углерод, кислород и азот играют в молекулах живых существ, справились бы молекулы с идентичной валентностью, но с более высокой атомной массой. На какой-нибудь дальней планете, при другом температурном режиме и давлении, молекулами жизни могли бы оказаться кремний, сера и фосфор; или германий, селен и мышьяк, а то и олово, теллур и сурьма. Ему не с кем было всерьез обсуждать эти вопросы — по его просьбе бабушка купила ему несколько книг по биохимии.

7

Брюно помнил себя с четырех лет; самым ранним было воспоминание об унижении. В то время он ходил в детский сад в парке Лаперлье в Алжире. Однажды осенним днем учительница показала мальчикам, как плести ожерелья из листьев. Девочки ждали, сидя на пригорке, и на их лицах уже тогда читались признаки глупой бабьей покорности; почти все они были в белых платьях. Землю усыпали золотистые листья; там росли в основном каштаны и платаны. Его товарищи, завершив работу, один за другим подходили к своим юным избранницам и надевали им ожерелье на шею. А он тупил, листья ломались, у него все валилось из рук. Как им объяснить, что он нуждается в любви? Как это объяснить без ожерелья из листьев? Он заплакал от ярости; учительница не пришла ему на помощь. Все закончилось, дети встали, вышли из парка. Чуть позже этот детский сад закрылся.

Его бабушка и дедушка жили в очень красивой квартире на бульваре Эдгара Кине. Буржуазные здания в центре Алжира построены в парижском османовском стиле. Двадцатиметровый коридор

вел через всю квартиру в гостиную с балконом, откуда открывался вид на белый город. Много лет спустя ему, озлобленному сорокалетнему цинику, привидится эта картина: ему четыре года, он изо всех сил крутит педали своего трехколесного велосипеда, мчась по темному коридору к сияющему просвету балкона. Вероятно, именно в это мгновение он достиг апогея отпущенного ему земного счастья.

В 1961 году умер дедушка. В нашем климате труп млекопитающего или птицы сначала привлекает особый вид мух *(Musca, Curtonevra);* стоит телу начать разлагаться, как в игру вступают новые виды, прежде всего *Calliphora* и *Lucilia.* Труп под совместным воздействием бактерий и пищеварительных соков, выделяемых личинками, постепенно разжижается, становясь средоточием маслянокислого и аммиачного брожения. По истечении трех месяцев мухи завершают свой труд, и им на смену заступает отряд жесткокрылых жуков из рода кожеедов и чешуекрылых бабочек *Aglossa pinguinalis,* которые питаются в основном жирами. Забродившая белковая материя в процессе ферментации потребляется личинками *Piophila petasionis* и жуками рода *Corynetes.* Разложившийся труп, в котором еще остается

немного влаги, становится вотчиной клещей, высасывающих из него остатки сукровицы. Но и высохшее, мумифицированное тело все еще служит пристанищем для разного рода добытчиков — личинок кожеедов из родов аттагенус и антренус, гусениц *Aglossa cuprealis* и *Tineola bisellelia.* Они и завершают этот цикл.

Брюно хорошо запомнил гроб красивого, насыщенного черного цвета, с серебряным крестом. Какая умиротворяющая картина, даже счастливая; деду наверняка уютно в таком великолепном гробу. Позже он узнал о существовании клещей и всех этих личинок с именами итальянских старлеток. Однако и сегодня образ деда в гробу по-прежнему казался ему счастливым видением.

Он хорошо помнил, как в тот день, когда они приехали в Марсель, бабушка сидела на ящике посреди выложенной плиткой кухни. Между плитками шныряли тараканы. Вероятно, именно в тот день она начала терять рассудок. Всего за несколько недель ей пришлось пережить агонию мужа, поспешный отъезд из Алжира, мучительные поиски квартиры в Марселе. Северо-восточные его кварталы оказались грязными до безобразия. Она никогда раньше не бывала во Франции. А дочь ее бросила, не приехала на похо-

роны отца. Видимо, произошла какая-то ошибка. Где-то, видимо, была допущена какая-то ошибка.

Но она оклемалась и прожила еще пять лет. Купила мебель, поставила кровать Брюно в столовой, записала его в начальную школу по соседству. Каждый вечер она приходила за ним. Как же ему становилось стыдно, когда эта сухонькая надломленная старушка брала его за руку! У всех остальных имелись мамы и папы; дети разведенных родителей в те времена еще редко попадались.

Ночью она бесконечно мусолила в уме все этапы своей жизни, которая завершалась так плохо. Летом в их квартире с низкими потолками стояла страшная духота. Обычно она засыпала только на рассвете. Днем бродила по квартире в стоптанных туфлях, что-то бормотала вслух, не отдавая себе в этом отчета, и по пятьдесят раз подряд повторяла одни и те же фразы. Мысли о дочери не давали ей покоя. “Не приехала на похороны отца…” Она слонялась из комнаты в комнату, иногда с половой тряпкой или кастрюлей в руке, начисто забыв их назначение. “На похороны отца. на похороны родного отца…” Туфли с шипящим звуком шаркали по плиточному полу. Брюно испуганно съеживался в постели;

он понимал, что все это добром не кончится. Бывало, она заводила с самого утра, еще в халате и бигудях: “Алжир — это Франция.”; затем снова раздавалось шарканье. Она ходила по комнатам взад-вперед, устремив взгляд в невидимую точку. “Франция. Франция.” — повторяла она постепенно сникающим голосом.

Бабушка всегда хорошо готовила, и здесь это стало ее единственной радостью. Она устраивала Брюно роскошные трапезы, словно собиралась принять человек десять гостей. Сладкие перцы в масле, анчоусы, картофельный салат. Бывало, что основному блюду — фаршированным кабачкам, кролику с оливками или, например, кускусу — предшествовали пять разных закусок. Ей не удалось освоить только десерты; но иногда, получив пенсию, она приносила домой коробки с нугой, каштановым кремом и калиссонами из Экса. Мало-помалу Брюно превратился в жирного пугливого ребенка. Сама она почти ничего не ела. По воскресеньям бабушка вставала чуть позже; он забирался к ней в кровать, прижимался к костлявому телу. Бывало, он представлял, как встает среди ночи и, вооружившись ножом, наносит ей удар прямо в сердце; и тут же воображал, как рухнет в слезах перед ее трупом; и еще — что

вскоре после этого умрет сам.

В конце 1966 года бабушка получила письмо от дочери, их адрес ей дал отец Брюно, с которым она переписывалась раз в год на Рождество. Жанин не выразила особого сожаления о прошлом, ограничившись одной-единственной фразой: “Я слышала, папа умер и ты переехала”. Кроме того, она сообщала, что уезжает из Калифорнии, перебирается на юг Франции; но адреса не оставила.

Однажды утром, в марте 1967-го, пытаясь приготовить оладьи из кабачков, бабушка опрокинула на себя лохань с кипящим маслом. У нее хватило сил выползти на лестничную площадку, и на ее крики сбежались соседи. Вечером, выйдя из школы, Брюно увидел мадам Аузи, их соседку сверху; она отвела его прямо в больницу. Ему позволили на несколько минут увидеться с бабушкой; ожоги были скрыты под простыней. Ее накачали морфием, но она все же узнала Брюно и сжала его руку в своих ладонях; после чего мальчика увели. В ту же ночь ее сердце остановилось.

Так Брюно столкнулся со смертью во второй раз; во второй раз смысл этого события почти полностью ускользнул от него. Еще долгие годы, получая хорошие отметки за домашнее задание по французскому или за успешную письменную

работу по истории, он невольно думал, как похвастается бабушке. И тут же, разумеется, возражал себе, что она умерла; но эта мысль возникала пунктиром и, по сути, не прерывала их диалога. Когда он прошел конкурс на степень агреже[10] по современной литературе, он подробно обсудил с ней свои результаты; в то время, однако, он уже верил в это разве что в краткие моменты. По такому случаю он купил две банки каштанового крема; это был их последний серьезный разговор. Получив свою первую преподавательскую должность после окончания учебы, он понял, что изменился, что у него уже не получится войти с ней в контакт; образ бабушки медленно таял за глухой стеной.

На следующий день после похорон произошла странная сцена. Его отец и мать, которых он увидел впервые, обсуждали, что с ним делать. Они беседовали в большой комнате их марсельской квартиры; Брюно подслушивал, сидя на кровати. Всегда интересно, что о тебе говорят другие, особенно если они вроде бы не подозревают о твоем присутствии. Иногда сам начинаешь сомневать-

[10] Примечания: 10

Агреже — ученая степень во Франции, дающая право преподавать в средней и высшей школе.

ся в собственном присутствии, и в этом есть своя прелесть. Короче, он не чувствовал, что их слова касаются его напрямую. Притом что этому разговору суждено было сыграть решающую роль в его жизни, и с тех пор он много раз вспоминал его, так и не сумев испытать никаких подлинных эмоций. Он не сумел установить непосредственную связь, физическую связь между ним и двумя взрослыми людьми, которые в тот день, сидя в их столовой, поразили его прежде всего своим высоким ростом и моложавостью. Брюно перешел в шестой класс, и они решили, что с сентября определят его в школу-интернат. Отец будет забирать его в Париж по выходным, а мать попытается время от времени проводить с ним каникулы. Брюно не возражал; он не чувствовал в этих людях открытой враждебности. В любом случае его настоящей жизнью была жизнь с бабушкой.

8. Омега-самец

Брюно наклоняется над умывальником. Пижамную куртку он снял. Край фаянсовой раковины врезается в складки его маленького белесого живота. Ему одиннадцать лет. Он собирается почистить зубы, как всегда перед сном, в надежде, что его вечерний туалет пройдет без эксцессов. Но тут к нему подваливает Вильмар, сначала один, и пихает его в плечо. Брюно делает шаг назад, дрожа от страха; он более или менее знает, что его ждет. “Отстаньте…” — еле слышно говорит он.

Следом подходит Пеле. Низкорослый, коренастый, очень сильный. Он наотмашь бьет Брюно по лицу, тот плачет. Затем они швыряют его на пол, хватают за ноги, тащат волоком. Возле туалета срывают с него пижамные штаны. У него еще совсем маленький член, детский, безволосый. Они вдвоем держат его за волосы, заставляют открыть рот. Пеле елозит туалетным ершиком ему по лицу. Брюно чувствует вкус дерьма. Вопит.

К ним присоединяется Брассёр; ему четырнадцать, он самый старший из шестиклассников. Достает свой член, который кажется Брюно толстым и огромным. Он встает над ним и мочится

прямо ему на лицо. Накануне он заставил Брюно сначала отсосать, а затем вылизать ему задницу, но сегодня ему неохота. “Клеман, у тебя совсем голый хуй, — ржет он, — сейчас мы тебе отрастим волосы…” По его знаку мальчики обмазывают член Брюно пеной для бритья. Брассёр открывает бритву, подносит лезвие поближе. Брюно тогда обкакался от страха.

Как-то мартовской ночью 1968 года воспитатель обнаружил его в туалете в глубине двора, он лежал там съежившись, голый, весь в дерьме. Он надел на него пижаму и отвел к Коэну, старшему воспитателю. Брюно боялся, что его заставят все рассказать; боялся, что придется заложить Брассёра. Но Коэн, хоть его и вытащили из постели посреди ночи, принял его очень ласково. В отличие от своих подчиненных он обращался к ученикам на “вы”. Это был третий интернат в его послужном списке, и далеко не самый трудный; он знал, что почти всегда жертвы отказываются выдавать своих мучителей. Единственное, что он мог сделать, это наложить взыскание на воспитателя, ответственного за дортуар шестиклассников. Большинство этих детей брошены родителями на произвол судьбы, так что он для них единственный авторитет. Надо следить за

ними повнимательнее, вмешиваться до того, как что-то случится, — но это невозможно, у них всего пять воспитателей на двести учеников. Когда Брюно ушел, он сварил себе кофе и пролистал картотеку шестых классов. Он подозревал Пеле и Брассёра, но никаких доказательств у него не было. Если удастся вывести их на чистую воду, решил Коэн, он добьется их исключения; парочки безжалостных и агрессивных учеников достаточно, чтобы и все остальные начали свирепствовать. Как правило, подростки, особенно если они сбиваются в стаи, жаждут подвергнуть унижениям и пыткам тех, кто послабее. В раннем подростковом возрасте их изуверство достигает неслыханного размаха. Он не питал ни малейших иллюзий относительно поведения человека, неподвластного закону. Заступив на должность в интернат Мо, он сумел внушить ученикам страх. Он знал, что, не будь его, последнего оплота законности в этом заведении, жестоким издевательствам над такими мальчиками, как Брюно, не было бы конца и края.

Брюно остался в шестом классе на второй год, испытав при этом только облегчение. Пеле, Брассёр и Вильмар перешли в седьмой, так что теперь они будут в другом дортуаре. К сожалению, в

соответствии с директивами министерства, принятыми после событий шестьдесят восьмого года, было решено сократить штат надзирателей в интернатах, организовав взамен систему самодисциплины; эта мера, будучи вполне в духе времени, позволила к тому же сэкономить на зарплатах. Теперь ученикам стало легче пробираться в чужие дортуары; минимум раз в неделю седьмые классы устраивали набеги на малышей; они возвращались к себе с одной, а то и двумя жертвами и приступали к делу. В конце декабря Жан-Мишель Кемпф, худой, боязливый мальчик, поступивший в интернат в начале года, выбросился из окна, спасаясь от своих истязателей. Падение могло закончиться смертельным исходом, но он, к счастью, отделался множественными переломами. В частности, раздробил себе щиколотку, ее собирали буквально по кусочкам; впоследствии выяснилось, что он останется калекой. Устроив всеобщий допрос, Коэн утвердился в своих подозрениях; как Пеле ни отнекивался, он исключил его на три дня.

Практически все сообщества животных построены по принципу доминирования, тут все определяется физической силой. Для этой системы характерна строгая иерархия: самый сильный

в группе — *альфа-самец;* за ним следует второй по силе, *бета-самец* и так далее, вплоть до самого слабого животного, занимающего низшую ступень, — его называют *омега-самцом.* Иерархическое положение обычно определяется в ходе боевых ритуалов: самцы низкого ранга пытаются повысить свой статус, бросив вызов тем, кто выше их, зная, что в случае победы их положение улучшится. Доминирующая позиция дает определенные привилегии: право первым получать доступ к пище и спариваться с самками своей группы. Однако самая слабая особь может уклониться от боя, приняв позу *покорности* (присев и выставив анус напоказ). Брюно повезло меньше. Жестокость и доминирование, широко распространенные среди животных, уже у шимпанзе *(Pan troglodytes)* сопровождаются беспричинными вспышками агрессии по отношению к самому слабому. Эта тенденция достигает своего пика в примитивных человеческих сообществах, в развитых же она свойственна в основном детям и подросткам. Позже развивается *жалость,* или способность примерить на себя страдания другого; эта жалость быстро становится категорией *морального закона.* Жан Коэн представлял в лицее-интернате Мо моральный закон и со-

вершенно не собирался от него отступать. Он не думал, что нацисты как-то особо извратили мысль Ницше: отрицая сострадание, поставив себя выше морального закона, утверждая желание и господство желания, мысль Ницше, считал он, естественным образом привела к нацизму. Учитывая выслугу лет и уровень квалификации, он имел право претендовать на пост директора, но остался на должности главного воспитателя, и это было его сознательным выбором. Он неоднократно обращался в академическую инспекцию с жалобой на сокращение штата воспитателей; его обращения остались без ответа. В зоопарке самец кенгуру *(macropodidae)* часто воспринимает вертикальное положение служителя как вызов на бой. Агрессивного кенгуру можно унять, если служитель наклонится, приняв позу, характерную для мирных кенгуру. Жан Коэн не испытывал ни малейшего желания превращаться в мирного кенгуру. Злобность Мишеля Брассёра, вполне закономерная стадия прогрессирующего эгоизма, характерная и для менее развитых животных, уже привела к тому, что один из мальчиков останется инвалидом на всю жизнь; таким, как Брюно, она, скорее всего, нанесла необратимые психологические травмы. Вызывая Брассёра к

себе в кабинет, он вовсе не собирался скрывать своего презрения к нему, равно как и намерения довести дело до исключения.

По воскресеньям отец отвозил его вечером обратно на своем “мерседесе”, и Брюно начинала бить дрожь уже на подъезде к Нантёй-ле-Мо. В вестибюле лицея красовались барельефы знаменитых выпускников — Куртелина и Муассана. Жорж Куртелин — французский писатель, автор рассказов, в которых с иронией описывается весь абсурд буржуазной и бюрократической жизни. Анри Муассан — французский химик (Нобелевская премия 1906 года), он усовершенствовал электродуговую печь и выделил фтор и кремний в свободном состоянии. Отец всегда привозил его ровно в семь, прямо к ужину. Как правило, Брюно удавалось поесть только днем, поскольку они обедали вместе с остальными учениками на продленке; вечером оставались одни интернатские. Столы накрывались на восемь человек, и старшеклассники первыми занимали места. Они накладывали себе горы еды, а потом плевали в общее блюдо, чтобы младшие не дотрагивались до остатков.

Каждое воскресенье Брюно думал, не поговорить ли с отцом, но потом отбрасывал эту мысль.

Отец считал, что мальчику надо уметь за себя постоять; и действительно, некоторые ученики — не намного старше его — давали сдачи, упрямо отбивались и в конце концов завоевывали уважение к себе. В свои сорок два года Серж Клеман был *преуспевающим* человеком. Его родители держали бакалейную лавку в Пти-Кламаре, а он теперь владел уже тремя клиниками пластической хирургии: в Нёйи, в Ле-Везине и в Швейцарии, недалеко от Лозанны. Когда его бывшая жена переселилась в Калифорнию, он снова взял на себя еще и управление каннской клиникой, выплачивая Жанин половину прибыли. Сам он уже давно не оперировал, но был, как говорится, *эффективным менеджером.* Он не очень понимал, как вести себя с сыном. Он, в принципе, желал ему добра, при условии, что это добро не будет отнимать у него слишком много времени; он испытывал смутное чувство вины. Обычно старался не приглашать домой любовниц, если забирал Брюно на выходные. Он покупал готовые блюда в кулинарии, они вместе ужинали, а потом смотрели телевизор. Он не умел ни во что играть. Иногда Брюно вставал среди ночи и шел к холодильнику. Он наполнял миску кукурузными хлопьями, добавлял молоко, сметану и засыпал

эту смесь толстым слоем сахара. И садился есть. Он съедал несколько мисок подряд, пока его не начинало мутить. Он чувствовал тяжесть в желудке. Ему нравилось это ощущение.

9

В плане эволюции нравов 1970 год запомнился стремительным ростом потребления эротической продукции, несмотря на вмешательство все еще бдительных цензоров. Мюзикл “Волосы”, открывший широкой публике “сексуальное освобождение” шестидесятых, пользовался большим успехом. На южных пляжах замелькали тут и там голые груди. За несколько месяцев число парижских секс-шопов выросло с трех до сорока пяти.

В сентябре Мишель перешел в восьмой класс, выбрав вторым иностранным языком немецкий. На занятиях по немецкому он и познакомился с Аннабель.

В те годы Мишель имел весьма упрощенные представления о счастье. На самом деле он никогда всерьез о нем не задумывался. А если какие-то мысли его и посещали, то он придерживался взглядов бабушки, привившей их своим детям. Бабушка была католичкой и голосовала за де Голля; обе ее дочери вышли за коммунистов, но это никак на нее не повлияло. Таковы были идеи ее поколения, в детстве пережившего тяготы

войны, а в двадцать лет праздновавшего Освобождение; таков был мир, который они хотели завещать своим детям. Женщина сидит дома и занимается хозяйством (бытовая техника служит ей незаменимым подспорьем; у нее много свободного времени, которое она посвящает семье). Мужчина ходит на работу (но автоматизация производства сокращает рабочий день и облегчает труд человека). Супруги счастливы и хранят друг другу верность; они живут в славных домиках за чертой города (в тех самых *пригородах).* На досуге увлекаются художественными поделками, садоводством и изобразительным искусством. Многие предпочитают путешествовать, знакомиться с обычаями и культурой других регионов, других стран.

Якоб Вилкенинг родился в Леувардене, Западная Фрисландия, переехал во Францию в возрасте четырех лет и сохранил лишь смутное воспоминание о своих голландских корнях. В 1946 году он женился на сестре одного из своих лучших друзей; ей исполнилось семнадцать, и до него у нее никого не было. Потрудившись некоторое время на фабрике микроскопов, он основал собственную компанию по производству прецизионной оптики, работая в основном по заказам компаний

“Анженье” и “Пате”. Конкуренции со стороны Японии тогда можно было не опасаться; Франция производила прекрасные объективы, во многом не уступавшие “Шнайдеру” и “Цейсу”; дела его шли хорошо. У супругов родились два сына, в 1948-м и 1951-м, а затем, спустя долгое время, в 1958 году, дочь Аннабель.

Появившись на свет в счастливой семье (за двадцать пять лет брака ее родители ни разу всерьез не повздорили), Аннабель знала, что и ей уготована та же судьба. Она впервые задумалась об этом летом, незадолго до того, как познакомилась с Мишелем; ей шел тринадцатый год. Где-то в мире живет мальчик, которого она не знает, а он не знает ее, но им предстоит прожить жизнь вместе. Она постарается его осчастливить, а он постарается, со своей стороны, осчастливить ее; вот только она понятия не имела, как он выглядит; это очень ее тревожило. В своем письме в “Журнал Микки”[11] одна читательница, ее ровесница, поделилась схожими чувствами. Ответ ей пришел весьма обнадеживающий, и заканчивался он такими словами: “Не волнуйся, дорогая Корали, ты наверняка его вмиг узнаешь”.

---

[11] Примечания: 11

“Журнал Микки” — французский еженедельный журнал комиксов для подростков.

Они вместе готовили домашние задания по немецкому и так постепенно начали общаться. Мишель жил через дорогу, метрах в пятидесяти от ее дома, не больше. Они часто проводили вместе четверги[12] и воскресенья; он приходил к ней сразу после обеда. “Аннабель, встречай жениха...” — объявлял ее младший брат, выглянув в сад. Она заливалась краской; но родители ее не поддразнивали. Она понимала, что Мишель им нравится.

Он был любознательным мальчиком; ничего не смыслил ни в футболе, ни в эстрадных певцах. Его не то чтобы сторонились в классе, кое с кем он все-таки разговаривал, но при этом держался особняком. До Аннабель никто из соучеников не приходил к нему домой. Он привык предаваться размышлениям и мечтам в одиночестве; мало-помалу он привык и к обществу подруги. Они любили кататься на велосипедах и, поднявшись на косогоры Вуланжис, шли дальше пешком через луга и перелески, взбираясь к вершине холма, откуда открывался вид на долину Гран-Морена. Они шагали по высокой траве, учась понимать друг друга.

---

[12] Примечания: 12
До 1972 г. во французских школах четверг был свободным днем.

10. Всему виной Каролина Есаян

В 1970-м, с начала учебного года, положение Брюно в интернате немного улучшилось; он перешел в восьмой и оказался почти старшеклассником. С восьмого по выпускной класс ученики спали в другом крыле, в дортуарах, разделенных на четырехместные блоки. Главные его мучители сочли, что он уже и так достаточно опущен и унижен, и постепенно переключились на новых жертв. В том же году Брюно стал проявлять интерес к девочкам. Время от времени, довольно редко, устраивались совместные прогулки обоих интернатов. В четверг после обеда, в хорошую погоду, они отправлялись на некое подобие пляжа на берегу Марны, в пригороде Мо. Там было кафе с настольным футболом и кучей флипперов, но славилось оно в основном питоном в аквариуме. Мальчики наперебой дразнили его, стуча пальцами по стеклу; вибрации сводили питона с ума, и он со всей дури бросался на стенки, пока наконец не отваливался в изнеможении. Как-то в октябре Брюно разговорился с Патрисией Ховилер; будучи сиротой, она уезжала из интерната только на каникулы, к дяде в Эльзас.

Светловолосая, худенькая, она что-то тараторила со страшной скоростью, и ее оживленное лицо иногда застывало в странной улыбке. Неделю спустя он с ужасом увидел, что она, раздвинув ноги, сидит на коленях у Брассёра; он обнимал ее за талию и целовал в губы. Однако никаких выводов общего характера Брюно тогда не сделал. Если отморозки, которые терроризировали его в течение стольких лет, пользуются успехом у девочек, то исключительно потому, что они единственные, кто осмеливается к ним приставать. Он заметил, кстати, что Пеле, Вильмар и даже Брассёр прекращали задирать и унижать маленьких, если неподалеку оказывались девочки.

Начиная с восьмого класса ученикам разрешалось записаться в киноклуб. Просмотры устраивались в четверг вечером в актовом зале интерната для мальчиков; девочки туда тоже приходили. Однажды вечером, в декабре, перед началом фильма “Носферату, симфония ужаса”, Бруно занял место рядом с Каролиной Есаян. Целый час он только об одном и думал и ближе к финалу очень осторожно положил левую руку на ляжку своей соседки. В течение нескольких чудесных секунд (пяти? семи? уж никак не больше десяти) ничего не происходило. Она не

шелохнулась. Неистовый жар охватил Брюно, еще немного, и он потерял бы сознание. Затем, не говоря ни слова, не выказав ни малейшей досады, она отстранила его руку. Много позже, но довольно часто, когда ему отсасывала какая-нибудь шлюха, Брюно вспоминал те несколько мгновений ужасающего блаженства; вспоминал он и тот момент, когда Каролина Есаян мягко отстранила его руку. В том маленьком мальчике было что-то очень чистое и нежное, что-то досексуальное, еще чуждое пока всякому эротическому соблазну. Ему просто хотелось прикоснуться к любящему телу, забыться в любящих объятиях. Нежность сильнее искушения, вот почему так трудно расстаться с надеждой.

Почему Брюно в тот вечер коснулся ляжки Каролины Есаян, а не ее руки (что она, скорее всего, позволила бы ему, и у них мог бы начаться прекрасный роман; ведь она нарочно заговорила с ним, пока они стояли в очереди, чтобы он успел сесть рядом с ней, и сама положила руку на подлокотник, разделяющий их кресла; вообще она давно заприметила Брюно, и он ей очень понравился, она же правда надеялась, что в тот вечер он возьмет ее за руку)? Наверное, потому, что ляжка Каролины Есаян оголилась, а он по простоте ду-

шевной не представлял, что она может оголиться невзначай. С возрастом, когда Брюно случалось с отвращением погружаться в свои детские переживания, сердцевина его судьбы обнажалась, и прошлое представало перед ним с ледяной и пугающей очевидностью. В тот декабрьский вечер 1970 года Каролине Есаян, несомненно, удалось бы исцелить его от унижений и горестей раннего детства; после этого первого прокола (ведь он так никогда и не осмелился, с тех пор как она мягко отстранила его руку, снова с ней заговорить) все стало гораздо сложнее. Однако в общечеловеческом плане Каролину Есаян вовсе не в чем винить. Напротив, Каролина Есаян, армянская девочка с кротким взглядом овечки и длинными вьющимися черными волосами, попавшая вследствие неразрешимых семейных дрязг в зловещие стены школы-интерната для девочек при лицее Мо, Каролина Есаян уже сама по себе внушала веру в человечество. А если все и ухнуло в душераздирающую пустоту, то только лишь из-за ничтожного и, в общем, нелепого пустяка. Тридцать лет спустя Брюно не сомневался, что, оценивая по достоинству то дурацкое происшествие, вывод можно сделать один: всему виной мини-юбка Каролины Есаян.

Положив руку на ляжку Каролины Есаян, Брюно фактически сделал ей предложение. Его первые годы отрочества выпали на переходный период. За исключением нескольких предтеч — прискорбным примером которых были, кстати, его родители, — предыдущее поколение установило на редкость тесную связь между браком, сексом и любовью. Постепенное распространение наемного труда и стремительный экономический рост пятидесятых неуклонно вели — не считая постоянно сокращающихся слоев общества, для которых понятие семейного достояния еще не утратило смысла, — к отмиранию *брака по расчету.* Католическая церковь, всегда достаточно сдержанно воспринимавшая внебрачный секс, с энтузиазмом приветствовала этот прогрессивный сдвиг в сторону *брака по любви,* который в большей степени соответствует ее теориям ("мужчину и женщину сотворил их"[13]) и мог бы стать первым шагом на пути к цивилизации верности, мира и любви, к чему, собственно, она стремится вполне естественным образом. Коммунистическая партия, единственная духовная сила, сопоставимая с католической церковью в

[13] Примечания: 13
Быт. 1:27–28.

те годы, боролась практически за то же самое. Поэтому молодежь пятидесятых с единодушным нетерпением жаждала *влюбленности,* тем более что в связи с оттоком населения из сельской местности и сопутствующим ему исчезновением деревенского уклада теперь для поиска своей второй половины не было никаких территориальных ограничений, и выбор этот приобретал огромное значение (в сентябре 1955-го в Сарселе было положено начало политике так называемых *жилмассивов,* являющих собой наглядное воплощение социального инстинкта, сведенного к семейной ячейке). Поэтому пятидесятые и начало шестидесятых годов с полным правом можно рассматривать как настоящий *золотой век любовного чувства,* образ которого еще и сегодня удается воссоздать по песням Жана Ферра и ранней Франсуаз Арди.

Однако в то же время в Западной Европе рос массовый спрос на возбуждающую чувственность продукцию североамериканского происхождения (песни Элвиса Пресли, фильмы с Мэрилин Монро). Наряду с холодильниками и стиральными машинами, материальным оплотом супружеского счастья, все популярнее становились транзистор и проигрыватель,

выдвинувшие на первый план поведенческую модель *подросткового флирта.* Подспудный идеологический конфликт шестидесятых выплеснулся в начале следующего десятилетия в журналах “Мадемуазель Нежный Возраст” и “20 лет” в процессе обсуждения самого животрепещущего на тот момент вопроса: “Как далеко позволено зайти до брака?” В те же годы гедонистическо-либидинальная опция, пришедшая из США, получила мощную поддержку со стороны прессы либертарианского толка (первый номер “Актюэль” вышел в октябре 1970-го, “Шарли Эбдо” — в ноябре). Будучи, по идее, политическими противниками капитализма, они вместе с тем совпадали с индустрией развлечений в главном: а именно в стремлении разрушить иудео-христианские моральные ценности и в апологии молодости и личной свободы. Пытаясь всем угодить, журналы для девочек в срочном порядке придумали следующий нарратив. На первом этапе (скажем, с двенадцати до восемнадцати лет) девочка *встречается* со многими мальчиками (семантическая неоднозначность слова *встречаться* отражает реальную неоднозначность поведенческую: что, в сущности, значит *встречаться* с мальчиком? Целоваться взасос,

предаваться более острым радостям *петтинга и глубокого петтинга,* заниматься настоящим сексом? Можно ли позволить мальчику потрогать меня за грудь? Надо ли снимать трусы? А что делать с его гениталиями?). Патрисии Ховилер и Каролине Есаян не позавидуешь; их любимые журналы давали расплывчатые, противоречивые ответы. На втором этапе (а конкретнее — вскоре после выпускных экзаменов), когда та же девушка испытывает потребность уже в *серьезных отношениях* (позже немецкие журналы обозначат его термином *big love),* актуальным становится такой вопрос: “Должна ли я съехаться с Жереми?”; то есть второй этап, в принципе, становится последним. Крайняя шаткость такой комбинации, предложенной журналами для девочек — фактически речь шла о том, чтобы применить, произвольно наложив их на два последовательных отрезка жизни, две прямо противоположные модели поведения, — сделалась очевидной лишь годы спустя, когда разводы стали повсеместным явлением. А до тех пор эта поразительная схема служила девушкам — и без того чересчур наивным и ошеломленным стремительностью происходящих вокруг перемен — твердой жизненной установкой, которой они

благоразумно пытались следовать.

У Аннабель все складывалось совершенно иначе. Она думала о Мишеле по вечерам, перед тем как заснуть; она радовалась мыслям о нем, просыпаясь утром. Если в коллеже с ней приключалось что-то забавное или интересное, она предвкушала, как все ему расскажет. В те дни, когда по каким-то причинам им не удавалось повидаться, она не находила себе места и грустила. Во время летних каникул (у ее родителей был дом в Жиронде) она писала ему каждый день. Хотя Аннабель не признавалась себе в этом, хотя в ее письмах не было пылких слов (то же самое она могла бы написать своему брату-ровеснику), хотя чувство, заполнившее всю ее жизнь, напоминало скорее облако нежности, чем всепоглощающую страсть, тем не менее в ее сознании постепенно проступала очевидная истина: с первой же попытки, как-то невзначай и вообще не так уж этого желая, она обрела *большую любовь.* Первая любовь оказалась той самой, единственной, и второй не будет, чего уж тут. Везет же некоторым, замечала “Мадемуазель Нежный Возраст”; но не стоит обольщаться, это все же величайшая редкость; лишь в некоторых исключительных случаях, сродни чуду и, однако, неоспоримых

и подтвержденных, такое может произойти. И выше счастья не выпадает человеку в этом мире.

11

Мишель с тех пор хранил фотографию, сделанную в саду родителей Аннабель во время пасхальных каникул 1971 года; ее отец спрятал шоколадные яйца в кустах и на цветочных клумбах. На снимке Аннабель стоит в гуще форзиций; увлеченная поисками, она с детской серьезностью раздвигает ветки. Черты ее лица уже тогда становились все утонченнее, и можно было догадаться, что она вырастет необыкновенной красавицей. Свитер слегка обтягивает ей грудь. Шоколадных яиц на Пасху ей больше не достанется; на следующий год они станут слишком взрослыми для подобных забав.

К тринадцати годам под влиянием прогестерона и эстрадиола, секретируемых яичниками, у девочек накапливаются жировые отложения в области груди и ягодиц. Если повезет, означенные части тела приобретут гармоничную полноту и округлость; эта картина пробуждает в мужчинах бешеное вожделение. Как и ее мать в том же возрасте, Аннабель могла похвастаться прекрасной фигурой. Но лицо ее матери было приятным и милым, не более того.

Никто не ожидал, что Аннабель вырастет такой невероятной красавицей, матери даже делалось за нее страшно. Огромные голубые глаза и фантастическую копну белокурых волос Аннабель наверняка унаследовала от отца и вообще от голландской ветви их семейства; но только неслыханной морфогенетической случайностью можно объяснить пронзительную чистоту ее черт. Обделенная красотой девушка несчастна, у нее нет шансов быть любимой. Пусть ее никто и не подкалывает, никто не язвит, но все смотрят словно сквозь нее и не оборачиваются ей вслед. В присутствии дурнушки окружающим становится неловко, и ее предпочитают просто не замечать. Феноменальная красота, выходящая далеко за рамки обычной девической обольстительной свежести, производит, напротив, какое-то сверхъестественное действие, и кажется, что неминуемо сулит трагическую судьбу. В пятнадцать лет Аннабель была одной из тех редких красавиц, на которых западают все мужчины подряд, независимо от возраста и общественного положения; таким девушкам стоит всего лишь пройтись по торговой улице небольшого городка, как у мужчин — молодых и не очень — учащается сердцебиение, а старики кряхтят от досады.

Вскоре она обратила внимание, что при ее появлении, будь то в кафе или в учебной аудитории, воцаряется тишина, но ей потребовались годы, чтобы понять причину. В общеобразовательном коллеже Креси-ан-Бри все знали, что она “с Мишелем”; но и без того, по правде говоря, ни один мальчик не решился бы к ней подвалить. Это один из главных недостатков феноменальной красоты: только опытные, прожженные и бессовестные бабники чувствуют себя на высоте, поэтому сокровище девственности достается, как правило, самым отвратным типам — с этого начинается необратимая деградация девушек.

В сентябре 1972-го Мишель поступил в десятый класс лицея в Мо. Аннабель перешла в девятый; ей оставался еще один год в коллеже. Из лицея он возвращался на поезде, пересаживаясь в Эсбли в автовагон[14]. В Креси он обычно приезжал в 18.33; Аннабель ждала его на станции. Они вместе гуляли вдоль каналов. Иногда — довольно редко — заходили в кафе. Аннабель твердо знала, что рано или поздно Мишель захочет ее целовать и ласкать ее тело, она уже сама ощущала, как оно

[14] Примечания: 14

Автовагон — моторный самоходный железнодорожный вагон для перевозки пассажиров.

меняется. Она ждала этого момента, не испытывая ни особого нетерпения, ни страха, она ему доверяла.

Притом что фундаментальные аспекты полового поведения являются врожденными, история первых лет жизни играет важную роль в запускающих его механизмах, особенно у птиц и млекопитающих. Ранний тактильный контакт с представителями своего вида, по-видимому, жизненно важен у собак, кошек, крыс, морских свинок и макак-резусов *(Macaco, mulatto).* Отсутствие таких контактов с матерью в детстве приводит к серьезным нарушениям полового поведения у самцов крыс, в частности к подавлению брачного ритуала. Даже если бы от этого зависела его жизнь (а в значительной степени так оно и было), Мишель все равно не смог бы поцеловать Аннабель. Часто, увидев, как он выходит из вагона с портфелем в руках, она ощущала такой прилив счастья, что буквально бросалась ему на шею. Несколько секунд они стояли обнявшись, в состоянии блаженного паралича, и только потом уже заговаривали друг с другом.

Брюно тоже учился в лицее Мо, но в параллельном десятом классе; он знал, что у его матери есть сын от другого отца, не более того. С матерью он

виделся редко. Дважды проводил каникулы на вилле в Кассисе, где она жила. У нее зависали многочисленные молодые люди, забредавшие в те края по пути куда-то дальше. Этих молодых людей в популярных журналах называли *хиппи.* Они чаще всего не работали и у Жанин, сменившей имя на Джейн, жили на всем готовом. То есть на доходы от клиники пластической хирургии ее бывшего мужа, а значит, и за счет желания некоторых обеспеченных дам побороть неминуемое увядание или исправить природные недостатки внешности. Хиппи купались голышом в каланках[15]. Брюно наотрез отказывался снимать плавки. Он чувствовал себя белесым, крохотным, противным, жирным. Мать то и дело укладывала какого-нибудь юнца к себе в постель. Ей исполнилось сорок пять, ее вульва похудела и слегка обвисла, но лицо не утратило былого великолепия. Брюно дрочил по три раза в день. Вульвы разных девушек находились иногда на расстоянии вытянутой руки, но при всей их доступности Брюно прекрасно понимал, что путь к ним ему заказан: другие парни выше и сильнее его, да и загар у них красивее. Много лет спустя

[15] Примечания: 15
Каланки — небольшие узкие бухты в западной части Средиземноморья.

Брюно осознает, что мелкобуржуазный мир, мир госслужащих и менеджеров среднего звена, более терпим, гостеприимен и открыт, чем мир молодых маргиналов, представленный в то время *хиппи.* “Если я правильно выряжусь, респектабельные чиновники меня примут, — любил повторять Брюно. — Мне только и потребуется, что купить костюм, галстук и рубашку — в *C&A* на распродажах эти шмотки мне обойдутся в каких-нибудь 800 франков; на самом деле мне просто надо научиться завязывать галстук. Отсутствие машины — это, конечно, проблема и, по сути, единственная трудность, подстерегающая менеджера среднего звена; но и с ней можно справиться, взять кредит, поработать несколько лет — и готово. А вот косить под маргинала не вижу смысла: я недостаточно молод, недостаточно красив, недостаточно *крут.* У меня редеют волосы, я склонен к полноте, с возрастом становлюсь все тревожнее и уязвимее, так что отторжение и презрение окружающих больнее задевают меня. Одним словом, мне не хватает естественности, то есть *животного начала,* — и это непоправимый дефект: что бы я ни говорил, что бы ни делал, что бы ни покупал, я никогда не смогу от него избавиться, потому что он таит

в себе всю безнадежность *врожденного* изъяна". В первые же каникулы, проведенные у матери, Брюно понял, что для *хиппи* он никогда не станет своим; он не был и никогда не будет роскошным животным. По ночам ему снились распахнутые вульвы. Примерно в то же время он начал читать Кафку. При первом чтении его словно холодом обдало, стужей замедленного действия, и в течение нескольких часов после того, как он закончил "Процесс", его не покидало какое-то ватное оцепенение. Он сразу же понял, что этот заторможенный, скованный стыдом мир, где люди сталкиваются в космической пустоте и никакие отношения между ними вовек невозможны, в точности совпадает с его ментальным миром. Миром неспешным и холодным. В этом мире имелось, правда, и кое-что горячее — то, что у женщин между ног, но в это кое-что Брюно был не вхож.

Становилось все очевиднее, что Брюно плохо, что у него нет друзей, что он до ужаса боится девочек, что его юные годы — это одно сплошное фиаско. Его отец осознавал это с растущим чувством вины. На Рождество 1972 года он потребовал встречи с бывшей женой, чтобы обсудить ситуацию. В разговоре выяснилось, что едино-

утробный брат Брюно учится в том же лицее и тоже в десятом классе (правда, в параллельном), но мальчики даже не знакомы; эта новость потрясла его, он усмотрел в ней символ чудовищного распада семьи, в котором повинны они оба. Впервые проявив настойчивость, он велел Жанин связаться со вторым сыном и спасти то, что еще можно спасти.

Жанин не питала особых иллюзий по поводу отношения к ней бабушки Мишеля, но все оказалось еще хуже, чем она себе представляла. В тот момент, когда она припарковала свой “порше” у их домика в Креси-ан-Бри, старушка как раз вышла с хозяйственной сумкой в руках.

— Я не могу запретить вам видеться с ним, это ваш сын, — сухо сказала она. — Я иду за покупками, буду через два часа, и мне бы очень хотелось, чтобы к этому времени вас тут не было. — И отвернулась.

Мишель сидел в своей комнате; она толкнула дверь и вошла. Она решила поцеловать его и уже было подалась к нему, но он отпрыгнул от нее на метр, не меньше. С возрастом он стал поразительно похож на отца: те же светлые тонкие волосы, то же угловатое лицо с высокими скулами. Она привезла ему проигрыватель и несколько альбо-

мов “Роллинг Стоунз”. Он молча принял подарок (проигрыватель оставил себе, пластинки уничтожил через несколько дней). В его скромно обставленной комнате на стенах не было никаких плакатов. На откинутой крышке секретера лежал раскрытый учебник математики. “Что это?” — спросила она. “Дифференциальные уравнения”, — неохотно ответил он. Она собиралась поговорить с ним о жизни, пригласить к себе на каникулы, но куда там. Она просто сообщила, что скоро он познакомится с братом, он кивнул. Они просидели так уже почти час, паузы затягивались, как вдруг снаружи раздался голос Аннабель. Мишель бросился к окну и крикнул ей, чтобы она вошла. Жанин взглянула на девушку, когда та открывала садовую калитку. “Какая хорошенькая у тебя подружка…” — заметила она, скривившись. Мишель отпрянул, словно от удара наотмашь, его лицо исказилось. Подойдя к своему “порше”, Жанин столкнулась с Аннабель и посмотрела ей прямо в глаза; в ее взгляде читалась ненависть.

Бабушка Мишеля не питала никакой неприязни к Брюно: он тоже жертва их общей матери, которой чуждо все человеческое, — таков был ее взгляд на вещи — поверхностный, но в целом верный. Так Брюно взял в привычку навещать

Мишеля каждый четверг после обеда. Из Кре-си-ла-Шапель он ехал в автовагоне. Когда представлялся удобный случай (а он представлялся практически всегда), он пристраивался напротив какой-нибудь одинокой девушки. В большинстве своем девушки носили прозрачные блузки или что-то в этом роде и сидели нога на ногу. И не то чтобы даже напротив, скорее наискосок, а бывало, и на той же скамейке, на расстоянии метров двух от них, никак не дальше. Завидев длинные светлые или каштановые волосы, он мгновенно возбуждался; выискивая себе место, он шел между рядами и чувствовал, как все сильнее пульсирует боль в штанах. Он садился, вынув заранее носовой платок. Главное, успеть раскрыть папку и положить ее на колени; а там уж раз-раз — и готово. А если девушка вдруг раздвигала ноги в ту минуту, когда он доставал член, то необязательно даже было к нему прикасаться — Брюно кончал мгновенно, стоило ему увидеть ее трусы. Носовой платок служил больше для подстраховки: обычно он кончал прямо на листы в папке: на квадратные уравнения, схемы строения насекомых, на график добычи угля в СССР. Девушка спокойно читала журнал.

Годы спустя Брюно не узнавал себя в этом

мальчике. Все эти вещи происходили на самом деле; они имели непосредственное отношение к пугливому толстому подростку с его детских фотографий. Этот подросток имел некоторое отношение к сексуально озабоченному взрослому мужчине, в которого он превратился. Его детство было болезненным, юность — ужасной; ему сорок два года, и, объективно говоря, до смерти жить и жить. Что ему предстоит еще испытать? Ну, допустим, сколько-то фелляций, и за них, понятное дело, он будет платить все охотнее. Жизнь, направленная на достижение цели, выкраивает мало места для воспоминаний. По мере того как его эрекции становились все затруднительнее и короче, Брюно впадал в какую-то тоскливую апатию. Главная цель его жизни — секс, и тут уже ничего изменишь, теперь он это понимал. В этом смысле Брюно был типичным представителем своего времени. В его юности жесткая экономическая конкуренция, которую переживало французское общество на протяжении двух столетий, несколько ослабла. В общественном мнении все больше утверждалась мысль, что экономические условия должны тяготеть к определенному равенству. Политики и руководители предприятий часто ссылались

на модель шведской социал-демократии. В связи с чем Брюно не слишком стремился превзойти своих современников за счет экономических успехов. В профессиональном плане его единственной целью было — и вполне обоснованно — раствориться в “огромной аморфной массе среднего класса”, описанной позже президентом Жискаром д’Эстеном. Но человека хлебом не корми, дай установить какую-нибудь иерархию, главное же — почувствовать свое превосходство над себе подобными. Дания и Швеция, послужившие образцом для европейских демократий на пути к экономическому равенству, подали пример также и в области *сексуальной свободы.* Совершенно неожиданно внутри этого среднего класса, в который постепенно вливались рабочие и топ-менеджеры, а вернее, для детей этого среднего класса открылось новое поле нарциссического соперничества. В июле 1972 года, на летних языковых курсах в Траунштайне, небольшом баварском городке недалеко от австрийской границы, Патрик Кастелли, юный француз из его группы, умудрился за три недели переспать с тридцатью семью девицами. Брюно за отчетный период даже не размочил счет. В конце концов он показал член продавщице в супермаркете,

которая, спасибо ей, расхохоталась и не стала подавать на него жалобу. Патрик Кастелли, как и Брюно, происходил из буржуазной семьи и хорошо учился; их судьбы обещали быть сопоставимыми в финансовом отношении. Практически все юношеские воспоминания Брюно были того же рода.

Впоследствии глобализация экономики повлекла за собой куда более жесткую конкуренцию, так рухнули мечты об интеграции всего населения в обобщенный средний класс с неуклонно растущей покупательной способностью; самые широкие социальные слои скатывались в бедность и безработицу. При этом ожесточенность сексуальной конкуренции не уменьшалась, скорее наоборот.

С тех пор как Брюно познакомился с Мишелем, прошло уже двадцать пять лет. За этот пугающий промежуток времени он, как ему казалось, почти не изменился; гипотеза тождества личности с неизменным ядром основных характеристик представлялась ему самоочевидной. И все же немалые пласты его собственной истории бесследно исчезли из памяти. У него создавалось ощущение, что он как бы и не прожил целые месяцы и годы. Чего не скажешь о последних двух

годах юности, столь богатых воспоминаниями и определяющим жизненным опытом. Память человеческой жизни, объяснял ему много позже его брат, похожа на последовательные истории Гриффитса. Тем майским вечером они сидели в квартире Мишеля и пили кампари. Они редко заговаривали о прошлом, обычно их беседы касались текущей политической или социальной повестки, но в тот вечер они изменили этому правилу.

— У тебя сохранились воспоминания о некоторых моментах твоей жизни, — рассуждал Мишель, — и эти воспоминания принимают самые разнообразные формы: ты вспоминаешь мысли, мотивации и лица. Иногда всплывает только имя, вроде этой Патрисии Ховилер, о которой ты сейчас рассказывал, хотя сегодня ты бы ее даже не узнал. Иногда видишь чье-то лицо, но не умеешь привязать к нему воспоминание. В случае с Каролиной Есаян все, что ты о ней знаешь, укладывается в те несколько секунд, запечатленных в памяти с невообразимой точностью, когда твоя рука лежала на ее ляжке. Гриффитс ввел понятие последовательных историй в 1984 году, для того чтобы связать между собой квантовые измерения в правдоподобные повествования. История Гриф-

фитса строится из последовательности более или менее произвольных измерений, выполненных в разные моменты времени. Каждое измерение выражает тот факт, что некоторая физическая величина, возможно отличающаяся от одного измерения к другому, находится в данный момент времени в определенном интервале значений. Например, в момент времени *ti* электрон имеет такую-то скорость, определяемую с некоторым приближением, зависящим от способа измерения; в момент времени *t2* он находится в такой-то области пространства; в момент времени *ty* имеет такое-то значение спина. Исходя из подмножества результатов измерений, можно построить логически непротиворечивую *историю,* но нельзя сказать, что она *истинна;* ее просто допустимо отстаивать, не впадая в противоречие. Некоторые из жизненных историй, возможных в рамках данного эксперимента, могут быть записаны в нормализованной форме Гриффитса; тогда они называются *последовательными историями Гриффитса,* и все происходит так, будто мир состоит из отдельных объектов с внутренне присущими им неизменными свойствами. Однако число последовательных историй Гриффитса, которые можно записать исходя из серии изме-

рений, обычно значительно больше единицы. Ты осознаешь свое “я”; это осознание позволяет тебе выдвинуть гипотезу: история, которую ты способен восстановить из собственных воспоминаний, является последовательной историей, оправданной в рамках принципа недвусмысленного повествования. Поскольку ты являешься отдельным индивидом, продолжающим свое существование в течение определенного отрезка времени и подчиняющимся некоей онтологии объектов и свойств, будь уверен — с тобой, безусловно, можно связать некоторую последовательную историю Гриффитса. Только эту априорную гипотезу ты принимаешь для сферы реальной жизни, но не для сферы сновидений.

— Мне хотелось бы думать, что мое “я” — это иллюзия, хотя и болезненная иллюзия… — тихо сказал Брюно; но Мишель не знал, что ответить, он совсем не разбирался в буддизме. Разговор давался им нелегко, они виделись от силы два раза в год. В молодости им случалось вести бурные дискуссии, но те времена давно миновали. В сентябре 1973-го они вместе перешли в одиннадцатый “С” с математическим уклоном; в течение двух лет вместе изучали математику и физику. Мишель был гораздо талантливее

своих одноклассников. Мир людей, начинал он понимать, не оправдывает надежд, он полон тревоги и горечи. Математические уравнения приносили ему безмятежную, живую радость. Он продвигался на ощупь в полумраке и вдруг находил просвет: несколько формул, несколько дерзких факторизаций, и он достигал уровня счастливой безмятежности. Первое уравнение в доказательстве было самым волнующим, потому что истине, мерцающей на полпути, не хватало еще достоверности; последнее уравнение оказывалось самым ослепительным, самым радостным. В том же году Аннабель перешла в десятый класс лицея Мо. Они часто проводили время втроем после занятий. Потом Брюно возвращался в интернат, Аннабель и Мишель отправлялись на вокзал. Ситуация принимала странный и печальный оборот. В начале 1974 года Мишель ушел с головой в гильбертовы пространства; затем ознакомился с теорией меры, открыл для себя интегралы Римана, Лебега и Стилтьеса. Брюно меж тем читал Кафку и мастурбировал в автовагоне. Как-то в мае, зайдя днем в бассейн, недавно открывшийся в Ла-Шапель-сюр-Креси, он с превеликим удовольствием распахнул полотенце и показал член двум девочкам лет

двенадцати; удовольствие возросло, когда девочки принялись пихать друг друга, проявив живой интерес к неожиданному зрелищу; он обменялся долгим взглядом с одной из них, брюнеточкой в очках. Брюно хоть и был слишком несчастен и фрустрирован, чтобы интересоваться чужой психологией, все же отдавал себе отчет, что его брат находится в еще более тяжелом положении, чем он сам. Они часто заходили вместе в кафе; Мишель носил анораки и дурацкие шапки и не умел играть в настольный футбол; говорил в основном Брюно. Мишель сидел не шелохнувшись, говорил все меньше и меньше; на Аннабель смотрел внимательно и безучастно. Аннабель не сдавалась; порой Мишель казался ей существом из другого мира. Незадолго до того она прочитала “Крейцерову сонату” и подумала было, что благодаря этой книге она его поняла. Двадцать пять лет спустя Брюно стало ясно, что они попали тогда в несуразную, ненормальную ситуацию, не имеющую будущего; обдумывая прошлое, постоянно испытываешь ощущение — возможно, ложное — некоей предопределенности.

12. Своим чередом

В эпоху революций те, кто так странно кичится, приписывая себе невеликую заслугу пробуждения в своих современниках анархических страстей, не осознают, что их кажущийся и достойный сожаления триумф обусловлен в основном спонтанной предрасположенностью, определяемой соответствующей общественной ситуацией во всей ее полноте.

Огюст Конт. Курс позитивной философии. Урок 48

Середина семидесятых во Франции ознаменовалась скандальным успехом “Призрака рая”, “Заводного апельсина” и “Вальсирующих”, трех совершенно непохожих фильмов, массовый успех которых тем не менее утвердил коммерческую целесообразность “молодежной” культуры, основанной, по сути, на сексе и насилии, которая неуклонно завоевывала рынок в течение последующих десятилетий. Что касается молодежи шестидесятых, разбогатевших тридцатилетних, то они легко узнавали себя в

“Эммануэль”, вышедшей на экраны в 1974-м: приятное времяпрепровождение, экзотические места, разнообразные фантазмы — фильм Жюста Жакена уже сам по себе, в контексте по-прежнему глубоко укорененной иудео-христианской культуры, стал манифестом вступления в цивилизацию развлечений.

В целом же движение, способствовавшее свободе нравов, достигло в 1974-м значительных успехов. Двадцатого марта в Париже открылся клуб “Витатоп”, сыгравший роль первопроходца в области физического развития и культа тела. Пятого июля приняли закон о снижении возраста совершеннолетия до 18 лет, 11 июля — о разводе по обоюдному согласию, исключив адюльтер из Уголовного кодекса. Наконец, 28 ноября благодаря поддержке левых и после бурных дебатов, “исторических” по мнению большинства экспертов, был принят “закон Вейль”, разрешающий аборты. Христианская антропология, и правда долгое время преобладавшая в странах Запада, придавала огромное значение любой человеческой жизни, от зачатия до смерти; эта значимость обусловлена верой христиан в существование *души* внутри человеческого тела — души, по определению бессмертной, которой рано или поздно

суждено возвратиться к Богу. Под влиянием достижений биологии в XIX–XX веках постепенно сформировалась материалистическая антропология, радикально отличная по своим постулатам и гораздо более умеренная в этических рекомендациях. С одной стороны, эмбрион — небольшое скопление клеток, находящихся в состоянии прогрессирующего развития, — получал право на автономное индивидуальное существование только при соблюдении определенного социального консенсуса (отсутствие инвалидизирующего генетического дефекта, согласие родителей). С другой стороны, старик, представляющий собой скопление органов в состоянии беспрерывного разложения, мог реально заявить о своем праве на выживание лишь при условии удовлетворительного отправления своих физиологических потребностей — так появилось понятие *человеческого достоинства.* То есть этические проблемы, связанные с диаметрально противоположными стадиями жизни (аборт, а через несколько десятилетий — эвтаназия), отныне стали полем непреодолимого противостояния двух разных взглядов на мир, двух, по сути, антагонистических антропологических концепций.

Принципиальный агностицизм, лежащий

в основе общественного устройства Французской республики, способствовал лицемерному и даже в чем-то зловещему торжеству материалистической антропологии. Вопрос *ценности* человеческой жизни, хоть никогда и не обсуждался открыто, неизменно будоражил умы, и можно с уверенностью сказать, что в последние десятилетия существования западной цивилизации он отчасти обусловил возникновение депрессивной и чуть ли не мазохистской атмосферы в обществе.

Для Брюно, которому недавно исполнилось восемнадцать, лето 1974 года стало важным, более того, переломным периодом. Решив много лет спустя все же обратиться к психиатру, он не раз возвращался к рассказу о том времени, чтобы скорректировать те или иные детали, — и психиатр, судя по всему, высоко оценил его повествование. Вот каноническая версия событий, которой Брюно отдавал предпочтение:

— Дело было в конце июля. Я уехал на неделю к матери, на Лазурный Берег. У нее дома вечно кто-то жил. В то лето она спала с одним канадцем — мускулистым парнем с внешностью лесоруба. Утром в день отъезда я проснулся очень рано. Солнце уже пригревало. Я вошел в их комнату,

они оба еще спали. Я замешкался на несколько секунд и откинул простыню. Мать пошевелилась, и на мгновение мне показалось, что она сейчас откроет глаза; она слегка раздвинула ноги. Я опустился на колени перед ее промежностью. Я протянул руку, но остановился в паре сантиметров, не посмев ее потрогать. Потом вышел подрочить. Она подкармливала кучу кошек, в основном бродячих. Я подошел к черному котенку, который грелся на валуне. Земля вокруг дома была каменистая, совершенно белая, беспощадно белая. Кот несколько раз взглянул на меня, пока я дрочил, но зажмурился до того, как я кончил. Я нагнулся, подобрал с земли увесистый булыжник. Кошачий череп раскололся, мозги брызнули наружу. Я забросал его труп камнями и вернулся в дом — все еще спали. Утром мама отвезла меня к отцу, он жил километрах в пятидесяти от нее. В машине она впервые заговорила со мной о ди Меоле. Он тоже уехал из Калифорнии четыре года назад и купил большое поместье недалеко от Авиньона, на склонах горы Ванту. Летом к нему съезжалась молодежь со всей Европы, и Северной Америки тоже. Она подумала, что мне бы не вредно как-нибудь провести у него лето, мол, там мне откроются новые горизонты. Учение ди

Меолы опиралось в основном на брахманическую традицию, но, по ее словам, без фанатизма и сектантства. К тому же он отдавал должное достижениям кибернетики, НЛП и технике деперограммирования, разработанной в Эсалене. Прежде всего речь шла об освобождении личности и ее глубинного творческого потенциала.

— Мы используем всего лишь 10 % наших нейронов. Более того, — добавила Джейн (они ехали по сосновому лесу), — там ты сможешь подружиться со своими сверстниками. За то время, что ты у нас прожил, мы все пришли к выводу, что у тебя проблемы с сексом. На Западе подход к сексу, — продолжала она, — совершенно исковеркан и извращен. Во многих примитивных обществах сексуальная инициация происходит естественным путем, в раннем подростковом возрасте, под присмотром взрослых членов племени. Я твоя мать, — сочла нужным напомнить она, но умолчала о том, что сама в 1963 году “инициировала” Дэвида, сына ди Меолы. Дэвиду тогда было тринадцать лет. В первый день она разделась перед ним и велела ему подрочить. На второй она уже сама ему дрочила и сосала. Наконец, на третий день позволила ему войти в нее. Приятно вспомнить — член мальчика был несгибаемо тверд и

стоял наготове даже после того, как он несколько раз кончил; с тех пор она, похоже, окончательно переключилась на юношей. — Однако, — добавила Джейн, — инициация должна происходить за пределами ближайшего семейного круга. Это необходимо, чтобы открыть подростку мир.

Брюно вздрогнул, гадая, уж не проснулась ли она тем утром, когда он впился взглядом в ее промежность. Впрочем, замечанию его матери удивляться не приходится: табу на инцест у серых гусей и мандрилов было научно доказано. Они подъезжали к Сент-Максиму.

— Приехав к отцу, — продолжал Брюно, — я понял, что с ним что-то не так. Тем летом он смог взять отпуск всего на две недели. Тогда я не отдавал себе отчета, но у него впервые начались проблемы с деньгами, дела его шли не очень хорошо. Позже он все мне рассказал. Он совершенно упустил из виду растущий спрос на силиконовые груди. Посчитал, что это мимолетное увлечение, которое не выйдет за пределы американского рынка. Сглупил, короче. Не было еще такого случая, чтобы мода, зародившаяся в США, не охватила через несколько лет всю Западную Европу, ни единого. А вот его молодой компаньон не зевал, он открыл собственную фирму и пере-

манил большую часть его клиенток, используя силиконовую грудь в качестве товара-приманки.

На момент этой исповеди отцу Брюно было уже семьдесят, и вскоре он скончался от цирроза печени.

— История повторяется, — мрачно добавлял он, позвякивая кубиками льда в стакане. — Этот мудак Понсе (он имел в виду лихого молодого хирурга, из-за которого он разорился двадцать лет назад), этот мудак Понсе решил не вкладываться сейчас в удлинение члена. Говорит, это отдает колбасной лавкой, и вообще он сомневается, что в Европе мужики клюнут. Мудак. Такой же мудак, как я в свое время. Будь мне сегодня тридцать, о да, я бы точно занялся удлинением членов! — Выпалив это, он погружался в мрачную задумчивость и клевал носом. В таком возрасте разговор неизбежно слегка буксует.

В то лето, в июле 1974-го, отец Брюно находился еще в самой начальной стадии старения. После обеда он запирался у себя со стопкой детективов Сан-Антонио и бутылкой бурбона. Выходил около семи вечера, чтобы разогреть готовые блюда, руки у него дрожали. Он не то чтобы напрочь отказался от разговоров с сыном, у него просто не получалось, правда не получалось. На третьи сут-

ки атмосфера сделалась совсем гнетущей. Брюно стал уходить из дому на всю вторую половину дня; тупо отправлялся на пляж.

Следующая часть истории психиатру нравилась меньше, но Брюно она была важна, и ему совсем не хотелось обходить ее молчанием. В конце концов, этот хрен тут торчит, чтобы его выслушать; он ведь платит ему, не так ли?

— Она всегда приходила одна, — упорно продолжал Брюно, — и одиноко сидела на пляже до самого вечера. Бедняжка, ребенок богатых родителей, как и я; семнадцатилетняя толстуха, пышка с застенчивым лицом, слишком бледной кожей и вся в прыщах. На четвертый день, накануне отъезда, я взял полотенце и подсел к ней. Она лежала на животе, расстегнув лифчик от купальника. Помню, я спросил: “Ты тут на каникулах?” — ничего лучше не придумал. Она подняла на меня глаза: конечно, она вряд ли ожидала чего-то искрометного, но, может, все-таки не такой хрени. Потом мы представились друг другу, ее звали Анник. Рано или поздно ей придется встать, и я задумался, что она сделает — попытается застегнуть лифчик на спине или, наоборот, покажет мне грудь? Она выбрала промежуточный вариант: перевернулась, при-

держивая лифчик с боков. В итоге чашки слегка съехали, прикрывая ее только наполовину. У нее и в самом деле оказалась огромная грудь, уже немного обвисшая, и, наверное, со временем эта обвислость усугубится. Да уж, сказал я себе, отваги ей не занимать. Я протянул руку и засунул ее под лифчик, постепенно оголяя ее грудь. Она не шелохнулась, лишь напряглась слегка и закрыла глаза. Я осторожно продвинулся, ее соски затвердели. Я и по сей день считаю, что пережил тогда один из самых прекрасных моментов своей жизни.

Потом начались трудности. Я отвез ее к себе, и мы сразу поднялись в мою комнату. Я боялся, что отец увидит ее; у него-то в жизни хватало настоящих красоток. Но он спал, более того, в тот день он перепил и очнулся только к десяти вечера. Как ни странно, она не дала мне снять с нее трусы. У нее еще никогда ничего не было, призналась она, вообще с мальчиками ничего не было. Но дрочила она мне довольно уверенно, с большим энтузиазмом; помню, как она улыбалась. Потом я поднес член к ее губам; она немного пососала его, но ей это не слишком понравилось. Я решил не настаивать и просто сел на нее верхом. Я просунул член между ее грудей и почувствовал, что

ей очень приятно, она тихо застонала. Я ужасно возбудился, встал и спустил с нее трусы. На этот раз она не возражала, даже подняла ноги, чтобы мне помочь. Да, она была далеко не красавица, но вульва ее манила, как у любой женщины. Она закрыла глаза. Стоило мне просунуть руки ей под попу, как она широко раздвинула ноги. Это так на меня подействовало, что я тут же кончил, еще не успев толком ей вставить. Немного спермы попало ей на лобок. Я страшно расстроился, но она сказала, ничего страшного, ей хорошо.

Времени на разговоры у нас не оставалось, было уже восемь, и Анник заторопилась домой, к родителям. И почему-то сообщила мне, что она единственный ребенок. Она выглядела такой счастливой, так гордилась, что у нее появилась уважительная причина опоздать к ужину, что я чуть не расплакался. Мы долго целовались в палисаднике перед домом. На следующее утро я вернулся в Париж.

Изложив свою зарисовку, Брюно делал паузу. Доктор сдержанно фыркал, а затем обычно говорил: “Ну, ладно”. В зависимости от того, как долго они просидели, он либо произносил какую-нибудь фразу, запускающую новый виток беседы, либо, наоборот, завершал ее: “Что ж, на сегодня

хватит?” — он чуть повышал голос на последнем слоге, чтобы подчеркнуть вопросительную интонацию. Его улыбка при этом отличалась изысканной непринужденностью.

13

Тем же летом 1974 года Аннабель позволила поцеловать себя мальчику на дискотеке в Сен-Пале. Она как раз прочитала в журнале “Стефани” подборку статей о дружбе между мальчиками и девочками. Обращаясь к теме *друга детства,* журнал выдвигал следующий, на редкость отвратительный тезис: друг детства крайне редко превращается в *бойфренда;* судьба уготовила ему скорее участь приятеля, *верного товарища,* ему частенько можно излить душу и обратиться за поддержкой в минуты эмоциональных потрясений, вызванных первым *флиртом.*

Через несколько секунд после первого поцелуя, вопреки утверждениям вышеупомянутого периодического издания, на Аннабель нахлынула ужасная тоска. Что-то мучительное, неизведанное теснило ей грудь. Она вышла из “Катманду”, не разрешив мальчику себя проводить. Пока она снимала противоугонный замок со своего мопеда, ее била мелкая дрожь. В тот вечер она надела свое самое красивое платье. Дом ее брата стоял всего в километре оттуда, и когда она вернулась, было еще только начало двенадцатого, в гости-

ной горел свет; завидев свет, она расплакалась. Вот при таких обстоятельствах, в ту июльскую ночь 1974 года, к Аннабель пришло болезненное и бесповоротное осознание своего *индивидуального бытия.* Индивидуальное бытие впервые открывается животному в виде физической боли, в человеческом же обществе оно полностью осознается, когда возникает потребность во *лжи,* с которой его, в принципе, можно спутать. До шестнадцати лет Аннабель не имела секретов от родителей; не имела она секретов — что, как она теперь догадывалась, большая редкость и удача — и от Мишеля. За несколько часов в ту ночь Аннабель осознала, что человеческая жизнь — не что иное, как непрерывная череда лжи. Одновременно с этим к ней пришло осознание собственной красоты.

Индивидуальное бытие и вытекающее из него чувство свободы составляют естественную основу *демократии.* В демократическом обществе отношения между людьми традиционно регулируются *договором.* Договор, не учитывающий естественные права одной из сторон или не содержащий четких условий расторжения, признается тем самым недействительным.

Если о лете 1974 года Брюно с удовольствием

рассказывал в мельчайших подробностях, то о последовавшем за ним учебном годе, от которого у него остались, честно говоря, лишь воспоминания о нарастающем дискомфорте, он особо не распространялся. Некий неопределенный отрезок времени в довольно мрачных тонах. Он так же часто виделся с Аннабель и Мишелем, и в принципе они по-прежнему были очень близки, но впереди маячили выпускные экзамены, и в конце учебного года им неизбежно предстояло расстаться. Мишель изменился: он слушал Джими Хендрикса, самозабвенно катаясь по ковру;

гораздо позже всех остальных у него начали проявляться явные признаки *переходного возраста.* Между ним и Аннабель ощущалась какая-то неловкость, они не так охотно, как раньше, брались за руки. Короче, как Брюно однажды сказал своему психиатру, “все у них пиздой накрылось”.

Благодаря эпизоду с Анник, который Брюно был склонен приукрашивать в своих воспоминаниях (ему, кстати, хватило ума ей не перезвонить), он почувствовал себя немного увереннее. Однако за этой первой победой других не последовало, он получил грубый отпор, попытавшись поцеловать Сильви, симпатичную брюнетку, такую прям *зайку*, одноклассницу Аннабель. Но ведь если

одна девочка его захотела, то и другие найдутся; так что к Мишелю он начал относиться в чем-то даже покровительственно. В конце концов, это его брат, к тому же младше на два года.

— Тебе пора уже что-то предпринять с Аннабель, — повторял он, — она только того и ждет, она влюблена в тебя, и она самая красивая девочка в лицее.

Мишель ерзал на стуле и отвечал: “Ага”. Шли недели, а он все колебался, на пороге взрослой жизни. Поцелуй он Аннабель, они оба сумели бы, возможно, избежать трудностей этого перехода, другого способа не было, но он не понимал этого; он позволил себя убаюкать обманчивому ощущению, что впереди у него вечность. В апреле он привел в ярость своих учителей, забыв заполнить анкету для поступления на подготовительные курсы. Хотя у него, как ни у кого другого, были все шансы попасть в какую-нибудь высшую школу. До начала экзаменов на бакалавра оставалось месяца полтора, а он все чаще витал в эмпиреях. Сидя в классе, смотрел через зарешеченные окна на облака, на деревья в школьном дворе или на других учеников; казалось, что дела человеческие его уже совсем не волнуют.

Брюно, напротив, решил записаться на фило-

логический факультет: ему поднадоели ряды Тейлора-Маклорена, а главное, на филфаке водятся девушки, много девушек. Отец не возражал. Как все старые распутники, он на склоне лет стал сентиментален и горько упрекал себя за то, что своим эгоизмом испортил сыну жизнь, что было не так уж далеко от истины. В начале мая он расстался с Жюли, своей последней любовницей, великолепной женщиной, надо сказать; Жюли Ламур в повседневной жизни, она взяла сценический псевдоним — Джулия Лав. Она снималась в первых, давно уже позабытых порнофильмах французского образца — у Берда Транбаре и Франсиса Леруа. Внешне она чем-то напоминала Жанин, только та все же не была такой дурой. “Опять на те же грабли”, — буркнул отец Брюно, когда обнаружил их сходство, наткнувшись на девичью фотографию бывшей жены. На званом ужине у Беназерафа она познакомилась с Делёзом и с тех пор регулярно пускалась в интеллектуальные оправдания порнографии, и вот тут уж его терпение лопнуло. Кроме того, она влетала ему в копеечку, привыкнув на съемках к арендованным “роллсам”, шубам и всяким эротическим фишкам, а ему с возрастом все это совсем опротивело. В конце 1974 года ему пришлось продать

дом в Сент-Максиме. Через несколько месяцев он купил сыну студию неподалеку от Обсерватории: очень хорошую студию, светлую, тихую, с открытым видом. Когда он привел туда Брюно, у него вовсе не возникло ощущения, что он делает ему какой-то невероятный подарок, скорее, он пытался по мере сил *загладить свою вину;* в любом случае эта студия явно досталась ему по дешевке. Обведя взглядом квартиру, он слегка оживился. “Сможешь водить сюда девочек!” — неосторожно воскликнул он. Увидев лицо сына, он тут же пожалел о своих словах.

В конце концов Мишель записался в Орсе на физмат; его привлекла прежде всего близость кампуса — именно так он и рассуждал.

Неудивительно, что оба брата успешно получили свой “бак”. Аннабель пошла с ними узнать результаты, вид у нее был серьезный, она очень повзрослела за этот год. Немного похудевшая, с какой-то затаенной улыбкой, она стала, увы, еще красивее. Брюно решил проявить инициативу: летнего дома в Сент-Максиме больше нет, зато он может провести каникулы в поместье ди Меолы, как посоветовала ему мать. Он предложил им поехать вместе. Они отправились туда через месяц, в конце июля.

14. Лето семьдесят пятого

Дела их не допускают их обратиться к Богу своему, ибо дух блуда внутри них, и Господа они не познали.

Книга пророка Осии, 5:4

У автобуса в Карпантра их встретил обессилевший, больной человек. Сын итальянского анархиста, эмигрировавшего в США в начале двадцатых, Франческо ди Меола, несомненно, *преуспел в жизни* — в финансовом отношении, разумеется. Этот молодой итальянец в конце Второй мировой войны понял, как и Серж Клеман, что мы вступаем в радикально новый мир, и многие занятия, долгие годы считавшиеся элитарными или, напротив, маргинальными, вскоре станут весьма выгодными в экономическом плане. В то время как отец Брюно вкладывал деньги в пластическую хирургию, ди Меола занялся производством пластинок; некоторые, конечно, зарабатывали гораздо больше, чем он, но и ему удалось все же отхватить солидный кусок пирога. В сорок лет он, как и многие калифорнийцы, интуитивно угадал новую волну, гораздо более

значимую, чем просто случайное веяние моды, волну, которой суждено будет смыть всю западную цивилизацию. Вот почему он принимал у себя на вилле в Биг-Суре Аллана Уоттса, Пауля Тиллиха, Карлоса Кастанеду, Абрахама Маслоу и Карла Роджерса. Чуть позже ему посчастливилось даже познакомиться с Олдосом Хаксли, истинным духовным отцом нового движения. Постаревший и полуслепой Хаксли не уделил ему особого внимания, но на него эта встреча произвела глубокое впечатление.

Он и сам не понимал толком, что побудило его уехать в 1970 году из Калифорнии и купить поместье в Верхнем Провансе. Позже, почти в самом конце жизни, он пришел к мысли, что по непонятным соображениям хочет *умереть в Европе;* но в тот момент он осознавал лишь самые свои поверхностные мотивации. Майские события 1968-го не оставили его равнодушным, и когда волна хиппи в Калифорнии стала иссякать, он подумал, что с европейской молодежью еще можно что-то сделать. Джейн считала, что он на правильном пути. Французской молодежи, кроме всего прочего, не хватает воздуха, она зажата в патерналистские тиски голлизма; но, уверяла она, одной искры хватит, чтобы все запылало.

Вот уже несколько лет Франческо только и делал, что курил косяки в компании совсем юных девиц, слетевшихся на свет духовной ауры нового начинания, а затем трахался с ними среди мандал, в аромате благовоний. В Биг-Сур приезжали, как правило, всякие протестантские дурочки; по крайней мере половина из них при ближайшем рассмотрении оказывались девственницами. К концу шестидесятых и этот поток стал иссякать. Он решил тогда, что пришла пора вернуться в Европу; этот глагол звучал странно, ведь он покинул Италию в возрасте пяти лет. Его отец был не просто революционным активистом, но и культурным человеком, любителем изящной словесности, эстетом. Что, видимо, не могло на нем не отразиться. В глубине души он всегда считал американцев недоумками.

Он по-прежнему был очень красив — точеное смуглое лицо, вьющиеся седые волосы, длинные и густые, — вот только в недрах его тела клетки начали делиться как попало, разрушать генетический код соседних клеток и секретировать токсины. Специалисты, к которым он обращался, противоречили друг другу по многим пунктам, но сходились в главном: ему недолго осталось. Рак неоперабельный, со множественными метастаза-

ми. В большинстве своем врачи предрекали ему тихую агонию и даже, при наличии определенных лекарств, отсутствие физических страданий до самого конца; до сих пор он и правда чувствовал лишь сильную общую усталость. Однако он не смирился; он и представить себе не смог, что смирится. Для современного западного человека, пусть и в добром здравии, мысль о смерти — это своего рода *белый шум,* заполняющий мозг по мере угасания всех планов и желаний. С возрастом шум становится настойчивее, его можно уподобить тяжелому храпу, иногда с вкраплениями какого-то скрежета. В прежние времена этот белый шум означал ожидание Царства Божьего, сегодня — ожидание смерти. Как-то так.

Хаксли, он запомнил это навсегда, показался ему равнодушным к перспективе собственной смерти, либо он тогда просто тупил или обдолбался. Ди Меола читал Платона, “Бхагавадгиту” и “Дао дэ цзин”, но ни одна из этих книг не принесла ему ни малейшего успокоения. Ему всего-то шестьдесят, а он уже умирает, все симптомы налицо, их нельзя не заметить. Он даже почти утратил интерес к сексу и лишь мимоходом отметил красоту Аннабель. Что касается мальчиков, то он вообще не удостоил их внимания. Он давно

жил в окружении молодежи и, скорее всего, чисто машинально проявил смутное любопытство при мысли о знакомстве с сыновьями Джейн, но если честно, плевать он на них хотел. Он высадил их посреди своего имения, сказав, что они могут поставить палатку где угодно; ему бы сейчас лечь и желательно никого не видеть. Физически он все еще оставался образцом проницательного, страстного мужчины, глаза его искрились иронией и даже мудростью; некоторые самые выдающиеся идиотки находили его лицо просветленным и доброжелательным. Сам он никакой доброжелательности в себе не чувствовал, более того, казался себе весьма посредственным актером: и как только они все на это ведутся? Вот уж, говорил он себе иногда с некоторой грустью, редкие они мудаки, все эти молодые люди, алчущие новых духовных ценностей.

Уже через несколько секунд после того, как они вышли из джипа, Брюно понял, что совершил ошибку. Холмистое поместье, поросшее кустарником и цветами, плавно спускалось к югу. В тихую зеленую промоину низвергался водопад; рядом, лежа голышом на плоском камне, сохла на солнце женщина, другая намыливалась, собираясь нырнуть. Ближе к ним, на циновке стоял

на коленях высокий бородатый мужик, медитировал или просто дремал. Он тоже был голый и очень загорелый, длинные светло-русые волосы резко выделялись на фоне смуглой кожи, он чем-то напомнил ему Криса Кристофферсона. Брюно приуныл: а чего он, собственно, ожидал? Возможно, еще не поздно слинять, но при условии, что они сделают это прямо сейчас. Он взглянул на своих спутников: Аннабель с поразительным спокойствием раскладывала палатку; Мишель сидел на пне и теребил шнурок рюкзака с совершенно отсутствующим видом.

Вода течет по пути наименьшего сопротивления. Человеческое поведение, детерминированное вообще и почти в каждом конкретном поступке в частности, допускает считаное число развилок, да и редко кто сворачивает в сторону. В 1950 году у Франческо ди Меолы родился сын от одной итальянской актрисы — актрисы второго плана, так и не поднявшейся выше ролей египетских рабынь, но сумевшей на пике своей карьеры получить две реплики в “Камо грядеши”. Они назвали сына Дэвидом. В пятнадцать лет Дэвид мечтал стать *рок-звездой.* И не он один. *Рок-звезды,* куда богаче гендиректоров предприятий и банкиров, умудрялись сохранять

имидж бунтарей. Все женщины их хотели, все мужчины им завидовали — молодые, красивые, знаменитые *рок-звезды* олицетворяли собой абсолютную вершину социальной иерархии. Ничто в истории человечества со времен обожествления фараонов в Древнем Египте не могло сравниться с тем культом, в который молодые европейцы и американцы возвели *рок-звезд.* Благодаря своей внешности Дэвид обладал всеми нужными качествами: сногсшибательная красота, одновременно животная и дьявольская; мужественное, но поразительно утонченное лицо; длинные, густые, слегка вьющиеся черные волосы; большие темно-синие глаза.

Воспользовавшись связями отца, Дэвид записал свой первый сингл в возрасте семнадцати лет и с треском провалился. Правда, сингл вышел в том же году, что и *Sgt Pepper's, Days of Future Passed* и много еще чего. Джими Хендрикс, *Rolling Stones u Doors* находились на вершине популярности; Нил Янг только начинал записываться, а на Брайана Уилсона все еще возлагали большие надежды. В те годы не нашлось места для достойного, но не слишком креативного басиста. Дэвид упорствовал, сменил четыре группы, пробовал разные варианты; через три года после отъезда

отца он тоже решил попытать счастья в Европе. Он быстро устроился в клуб на Лазурном Берегу, с этим проблем не возникло; девчонки каждый вечер ждали его в гримерке, с ними тоже не было проблем. Но никто ни в одном из лейблов даже не обратил внимания на его демо.

К тому времени, когда Дэвид познакомился с Аннабель, он успел уже переспать с пятью сотнями женщин, но он не помнил, чтобы хоть одна из них отличалась такой изысканной грацией. Аннабель, в свою очередь, увлеклась им, как и все ее предшественницы. Несколько дней она поупиралась, но через неделю после приезда все же сдалась. Человек тридцать танцевали на площадке за домом; ночь стояла теплая и звездная. На Аннабель была белая юбка и короткая футболка с нарисованным солнцем. Дэвид танцевал вплотную к ней, иногда лихо вращал ее по всем правилам рок-н-ролла. Они танцевали без устали уже больше часа под ритмы бубна, то быстрые, то медленные. Брюно стоял неподвижно, прислонившись к дереву, и с тяжелым сердцем внимательно следил за ними, все время начеку. Мишель то возникал на границе светового пятна, то исчезал во тьме. Вдруг он оказался совсем рядом, метрах в пяти от него. Брюно увидел, как

Аннабель, отойдя от танцующих, застыла прямо перед ним, и отчетливо услышал ее вопрос: “Потанцуем?”; лицо у нее при этом было ужасно печальное. Мишель отклонил приглашение каким-то невероятно медленным жестом, так бы двигалось, наверное, доисторическое животное, недавно возвращенное к жизни. Аннабель постояла перед ним как вкопанная секунд пять — десять, затем развернулась и пошла танцевать. Дэвид обнял ее за талию и крепко прижал к себе. Она положила руку ему на плечо. Брюно снова посмотрел на Мишеля, ему показалось, что по его лицу бродит улыбка; он опустил глаза. Когда он поднял голову, Мишель уже исчез. Аннабель танцевала в объятиях Дэвида; их губы сблизились.

Лежа в палатке, Мишель ждал рассвета. Под утро разразилась страшная гроза, и он с удивлением обнаружил, что ему страшновато. Потом небо успокоилось, и заладил неторопливый, нудный дождь. Капли с глухим звуком ударялись о ткань палатки в нескольких сантиметрах от его лица, но он был надежно защищен от них. У него вдруг возникло предчувствие, что вся его жизнь будет похожа на это вот мгновение. Он испытает свойственные человеку эмоции или очень близкие к ним; другие изведают счастье и отчаяние,

но его эти чувства никогда не коснутся впрямую, не растревожат его. Несколько раз за вечер Аннабель, не прекращая танцевать, смотрела в его сторону. Он попытался сдвинуться с места, но не смог; им овладело отчетливое ощущение, что он погружается в ледяную воду. А повсюду царило необычайное спокойствие. Ему чудилось, что от мира его отделяют несколько сантиметров пустоты, образующей вокруг него что-то вроде брони или панциря.

15

На следующее утро Мишеля в палатке не оказалось. Все его вещи исчезли, но он оставил записку: “Не волнуйтесь”, — и все.

Брюно уехал через неделю. Садясь в поезд, он понял, что за время пребывания тут он даже не попытался кого-нибудь закадрить, а в конце уже ни с кем и не заговаривал.

В конце августа Аннабель обнаружила, что у нее задержка. И сразу приняла решение. Проблем не возникло: отец Дэвида знал одного врача в Марселе, ярого поборника семейного планирования. Лоран, мужик лет тридцати с рыжими усиками, оказался энтузиастом своего дела. Он настоял на том, чтобы она обращалась к нему по имени, просто Лоран. Он показал ей всякие инструменты и объяснил, как выполняется аспирация и выскабливание. Он всегда старался наладить с клиентками демократичный диалог и относился к ним скорее как к подружкам. Он с самого начала поддерживал борьбу женщин за свои права, но, по его мнению, еще многое предстояло сделать. Операцию назначили на следующий день, расходы взяла на себя ассоциация

“Планирование семьи”.

Аннабель вернулась в свой гостиничный номер сама не своя. Завтра она сделает аборт, переночует в гостинице и утром отправится домой; так она решила. Каждую ночь в течение последних трех недель она приходила к Дэвиду в палатку. В первый раз ей было немного больно, но потом она получала удовольствие, огромное удовольствие; она и не подозревала, что сексуальное наслаждение бывает таким жгучим. При этом к Дэвиду она не питала никаких чувств; она не сомневалась, что он быстро найдет ей замену, чем, собственно, он, видимо, в данный момент и занимается.

В тот же вечер за дружеским ужином Лоран с восторгом рассказал о случае Аннабель. Именно за таких девушек, как она, мы и сражаемся, заметил он; за то, чтобы девушка, которой едва исполнилось семнадцать (и к тому же редкая красотка, чуть не прибавил он), не разрушила себе жизнь из-за летнего залета.

Аннабель ужасно боялась возвращаться в Креси-ан-Бри, но ничего страшного не произошло. Было четвертое сентября; родители похвалили ее загар. Они сказали, что Мишель уехал и уже поселился в университетском общежитии в Бюр-

сюр-Иветт; они явно ничего не заподозрили. Она зашла к бабушке Мишеля. Старая дама выглядела усталой, но встретила ее радушно и охотно дала адрес внука. Да, ей, конечно, показалось немного странным, что Мишель вернулся раньше всех, впрочем, и тот факт, что он переехал в общежитие за месяц до начала занятий, ей тоже показался странным; но ведь Мишель *и впрямь* странный мальчик.

Иногда (редко) посреди вселенского варварства природы людям удавалось создавать уютные уголки, озаренные любовью. Маленькие, замкнутые, заповедные пространства, где царили интерсубъективность и любовь.

Следующие две недели Аннабель провела за сочинением письма Мишелю. Писала она с трудом, ей пришлось несколько раз все зачеркивать и начинать заново. В окончательном варианте письмо состояло из сорока страниц; это было ее первое по-настоящему *любовное письмо.* Она отправила его 17 сентября, в тот день, когда начинался новый учебный год; и стала ждать.

Факультет в Орсе (Сорбонна — Париж XI) — единственное учебное заведение в парижском регионе, устроенное по принципу американского *кампуса.* В нескольких корпусах, разбросанных

по парку, живут студенты от первого до третьего курса. Орсе — это не просто факультет, но и научный центр высочайшего уровня, занимающийся исследованиями в области физики элементарных частиц.

Мишель поселился в угловой комнате на верхнем, пятом этаже корпуса 233; он сразу почувствовал себя там как дома. В комнате стояла узкая кровать, письменный стол и висели книжные полки. Окно выходило на лужайку, спускавшуюся к самой реке; если высунуться и посмотреть правее, можно было разглядеть бетонную громаду ускорителя частиц. В это время года, за месяц до начала занятий, общежития пустовали, в них заселились только несколько африканских студентов — у них были проблемы с жильем в августе, когда все здания закрыты. Мишель иногда обменивался парой слов со смотрительницей; днем гулял вдоль реки. Он еще не знал, что ему предстоит прожить в этом общежитии восемь с лишним лет.

Однажды утром, часов в одиннадцать, он растянулся на траве среди равнодушных деревьев. Он удивился, что так сильно страдает. В его видении мира, бесконечно далеком от христианских категорий искупления и благодати, принципи-

ально чуждом понятиям свободы и прощения, появилось что-то даже механистическое и безжалостное. При заданных начальных условиях, думал он, для параметризованной сети начальных взаимодействий события развиваются в исключающем иллюзии пустом пространстве; их детерминированность неизбежна. Тому, что произошло, суждено было произойти, иначе и быть не могло; никто не несет за это ответственности. По ночам Мишелю снились абстрактные заснеженные пространства; его обмотанное бинтами тело парило под хмурым небом, между сталелитейными заводами. Днем он иногда пересекался с одним из африканцев, невысоким серокожим малийцем; они кивали друг другу. Университетская столовая еще не открылась, поэтому Мишель покупал консервированного тунца в “Континенте” в Курсель-сюр-Иветт и возвращался к себе. Вечерело. Он шагал по пустым коридорам.

Примерно в середине октября Аннабель написала ему второе письмо, покороче первого. Она заранее позвонила Брюно, но он тоже давно не получал от Мишеля никаких вестей: он знал только, что тот регулярно звонит бабушке, но, скорее всего, до Рождества не приедет к ней.

Как-то вечером, в ноябре, выйдя с семинара по

анализу, Мишель обнаружил в своей ячейке в общежитии записку. Записка гласила:

Позвони своей тете Мари-Терезе. СРОЧНО.

В последние два года он редко общался с тетей Мари-Терезой, да и со своей кузиной Брижит тоже. Он сразу же ей позвонил. У бабушки случился второй инсульт, ее пришлось госпитализировать в Мо. Она в тяжелом состоянии, даже очень тяжелом. Давление низкое, сердце не справляется.

Часов в десять утра он шел пешком через весь Мо, мимо своего лицея. В это же время там, в школьной аудитории, Аннабель разбирала текст Эпикура — мыслителя яркого, умеренного, греческого, ну и, прямо скажем, немного занудного. Небо было хмурым, воды Марны — бурными и грязными. Он быстро отыскал больничный комплекс Сент-Антуан — ультрасовременное здание из стекла и стали, торжественно открытое в прошлом году. На лестничной площадке восьмого этажа его ждали тетя Мари-Тереза и кузина Брижит; глаза у них были заплаканные. “Не знаю, стоит ли тебе ее видеть…” — сказала Мари-Тереза. Он никак не отреагировал. То, что ему предстоит

испытать, он испытает.

В палате интенсивной терапии бабушка лежала одна. Ослепительно белая простыня не закрывала ей руки и плечи; он с трудом оторвал взгляд от обнаженной плоти, морщинистой, белесой, ужасно старой. Ее руки с воткнутой иглой капельницы привязали ремнями к бортику кровати. Из горла торчала рифленая трубка. Под простыней тянулись провода, подключенные к прикроватному монитору. Ночную рубашку с нее сняли и не позволили собрать длинные волосы в пучок, как она это делала каждое утро на протяжении долгих лет. С распущенной седой шевелюрой она уже как бы не вполне была его бабушкой, скорее несчастным созданием из плоти и крови, одновременно очень молодым и очень старым, отданным на откуп медицине. Мишель взял ее за руку; только ее руку он и узнал безошибочно. Он часто брал ее за руку, в последний раз еще совсем недавно, когда ему уже исполнилось семнадцать. Глаза ее не открылись, но, возможно, несмотря ни на что, она узнала его прикосновение. Он даже не сжал ей толком пальцы, просто взял ее руку в свою, как раньше; он очень надеялся, что она узнает его прикосновение.

У бабушки было ужасное детство, с семи лет

она работала на ферме в окружении неотесанных пьяниц. Ее подростковые годы пролетели слишком быстро, чтобы у нее остались какие-нибудь реальные воспоминания о том времени. После смерти мужа она вкалывала на заводе, воспитывала четверых детей; в разгар зимы выбегала за водой во двор, чтобы все могли умыться. В шестьдесят с лишним, уже выйдя на пенсию, она согласилась снова присматривать за маленьким ребенком — сыном своего сына. У него тоже всего было в достатке — и чистая одежда, и вкусный воскресный обед, и ее любовь. Все это у него имелось в жизни только благодаря ей. Любое, хоть сколько-нибудь претендующее на полноту исследование рода человеческого должно непременно учитывать подобные феномены. Да, такие люди существовали в истории человечества. Люди, которые всю жизнь работали, и работали тяжело, движимые исключительно беззаветной преданностью и любовью; они посвящали буквально всю свою жизнь ближнему, исполненные беззаветной преданности и любви; и при этом они ни в коей мере не считали это самопожертвованием; ведь на самом деле они не умели жить иначе, кроме как посвящая себя ближнему во имя беззаветной преданности и любви. На прак-

тике такими людьми оказывались, как правило, женщины.

Мишель пробыл в палате у бабушки минут пятнадцать, держа ее руку в своей; затем пришел интерн сказать, что вскоре ему придется уйти. Вероятно, что-то еще можно сделать, не операцию, нет, увы, но хоть что-то; словом, еще не все потеряно.

На обратном пути они не обменялись ни единым словом; Мари-Тереза машинально вела свой “рено 16”. За обедом они тоже в основном молчали, время от времени делясь какими-то воспоминаниями. Мари-Тереза подавала на стол, ей нужно было чем-то себя занять; она то и дело застывала на месте и, всплакнув, возвращалась на кухню.

Аннабель видела, как уехала машина скорой помощи, потом как вернулся “рено 16”. Около часа ночи она встала и оделась, родители уже спали; дошла до калитки Мишеля. Во всех окнах горел свет, вероятно, они сидели в гостиной, но через занавески ничего нельзя было рассмотреть. Моросил дождик. Аннабель подождала минут десять. Она понимала, что может позвонить в дверь и увидеть Мишеля или, в конце концов, может не делать ничего. Она не вполне отдавала

себе отчет, что в данный момент переживает на практике опыт *свободы* — во всяком случае, опыт совершенно чудовищный, по прошествии этих десяти минут она уже никогда не будет прежней. Много лет спустя Мишель сформулирует краткую теорию свободы человека, базирующуюся на аналогии с поведением сверхтекучего гелия. Дискретным атомным состояниям, обмену электронами между нейронами и синапсами в мозгу человека, в принципе, присуща квантовая неопределенность; и все же, благодаря большому количеству нейронов и в силу статистического сглаживания элементарных различий, поведение человека — как в общих чертах, так и в деталях — детерминировано так же жестко, как поведение любой другой естественной системы. Однако в некоторых, крайне редких случаях — христиане говорят о *снисхождении благодати* — внутри мозга возникает и распространяется новая когерентная волна; появляется новое поведение, временное или постоянное, регулируемое совершенно иной системой гармонических осцилляторов: мы становимся свидетелями того, что называется *актом свободы.*

В тот вечер ничего подобного не произошло, и Аннабель вернулась домой. Она чувствовала себя

заметно постаревшей. Пройдет почти двадцать пять лет, прежде чем она снова увидит Мишеля.

Телефон зазвонил около трех ночи, медсестра выразила искренние соболезнования. Они правда сделали все возможное, но в итоге, как выяснилось, практически ничего сделать было нельзя. Сердце уж больно старое, что ж поделаешь. Но вообще-то она хотя бы не мучилась. Но вообще-то все кончено.

Мишель пошел к себе совсем маленькими шажочками, не более двадцати сантиметров. Брижит хотела встать, но Мари-Тереза жестом остановила ее. Прошло минуты две, и из его комнаты послышалось какое-то мяуканье или вой. Тут уж Брижит бросилась к нему. Мишель сидел, съежившись в изножье кровати, с выпученными глазами. На его лице не отразилось ничего похожего на горе, ни на какое-либо другое человеческое чувство. На его лице был написан только гадкий животный страх.

Часть вторая. Странные моменты

1

Брюно не справился с управлением, проезжая мимо Пуатье. Его “пежо 305” крутануло на середине шоссе, и, слегка зацепив дорожное ограждение, машина остановилась. “Твою мать! — мрачно выругался он. — Твою ж мать!” “Ягуар”, несущийся прямо на него со скоростью 220 км/ч, резко затормозил, сам едва не задев другое ограждение, и с ревом клаксонов унесся прочь. Брюно вышел из машины и погрозил ему вслед кулаком. “Пидор! — крикнул он. — Пидор, мать твою!” Затем развернулся и поехал дальше.

“Пространство возможностей” было создано в 1975 году группой ветеранов шестьдесят восьмого (по правде говоря, никто из них в событиях 1968 года не участвовал; они, скажем так, сохранили *дух* тех лет) на большой, поросшей соснами территории немного южнее Руайана, принадлежавшей родителям одного из них. Этот проект, возникший под сильным влиянием либертарианских идеалов, вошедших в моду в начале семидесятых, заключался в создании конкретной утопии, т. е. места, где люди попытались бы “здесь

и сейчас” жить в соответствии с принципами самоуправления, уважения к свободе личности и прямой демократии. Однако “Пространство” задумывалось не просто как очередная община; они преследовали более скромную цель — обустроить место отдыха, где в летние месяцы единомышленники получили бы возможность претворять в жизнь вышеозначенные принципы; а также запустить синергетические процессы путем организации творческих встреч в духе гуманизма и республиканских ценностей; ну и еще, по словам одного из отцов-основателей, “поебаться вволю”.

Брюно свернул с автострады на Руайан-Юг и проехал около десяти километров по прибрежному шоссе. Карта была какой-то путаной, и вообще он умирал от жары. Белый деревянный щит, как ему показалось, он заметил почти случайно. На нем красовалась надпись разноцветными буквами:

ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Под щитом, на фанерном панно поменьше, красным цветом вывели девиз “Пространства”:

Моя личная свобода, подтвержденная свободой всех, становится беспредельной.

Справа от него две девочки, волоча за собой надувной круг в форме утки, спускались по тропинке, ведущей, видимо, к морю. Под футболками у этих сучек ничего не было. Брюно проводил их взглядом; у него заныл член. Конкурс мокрых футболок, мрачно подумал он, это что-то с чем-то. Девочки завернули вбок: очевидно, направлялись в соседний кемпинг.

Он припарковался и подошел к небольшой дощатой сторожке с вывеской “Добро пожаловать!”. Внутри сидела по-турецки женщина лет шестидесяти. В разрезе полотняной туники виднелись ее худые морщинистые груди; Брюно стало ее жаль. Она улыбнулась с каким-то натужным дружелюбием.

— Добро пожаловать в наше “Пространство”, — выговорила она наконец. — Потом снова улыбнулась, на сей раз от души; дура какая-то. — У тебя есть подтверждение бронирования?

Из своего портфельчика из кожзама Брюно достал бумаги.

— Вот и чудненько, — изрекла эта блядина, все еще по-идиотски ухмыляясь.

Движение автотранспорта в кемпинге было запрещено, поэтому он решил действовать в два

этапа. Сначала найти место для палатки, потом забрать из машины вещи. Перед самым отъездом он купил в “Самаритен” палатку-иглу (произведено в Китайской Народной Республике, 2–3 спальных места, 449 франков).

Первое, что увидел Брюно, выйдя на поляну, была пирамида. Идеальной формы — двадцать метров в основании, двадцать в высоту. Рамы из темного дерева расчерчивали ее стеклянные стены на квадраты. Некоторые панели ослепительно сверкали, отражая свет заходящего солнца, сквозь другие можно было рассмотреть внутреннее устройство: площадки и перегородки, тоже из темного дерева. По замыслу авторов, это сооружение должно было изображать дерево, что им вполне удалось — роль ствола играл длинный цилиндр, пронзающий пирамиду сверху донизу, видимо, внутри него размещалась центральная лестница. Оттуда выходили люди, поодиночке или небольшими группками, одни — одетые, другие — нагишом. В лучах заката, вспыхивающих на траве вокруг, это выглядело сценой из научно-фантастического фильма. Брюно пару минут полюбовался открывшейся ему картиной, взял под мышку палатку и пошел вверх по ближайшему холму.

“Пространство” располагалось на лесистых холмах, землю устилал ковер из хвои, между холмами виднелись поляны; повсюду стояли общественные туалеты; строго ограниченных мест для кемпинга не предполагалось. Брюно вспотел, его пучило: очевидно, он переел в придорожной забегаловке. Мысли путались, при этом он прекрасно сознавал, что выбор правильного места для палатки — залог успеха его предприятия.

На этом этапе своих размышлений он внезапно заметил натянутую между двумя деревьями веревку. На ней, трепеща на вечернем ветерке, досыхали чьи-то трусы. А что, это идея, подумал он, в кемпинге соседи запросто знакомятся, вовсе не обязательно затем, чтобы трахнуться, знакомятся, и все — надо же с чего-то начинать. Он положил палатку на землю и стал изучать инструкцию. Французский перевод вообще никуда не годился, английский оказался не лучше, да и другие европейские языки вряд ли бы его спасли. Чертовы китаезы. Что они имеют в виду, советуя “развернуть полужесткие дуги, чтобы оформить купол изделия”?

Он с растущим отчаянием вглядывался в схемы, когда справа от него появилось некое подобие скво в кожаной мини-юбке; в сумерках видне-

лись ее большие обвисшие груди.

— Ты только приехал? — проговорило привидение. — Хочешь, помогу тебе поставить палатку?

— Я справлюсь. — сдавленным голосом ответил он, — я справлюсь, благодарю. Спасибо за предложение. — Он почуял ловушку. И правда, через несколько секунд из соседнего вигвама (где они могли купить эту хрень? сами, что ли, соорудили?) раздался отчаянный вой. Скво бросилась туда и вскоре вышла с двумя спиногрызами, по одному на каждом бедре, и принялась лениво покачивать ими туда-сюда. Вой усилился. К скво рысью подбежал ее самец, с членом наружу. Это был грузный бородатый мужик лет пятидесяти с длинными седыми патлами. Он взял одну из мартышек на руки и принялся сюсюкать; тошнотворное зрелище. Брюно отошел на несколько метров — он чуть не влип. С их гаденышами бессонница ему обеспечена. А эта корова наверняка еще кормит грудью; впрочем, сиськи у нее что надо.

Брюно сделал исподтишка несколько шагов вбок от вигвама, однако с трусиками ему расставаться не хотелось. Это были изящные прозрачные вещицы, сплошь одно кружево; ну нет, к скво они точно не имеют отношения. Он

высмотрел себе место между двумя канадками (кузины? сестры? школьные подруги?) и принялся за работу.

Закончил он затемно. В сгустившихся сумерках спустился к машине, чтобы забрать вещи. Мимо него сновали семейные пары и одинокие путники, довольно много одиноких женщин лет сорока. На деревьях тут и там попадались прибитые дощечки с надписью БУДЬТЕ ВЗАИМНО ВЕЖЛИВЫ, он подошел поближе. Под дощечкой висела плошка, до краев заполненная презервативами, отвечающими госстандартам. Внизу стояла белая пластиковая урна. Он нажал на педаль и посветил карманным фонариком: в ней среди банок из-под пива валялось несколько использованных презервативов. Это обнадеживает, подумал Брюно, они тут, похоже, не сидят без дела.

На холм он взобрался с трудом: чемоданы оттягивали руки, он задыхался; пришлось остановиться на полпути. Несколько человеческих особей слонялись по кемпингу, лучи их фонариков то и дело перекрещивались в темноте. Чуть дальше, на прибрежном шоссе, движение еще было оживленное. В “Династии”, по дороге в Сен-Клеман, сегодня вечеринка топлес, но у него

нет сил туда тащиться, ни туда, ни куда-либо еще. Брюно простоял так почти полчаса. Я смотрю на свет фар между деревьями, сказал он себе; вот это и есть моя жизнь.

Добравшись до палатки, он налил себе виски и подрочил влегкую, листая *Swing Magazine* (слоган “Право на удовольствие”); он купил последний выпуск в массажном салоне неподалеку от Анже. Он совершенно не собирался отвечать на их секс-анонсы, сейчас ему не взойти ни на гэнг-бэнг, ни на фонтан из спермы. Женщины, соглашающиеся на встречи с одинокими мужчинами, предпочитают, как правило, чернокожих, и в любом случае требуют достойных размеров, до которых ему ой как далеко. Просмотрев одно за другим все объявления, он вынужден был признать, что с таким маленьким членом ему нечего соваться в порнотусовку.

В целом, однако, он не так уж переживал из-за своей внешности. Волосяные имплантаты прижились, ему попался компетентный специалист. Он регулярно посещал тренажерный зал, и, честно говоря, для сорокадвухлетнего мужчины он еще очень даже ничего. Брюно налил себе вторую порцию виски, кончил прямо на журнал и почти безмятежно заснул.

2. Тринадцать часов полета

Довольно быстро “Пространство возможностей” столкнулось с проблемой старения. Молодым людям восьмидесятых идеалы его основоположников казались безнадежно устаревшими. Если не считать мастер-классов спонтанного театра и кружка по калифорнийскому массажу, “Пространство” исполняло фактически функции кемпинга, однако по комфорту проживания и качеству питания оно не могло тягаться с обычными базами отдыха. Более того, известный дух анархизма, присущий этому месту, затруднял контроль на входе и сбор платежей, поэтому финансовое равновесие, с самого начала довольно шаткое, теперь и вовсе выглядело недостижимым.

Первой спасительной мерой стали льготные тарифы для молодежи, единогласно одобренные учредителями, но этого оказалось мало. В начале 1984-го финансового года на общем собрании Фредерик Ле Дантек предложил реформу, которая, по идее, должна была обеспечить процветание “Пространства”. В восьмидесятые бизнес — к такому он пришел выводу — являет собой новый

мир приключений. Все они приобрели бесценный опыт работы с разными оздоровительными практиками и терапиями, основанными на гуманистической психологии (гештальт-терапия, ребёфинг, акупрессура, хождение по раскаленным углям, транзактный анализ, дзен-медитация, НЛП и т. д.). Так почему бы не употребить этот опыт в дело, предложив разным предприятиям программу учебных стажировок для их сотрудников? После бурных дебатов проект утвердили. Вот тогда и начались работы по строительству пирамиды, а также пяти десятков бунгало для размещения стажеров с ненавязчивым, но вполне приемлемым уровнем комфорта. Одновременно с этим они провели интенсивный директ-мейлинг, адресованный HR-менеджерам крупных компаний. Некоторые основатели, придерживавшиеся крайне левых политических взглядов, с новой стратегией смириться не могли. В результате непродолжительной внутренней борьбы за власть управлявшая “Пространством” НКО была распущена и заменена на общество с ограниченной ответственностью, мажоритарием в котором стал, естественно, Фредерик Ле Дантек. В конце концов, земля принадлежала его родителям, а банк “Креди Мютюэль” департамента Примор-

ская Шаранта, похоже, готов был поддержать проект.

Через пять лет “Пространству” удалось собрать прекрасный референс-лист (банк BNP, IBM, Министерство бюджета, Парижский метрополитен, “Буиг” и т. д.). В течение всего года тут проходили корпоративные и межкорпоративные семинары, а формат “дом отдыха”, дань ностальгии, теперь составлял всего лишь 5 % годового оборота.

Брюно проснулся с жуткой мигренью и без чрезмерных иллюзий. Он слышал о “Пространстве” от секретарши, которая как раз вернулась с семинара “Развитие личности — позитивное мышление”, по цене пять тысяч франков в день. Он попросил у нее брошюру о летнем отдыхе: как все это мило, коллективно, по-либертариански, ясное дело. Однако его внимание привлекла статистическая справка внизу страницы: прошлым летом в июле и августе 63 % посетителей “Пространства” составили женщины. Чуть ли не по две бабы на одного мужика, завидное соотношение. Он сразу же решил освободить неделю в июле, просто чтобы поехать осмотреться, тем более что вариант с кемпингом обойдется дешевле,

чем *Club Med* или даже UCPA[16]. Конечно, он догадывался, что за женщины туда едут: чокнутые бывшие левачки и, скорее всего, ВИЧ-инфицированные. Ну и ладно, две бабы на одного мужика! У него появился шанс; изловчившись, он и обеих оприходует.

В сексуальном плане новый год начался неплохо. Массовый заезд девушек из Восточной Европы привел к падению цен, и теперь можно запросто найти индивидуальную релакс-программу за двести франков, тогда как несколько месяцев назад она стоила четыреста. К сожалению, в апреле ему пришлось ремонтировать машину, к тому же в ДТП виноват был он. Банк начал на него давить, пришлось сократить расходы.

Он приподнялся на локте и налил себе первый стакан виски. *Swing Magazine* так и лежал открытый на той же странице; парень, не сняв носки, с види мым усилием тыкал прямо в объектив своим членом, его звали Эрве.

Это все не мое, твердил про себя Брюно, не мое. Он надел трусы и направился к санитарному блоку. В конце концов, с надеждой думал он, вчерашняя скво, например, относительно ебабельна.

---

[16] Примечания: 16

Национальный союз спортивных центров на открытом воздухе *(франц.)*.

Ее крупные дрябловатые сиськи идеально подошли бы для хорошей испанской дрочки; он уже три года ее не пробовал. Он обожает испанскую дрочку, но бляди обычно кобенятся. Их что, раздражает, когда сперма брызжет прямо в лицо? Или тут требуется больше времени и личного вклада, чем на минет? В любом случае эта услуга, судя по всему, считалась нетипичной: испанская дрочка, как правило, не входит в счет, то есть не планируется, а значит, ее труднее добиться. Девушки соглашаются иногда, для своих. Только для своих, и все. Не раз Брюно в поисках испанской дрочки приходилось довольствоваться дрочкой обыкновенной, а то и минетом. Порой, правда, вполне удачным; но тем не менее в плане испанской дрочки налицо структурный дисбаланс спроса и предложения, рассуждал Брюно.

Так, неторопливо раздумывая, он дошел до “Зоны тела № 8”. Более или менее смирившись с мыслью, что его там поджидают сплошь старые грымзы, он с ужасом обнаружил девочек-подростков. Их было четверо, в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет, они паслись возле душевых, как раз напротив ряда умывальников. Две из них стояли в плавках, две другие резвились, как уклейки, болтали, брызгались водой, визжали: они были

совершенно голые. Это было неслыханно изящное, эротичное зрелище; он его не заслужил. Он мгновенно возбудился, вынул член и прижался к умывальнику, пытаясь другой рукой справиться с зубочисткой. Но только поранил десну и вытащил изо рта окровавленную палочку. Набухшая головка его члена горела и нестерпимо зудела; показалась первая капля.

Одна из девочек, грациозная брюнетка, вылезла из душа, взяла махровое полотенце и довольно похлопала себя по юной груди. Ее рыжая подружка сняла трусы и встала под душ на ее место. У нее были золотисто-русые волосы на лобке. Брюно издал тихий стон, у него закружилась голова. Мысленно он совершал какие-то действия. Он имел полное право снять трусы и подождать у душевой. Полное право дождаться своей очереди и принять душ. Он представлял, как дрочит у них на глазах; воображал, как произносит что-то вроде: “Как вода, горячая?” Души находились на расстоянии полуметра друга от друга; если бы он принимал душ одновременно с рыженькой, она могла бы случайно задеть его член. От этой мысли у него еще сильнее закружилась голова, и он вцепился в фаянсовую раковину. Тут вдруг с пронзительными криками ворвались два под-

ростка в черных шортах с флуоресцентными полосками. Брюно заправил мгновенно сникший член в трусы и сосредоточился на своих зубах.

Ему еще долго не удавалось оправиться от этой встречи. Он спустился в столовую на завтрак, но сел в сторонке, чтобы ни с кем не общаться. Жуя обогащенные витаминами хлопья, он размышлял о вампиризме сексуальных исканий, об их фаустианском аспекте. Слово “гомосексуал” понимают неверно, подумал Брюно. Самому ему никогда или практически никогда не попадались гомосексуалы, зато он знал кучу *педерастов.* Некоторые педерасты — их, к счастью, не так много — предпочитают маленьких мальчиков; они в итоге попадают за решетку, досрочному освобождению не подлежат, и тема закрыта. Но все же большинство педерастов предпочитают юношей в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет; те, кто постарше, считают они, просто вялые дряхлые жопы. Понаблюдайте за старыми пидорами, — любил говорить Брюно, — понаблюдайте внимательно: иногда между ними возникает взаимная симпатия, даже привязанность; а желание? Никогда. Но стоит им заприметить чью-нибудь круглую задницу лет пятнадцати — двадцати пяти, как они вцепляются друг другу

в глотку, словно потасканные пантеры, — да они за эту круглую задницу пасть порвут, вот что думал Брюно.

В этом, как и во многом другом, так называемые гомосексуалы послужили образцом для подражания остальным членам общества, думал Брюно следом. Ему самому, например, сорок два; значит ли это, что он хочет своих ровесниц? Отнюдь. С другой стороны, ради юной письки в мини-юбке он по-прежнему готов отправиться на край света. Ну, по крайней мере, в Бангкок. Тринадцать часов полета как-никак.

3

Сексуальное желание пробуждается, как правило, при виде юного тела, и тот факт, что сферу соблазна постепенно заполоняют совсем еще девочки, есть не что иное, по сути, как возврат к норме, к истинной природе желания по аналогии с возвратом к обычным ценам, который следует за перегревом биржи. Тем не менее женщины, которым в “эпоху шестьдесят восьмого” исполнилось двадцать, оказались к сорока в весьма неприятной ситуации. Успев уже в большинстве своем развестись к этому моменту, они вряд ли могли рассчитывать на супружеские узы — теплые или осточертевшие, распад которых они сами всеми силами постарались ускорить. Представительницам поколения, впервые столь громогласно заявившего о превосходстве молодости над зрелостью, не приходилось удивляться тому, что поколение, пришедшее им на смену, в свою очередь относится к ним с презрением. Наконец, культ тела — а они внесли немалый вклад в его создание — по мере их собственного увядания вызывал у них только растущее отвращение к самим себе, причем отвращение аналогичное

тому, что они читали в глазах окружающих.

Их ровесники мужского пола были приблизительно в том же положении, но их общая участь вовсе не способствовала появлению солидарности между ними: достигнув сорока лет, мужчины все поголовно продолжали искать женщин помоложе — иногда небезуспешно, по крайней мере для тех из них, кто, ловко включившись в социальную игру, достигал определенного интеллектуального, финансового или медийного статуса; для женщин же в большинстве случаев зрелость становилась возрастом неудач, мастурбации и стыда.

Отдавая приоритет сексуальной свободе и откровенным желаниям, “Пространство возможностей”, как ничто другое, было обречено превратиться в пространство депрессии и горечи. Прощай, сплетение рук и ног на поляне в полнолуние! Прощайте, дионисийские торжества умащенных маслом тел под лучами полуденного солнца! Так ворчали себе под нос сорокалетние отдыхающие, разглядывая свои обмякшие члены и жировые складки.

В 1987 году в “Пространстве” стали проводить первые полурелигиозные мастерские. Христианство, естественно, осталось за бортом. Но

довольно туманная экзотическая мистика вполне гармонично сочеталась для этих, в общем-то, бестолковых участников с культом тела, который они продолжали проповедовать вопреки всякому здравому смыслу. Конечно, занятия по сенсорному массажу и освобождению оргонной энергии никуда не делись; зато все очевиднее становился неподдельный интерес к астрологии, египетскому таро, медитациям на чакры и тонким энергиям. Тут проводили “встречи с Ангелом”; учили чувствовать вибрации кристаллов. В 1991 году громко заявил о себе сибирский шаманизм, когда в результате длительной инициации в *sweat lodge*[17], топившейся священными углями, клиент умер от остановки сердца. Особой популярностью пользовалась тантра, сочетающая в себе сексуальный фроттаж, диффузную религиозность и безграничный эгоизм. Всего за несколько лет “Пространство”, как и многие другие подобные образования во Франции и Западной Европе, стало, в общем, относительно модным центром *нью-эйдж,* сохранив при этом гедонистическую и либертарианскую специфику “в стиле 70-х”, что обеспечило ему уникальное положение на

[17] Примечания: 17

Ритуальная парная *(англ.),* хижина для церемонии очищения паром у американских индейцев.

рынке.

После завтрака Брюно вернулся в палатку, подумал, не подрочить ли (воспоминание о девочках давало себя знать), но в итоге воздержался. Эти обалденные девицы — наверняка плод любви ветеранш шестьдесят восьмого, которые, сомкнув ряды, бродили по территории кемпинга. Значит, кое-кто из этих престарелых блядей умудрился размножиться, несмотря ни на что. Это обстоятельство навело Брюно на смутные, но неприятные мысли. Он резко рванул молнию своей палатки-иглу; небо синело вовсю. Между соснами плыли облачка, похожие на брызги спермы; день обещал быть ослепительно прекрасным. Он ознакомился с программой на неделю и остановился на опции № 1 “Креативность и релаксация”. В первой половине дня на выбор предлагалось три семинара: “Пантомима и психодрама”, “Акварель” и “Пишем как дышим”. Психодрама — нет, увольте, он уже как-то убил на это выходные в замке под Шантийи: пятидесятилетние социологини катались по гимнастическим матам, выпрашивая у папы плюшевых мишек; спасайся, кто может. Акварель — это, конечно, заманчиво, но занятия проходят на свежем воздухе: на хрен ему, сидя на корточ-

ках в сосновых иголках, с насекомыми и прочими проблемами, что-то там малевать?

У ведущей писательского семинара в черной тунике и черных брюках-дудочках были длинные черные волосы и пухлые губы, подведенные кармином (типа “рот для минета”, как говорится). Красивая, стильная женщина. И все равно старая блядь, размышлял Брюно, присев наугад в неровном кругу участников. Справа от него шумно пыхтела седая толстуха в массивных очках с отвратительно землистым цветом лица. От нее разило перегаром, а сейчас только полодиннадцатого.

— Давайте поприветствуем собравшихся, — начала ведущая, — поприветствуем Землю и пять основных энергий и начнем наш семинар с упражнения хатха-йоги под названием *приветствие солнцу.* — Затем она приступила к описанию невразумительной позы; алкоголичка рядом с ним рыгнула. — Ты утомилась, Жаклин… — заметила йогиня, — пропусти это упражнение, если ты не в форме. Приляг, группа присоединится к тебе чуть позже.

Действительно, лучше было прилечь, пока кармическая училка толкала расслабляющую и бессмысленную речь в стиле Терм Контрек-

севиля:

— Вы входите в чудесную чистую воду. Вода омывает ваши конечности и живот. Вы благодарите Мать-Землю. Доверчиво прижимаетесь к Матери-Земле. Почувствуйте свое желание. Поблагодарите себя за то, что позволили себе его. — И т. д.

Лежа на грязной циновке татами, Брюно чувствовал только, как у него ноют зубы от досады: алкоголичка у него под боком периодически срыгивала. Между отрыжками она выдыхала воздух с громким “Хаааа!..”, в чем, по-видимому, и выражалась крайняя степень ее расслабленности. Кармическая сука продолжала свой скетч, взывая к теллурическим силам, чьи излучения озаряют чрево и половые органы. Пройдясь по всем четырем стихиям и весьма удовлетворенная своим вступлением, она заключила его такими словами:

— Вот вы и преодолели барьер рациональной мысли, установили контакт со своими сокровенными желаниями. Прошу вас, откройтесь безграничному пространству творения.

— “Пространству охуения”! — выругался про себя Брюно, с трудом поднимаясь на ноги.

Далее последовал *сеанс сочинительства,* затем

общее представление проекта и чтение текстов. Среди писательниц нашлась одна более или менее удобоваримая девица: русая малютка в джинсах и футболке, с хорошей фигурой, по имени Эмма, автор совершенно идиотского стихотворения про лунных овечек. Из всех тут буквально сочилась благость и радость от вновь обретенного контакта с матерью нашей Землей и отцом Солнцем, короче, все с ними ясно. Затем настала очередь Брюно. Угрюмым голосом он продекламировал свой текст, довольно лаконичный:

Таксисты – пидоры, черт их дери,
Не останавливаются, хоть умри!

— Вот, значит, что ты испытываешь, — сказала йогиня. — Вот что ты испытываешь, а все потому, что не поборол свои негативные энергии. Я чувствую, ты буквально насыщен сокровенными желаниями. Мы можем помочь тебе, здесь и сейчас. Давайте встанем и сфокусируем энергию группы.

Они поднялись и, держась за руки, образовали круг. Брюно нехотя взял за руку пьяную бабу справа от себя и гадкого бородатого старика,

похожего на Каванну[18], слева. Инструкторша по йоге, предельно сосредоточившись, но не теряя при этом спокойствия, издала протяжное “ом!”. И понеслось. Все они издавали “ом!”, как будто только этим всю жизнь и занимались. Брюно отважно попытался попасть в ритм, но тут вдруг его качнуло вправо. Алкоголичка, видимо в состоянии транса, рухнула как подкошенная. Он отпустил ее руку, но не удержался и тоже упал, оказавшись на коленях перед старой стервой, которая корчилась, лежа ничком на татами. Йогиня на мгновение запнулась и невозмутимо заметила:

— Да, Жаклин, ты вправе лечь, если ты так чувствуешь. Похоже, они хорошо знали друг друга.

Второй сеанс писательского мастерства прошел чуть лучше: вдохновленный мимолетным утренним видением, Брюно вымучил следующий стишок:

Я в бассейне пипку
Выставил, как рыбку,
Чтобы загорела.
(Браво, пипка, смело!)

---

[18] Примечания: 18

Франсуа *Каванна* (1923–2014) — французский писатель-сатирик, один из основателей журнала “Шарли Эбдо”.

Бог явился мне
Наверху, в солярии,
С яблоком в руке
И с глазами карими.

А живет где он?
(Браво, мой пистон!)
Среди звезд и лун.
(Браво, мой торчун!)

— Сколько иронии… — хмыкнула йогиня с легким неодобрением.

— И мистики… — встряла рыгальщица. — Да, мистики с тонким намеком…

И что дальше? Сколько он еще собирается это терпеть? Стоит ли оно того? Брюно действительно задавался этими вопросами. Когда семинар закончился, он бросился к своей палатке, даже не попытавшись завязать разговор с блондинкой: ему необходимо было выпить виски перед обедом. Уже подходя к поляне, он увидел одну из девочек, на которых пялился в душе; грациозным жестом, от которого чуть приподнялась ее грудь, она сняла кружевные трусики, сохшие на веревке со вчерашнего дня. Он почувствовал, что готов выстрелить в воздух и покрыть жирными подте-

ками весь кемпинг. Что конкретно изменилось с тех пор, как он сам был подростком? Желания его обуревали те же, но он знал, что, скорее всего, не сможет их удовлетворить. Мир, где уважают только молодость, постепенно *пожирает человека.* На обеде он высмотрел себе католичку. Это было несложно: на шее у нее висел тяжелый железный крест; кроме того, припухшие нижние веки, придающие взгляду глубину, часто выдают католичку или мистичку (иногда, правда, и пьянчужку). Длинные черные волосы, очень белая кожа; тощая, правда, но сойдет. Напротив нее сидела девушка со светло-рыжими волосами, швейцарско-калифорнийского типа: рост под метр восемьдесят, идеальная фигура, здоровая до неприличия на вид. Она руководила мастерской по тантре. На самом деле она родилась в Кретейе, и звали ее Брижит Мартен. В Калифорнии она сделала пластику груди и приобщилась к восточному мистицизму, а также сменила имя. Вернувшись в Кретей, она под псевдонимом Шанти Мартен вела в течение года мастерскую по тантре в торговом центре “Фланад”; католичка, похоже, страшно ею восхищалась. Поначалу Брюно как-то ухитрился принять участие в их беседе на тему органического питания — он

изучил материалы о пророщенной пшенице. Но вскоре они переключились на вопросы религии, и тут уже ему не удалось вклиниться. Можно ли приравнять Иисуса к Кришне, а если нет, то к чему его можно приравнять? Следует ли предпочесть Ринтинтина Расти?[19] Будучи католичкой, католичка тем не менее недолюбливала Папу Римского; своим средневековым менталитетом Иоанн Павел II тормозил духовную эволюцию Запада — таков был ее вердикт.

— Что есть, то есть, — согласился Брюно, — он тот еще обалдуй. — Это малоупотребительное слово вызвало у его собеседниц живейший интерес. — А Далай-лама умеет шевелить ушами. — с грустью заключил он, доедая соевый стейк.

Католичка бодро вскочила, отказавшись от кофе. Она боялась опоздать на “Принципы да-да”, семинар по личностному развитию.

— Ах да, да-да — это супер! — пылко воскликнула швейцарка, тоже вставая.

— Спасибо, приятно было пообщаться, — сказала католичка, обернувшись к нему с милой улыбкой.

---

[19] Примечания: 19

Расти и *Ринтинтин* — мальчик и его собака, персонажи американского телесериала.

Ну ладно, он, будем считать, не ударил в грязь лицом. Разговаривать с этими кошелками, размышлял Брюно, возвращаясь в кемпинг, все равно что мочиться в писсуар, полный окурков, или срать в унитаз, забитый гигиеническими прокладками: их не пробьешь и воняет. Пространство разобщает тела. Слово упруго пронзает пространство, пространство между телами. Его слова, незамеченные, лишенные отклика, так по-дурацки зависшие в воздухе, гниют и воняют, это неоспоримый факт. Хотя слово, установившее контакт, тоже иногда разлучает.

Он развалился в шезлонге у бассейна. Девочки глупо извивались в надежде, что мальчики бросят их в воду. Солнце стояло в зените, вокруг голубой глади сновали обнаженные сверкающие тела. Не обращая ни на что внимания, Брюно погрузился в чтение “Тайны человека в перчатке”, видимо вершины творчества Поля-Жака Бонзона, недавно переизданной в серии “Зеленая библиотека”. Как приятно, сидя на палящем солнце, нырнуть в лионский туман под охраной верного пса Капи.

Послеобеденная программа предлагала на выбор *сенситивный гештальт-массаж,* освобождение голоса и *ребёфинг* в горячей воде.

На первый взгляд массаж показался ему наиболее *hot.* Поднимаясь в мастерскую массажа, он мельком увидел по пути, как происходит освобождение голоса: человек десять в крайнем возбуждении скакали во все стороны под руководством тантристки и визжали, как ошалевшие от ужаса индюки.

На вершине холма расставили в круг столы на козлах, покрытые банными полотенцами. Участники были обнажены. Войдя в центр круга, руководитель семинара, невысокий, слегка косоглазый брюнет, изложил краткую историю *сенситивного гештальт-массажа:* он возник из *гештальт-массажа,* или калифорнийского массажа, описанного в работах Фрица Перлза, и, постепенно вобрав в себя определенные навыки сенситивности, стал — по крайней мере, на взгляд брюнета — наиболее полной методикой. Он в курсе, что не все в “Пространстве” разделяют его точку зрения, но не хотелось бы вступать в полемику. В любом случае — и на этом он свое выступление закончит — массаж массажу рознь; можно даже сказать, что не существует двух одинаковых массажей. После этой преамбулы он приступил к наглядной демонстрации, уложив одну из участниц на стол.

— Почувствуйте напряжение партнерши. — посоветовал он, поглаживая ее по плечам; его член болтался в нескольких сантиметрах от длинных светлых волос девушки. — Гармония, главное — гармония, — продолжал он, поливая маслом ее грудь. — Соблюдайте неприкосновенность схемы тела. — Его руки скользнули к ее животу, девушка закрыла глаза и с видимым удовольствием раздвинула ноги. — Вот и все, — заключил он, — теперь разбейтесь на пары. Передвигайтесь, встречайтесь в пространстве, не торопясь узнавайте друг друга.

Загипнотизированный предыдущей сценой, Брюно отреагировал не сразу, а кто не успел, тот опоздал. То есть ему надо было тихонько подойти к желанной партнерше, остановиться перед ней и с улыбкой спокойно спросить: “Хочешь со мной поработать?” Все остальные, похоже, знали, что к чему, и за полминуты распределились. Брюно в панике осмотрелся и обнаружил, что стоит лицом к лицу с коренастым волосатым брюнетиком с толстым членом. Он и не заметил, что там было всего пять девушек на семь мужиков.

Слава богу, на гомика он не похож. Вне себя от ярости, крепыш молча лег на живот, положил голову на сложенные руки и стал ждать.

“Почувствуйте напряжение… соблюдайте неприкосновенность схемы тела.” Брюно подлил еще масла, но так и не продвинулся выше колен: мужик лежал бревно бревном. Надо же, даже попа у него волосатая. Масло капало на полотенце, наверное, икры у него совсем замаслились. Брюно поднял голову. Совсем рядом с ним лежали на спине двое мужчин. Тому, что слева, девушка массировала мышцы торса, ее груди тихо болтались в такт движениям, а его нос чуть ли не утыкался ей в промежность. Кассетник ведущего издавал широкие синтезаторные пэды, небо было абсолютно голубым. Вокруг него в солнечном свете медленно вздымались блестящие от массажного масла члены. Все это казалось чудовищно *реальным.* Он сломался. На противоположной стороне круга ведущий давал советы какой-то паре. Брюно схватил свой рюкзак и спустился к бассейну. У бассейна наступил час пик. На лужайке лежали обнаженные женщины, они трепались, читали или просто загорали. Куда бы ему втиснуться? С полотенцем в руках он бродил туда-сюда по газону; шлялся между вагинами, можно сказать. Он уже начал подумывать о том, что пора наконец определиться, как вдруг заметил католичку — она болтала с вертким коренастым мужичком

с темными волнистыми волосами и смеющимися глазами. Брюно туманно кивнул ей — она этого не заметила — и плюхнулся неподалеку. Какой-то парень окликнул походя приземистого брюнета: “Привет, Карим!” Тот махнул рукой в ответ, не прерывая своей речи. Католичка молча слушала, лежа на спине. Между ее тощими бедрами виднелся премилый бугорок, приятно выпуклый, с восхитительно кудрявыми черными волосами. Разговаривая с ней, Карим неторопливо массировал себе яйца. Брюно положил голову на землю и сосредоточился на лобковых волосах католички в метре от себя: его буквально обдало нежностью. Он заснул как убитый.

Четырнадцатого декабря 1967 года Национальное собрание приняло в первом чтении закон Нойвирта, легализующий контрацепцию; хотя противозачаточные пилюли еще не компенсировались социальным страхованием, их уже спокойно можно было купить в аптеках. С этого момента широкие слои населения получили доступ к *сексуальной свободе*, которой ранее пользовались лишь руководители высшего звена, люди свободных профессий и искусства, а также некоторые представители малого и среднего бизнеса. Примечательно, что это *сексуальное*

освобождение преподносилось иногда как коллективная мечта, в то время как на самом деле она явилась просто очередным этапом исторического подъема индивидуализма. Как следует из красивого словосочетания “семейная ячейка”, супруги и семья представляли собой последний островок первобытного коммунизма в либеральном обществе. Сексуальная свобода привела к разрушению этих промежуточных сообществ, последней перегородки, отделявшей индивида от рынка. Этот процесс распада продолжается и по сей день.

После ужина руководящий комитет “Пространства возможностей” часто устраивал *танцевальные вечера.* Удивительное начинание для места, повернутого на новой духовности, но оно наглядно подтверждает неувядающую роль танцвечеров в деле организации сексуальных контактов в некоммунистических обществах. Как отмечал Фредерик Ле Дантек, празднества в первобытных обществах также зиждились на танцах, а то и на трансах. Короче, на центральной лужайке установили звуковую аппаратуру и бар, и в лунном свете народ дрыгался под музыку до поздней ночи. Для Брюно это был второй шанс. Честно говоря, девочки, живущие в кемпин-

ге, на такие вечеринки почти не ходили. Они предпочитали местные дискотеки (“Бильбоке”, “Династию”, “2001”, возможно, “Пиратов”), где устраивались тематические вечера — пенные, с мужским стриптизом или порнозвездами. В “Пространстве” оставались два-три юнца с мечтательным характером и маленьким членом. Они сидели в своих палатках, вяло бренчали на расстроенных гитарах, а все остальные от них морду воротили. Родственные души, подумал Брюно; но в любом случае, за неимением девочек, которых ему все равно не заманить в свои сети, он был совсем не прочь, по выражению одного читателя журнала *Newlook,* с которым он разговорился в кафетерии на автостоянке Анже-Нор, “воткнуть свое жало в какой-нибудь кусочек сала”. Окрыленный надеждой, он в одиннадцать вечера надел белые брюки и темно-синюю майку поло и пошел на шум.

Он обвел взглядом толпу танцующих и сразу увидел Карима. Забыв про католичку, тот сосредоточил свое внимание на очаровательной розенкрейцерке. Они с мужем приехали во второй половине дня: высокие, серьезные, стройные, вроде бы эльзасского происхождения. Они поселились в огромной замысловатой палатке со

сплошными навесами и оттяжками, на установку которой у мужа ушло четыре часа. Он все уши Брюно прожужжал рассказами о скрытых прелестях Ордена Розы и Креста. Его глаза сверкали за стеклами круглых очочков; фанатик, понятное дело. Брюно слушал вполуха. По словам очкарика, их движение зародилось в Германии; в его основу легли, конечно, определенные труды по алхимии, но нельзя не отметить, что оно неразрывно связано и с рейнским мистицизмом. Судя по всему, очередные заморочки пидоров и нацистов. “Засунь себе в жопу свой крест, дружок… — мечтательно подумал Брюно, краем глаза поглядывая на круп его красотки жены, стоящей на коленях перед газовой плиткой. — А розу сверху воткни…” — мысленно заключил он, и тут она встала, ослепив его голой грудью, и велела мужу переодеть ребенка.

Но как ни крути, пока что она танцевала с Каримом. Странная парочка: лукавый толстячок, на голову ниже этой германской швабры, утопал в ее объятиях. Он танцевал, улыбался и трепался без умолку, рискуя забыть, что собирался вообще-то ее склеить. Но похоже, дело продвигалось: она тоже улыбалась, смотрела на него с чуть ли не зачарованным любопытством, а один раз даже

громко расхохоталась. На другой стороне лужайки ее муж излагал очередному потенциальному адепту историю движения, зародившегося в 1530 году в одной из земель Нижней Саксонии. Через определенные промежутки времени их трехлетний сын, невыносимый светловолосый говнюк, кричал, чтобы его уложили спать. Словом, это снова был подлинный фрагмент *реальной жизни.* Рядом с Брюно два тощих типа церковного вида комментировали подвиги прелюбодея. “Он такой душевный, понимаешь. — сказал один. — В принципе, она ему не по зубам, он некрасивый, у него пузо торчит, и вообще он ниже ростом. Но он, сука, душевный такой, на том и выезжает”. Другой уныло кивал, перебирая пальцами воображаемые четки. Допивая водку с апельсиновым соком, Брюно увидел, что Кариму удалось утащить розенкрейцерку на травянистый склон. Не прекращая болтать, он закинул одну руку ей на шею, а другую осторожно сунул под юбку. “Она все-таки раскорячила ноги, блядь нацистская…” — отметил Брюно, удаляясь от танцующих. Перед тем как выйти из светового круга, он заметил краем глаза, как католичку лапает за попу какой-то типа лыжный инструктор. В палатке его ждали консервированные равиоли.

Входя, он рефлекторно, просто от отчаяния, прослушал свой автоответчик. На нем было одно сообщение. “Ты, наверное, уехал на каникулы. — произнес спокойный голос Мишеля. — Позвони, когда вернешься. Я тоже в отпуске, и надолго”.

4

Он идет вперед, доходит до границы. Вокруг невидимой точки кружат стаи хищных птиц — вероятно, там валяется падаль. Мышцы ног пружинят на ухабах. Здешние холмы поросли желтоватой степной травой, они тянутся далеко на восток, насколько хватает глаз. Он не ел со вчерашнего дня; ему уже не страшно.

Он просыпается, лежа поперек кровати, полностью одетый. Перед служебным входом в “Монопри” разгружают товар. Сейчас самое начало восьмого.

Уже долгие годы Мишель вел чисто интеллектуальное существование. Чувства, из которых складывается человеческая жизнь, не попадали в поле его зрения, он мало что в них смыслил. В наши дни можно расписать свою жизнь до мелочей; кассирши в супермаркете кивали в ответ на его краткое приветствие. За десять лет в его доме сменилось много жильцов. Некоторые из них съезжались. Тогда он наблюдал за переездом; друзья новоиспеченной парочки поднимали или спускали по лестнице коробки и лампы. Они

были молоды и иногда смеялись. Часто (но не всегда) сожители, расставшись, перебирались на другое место одновременно. Так что квартира освобождалась. Какой тут напрашивается вывод? Как истолковать их поведение? Сложная задача.

Он сам хотел только любить, и уж во всяком случае ничего не требовал. Ничего конкретного. Жизнь, считал Мишель, должна быть чем-то простым; чем-то, что можно прожить как совокупность мелких, бесконечно повторяющихся ритуалов. Ритуалов, пусть слегка дурацких, но в которые тем не менее удается поверить. Жизнь без целей, без драм. Но жизнь человека устроена иначе. Иногда он выходил на улицу, наблюдал за молодежью, за домами. Одно не вызывало сомнений: никто уже не знает, как жить. Ну, тут он хватил: отдельные личности вроде бы сорганизовались и даже увлеклись каким-то делом, их жизнь была отягчена смыслом. Активисты *Act Up*[20], например, считали важным показывать по телевидению рекламные ролики с изображением различных гомосексуальных практик, снятых крупным планом, хотя многие усматривали в этом порнографию. В целом их жизнь казалась

---

[20] Примечания: 20
Международная ассоциация по борьбе со СПИДом.

приятной и деятельной, насыщенной всякого рода событиями. Они то и дело меняли партнеров, трахали друга друга в зад в “темных комнатах” гей-клубов. Бывало, что презервативы сползали или лопались. Тогда они умирали от СПИДа; но такая смерть тоже свидетельствовала об их активной жизненной позиции и достоинстве. Да и вообще телевидение, особенно Первый канал, неустанно преподавало уроки достоинства. В юности Мишель думал, что достоинство человеку придают страдания. Теперь ему пришлось признать, что он заблуждался. Достоинство человеку придает как раз телевидение.

Несмотря на постоянные и чистые радости, которые доставляет ему телевидение, надо все же вылезать из дому, считал он. Да и за покупками нельзя не пойти. Человек, лишенный четких ориентиров, разбрасывается, от него толку мало.

Утром 9 июля (в день святой Амандины) он отметил, что тетради, папки и пеналы уже заняли свое место на полках его родного “Монопри”. Рекламный слоган этой операции — “Готовься к школе без головной боли” — звучал не слишком убедительно. Что такое образование, что такое знания, если не бесконечная *головная боль*?

На следующий день он обнаружил в своем ящи-

ке осенне-зимний каталог *3 Suisses.* На увесистом фолианте в твердой обложке не было адреса: его что, принес курьер? Как давний клиент этой фирмы, продающей товары по каталогу, он привык к таким знакам внимания и уважения. Да, время шло, и маркетинговые кампании нацелились на осень; но на небе по-прежнему не было ни облачка, в конце концов, сейчас только начало июля.

Еще в юности Мишель прочитал несколько романов, в которых поднималась тема абсурда, экзистенциального отчаяния и застывшей рутины бытия; эта экстремальная литература убедила его лишь отчасти. В тот период он часто виделся с Брюно. Брюно мечтал стать писателем; исписывал страницу за страницей и постоянно мастурбировал; он открыл ему Беккета. Беккет, похоже, *великий писатель,* как говорится, но Мишелю так и не удалось осилить целиком хоть одну его книгу. В конце семидесятых им с Брюно было по двадцать с чем-то, но они уже чувствовали себя стариками. Со временем ничего не изменится: они все больше будут чувствовать себя стариками и стыдиться этого. Их эпоха вскоре успешно совершит беспрецедентное преобразование, утопив трагическое чувство смерти в более общем и вязком ощущении старения. Два-

дцать лет спустя Брюно все еще не задумывался о смерти по-настоящему, и Мишель начинал подозревать, что никогда и не задумается. До самого конца ему будет хотеться жить, до самого конца он будет в самой гуще жизни, до самого конца будет сражаться с неурядицами и горестями конкретной жизни и дряхлеющего тела. До самого последнего вздоха будет просить отсрочки, хоть маленькой добавки бытия. А главное, до самого последнего вздоха не оставит попыток урвать еще один заключительный миг наслаждения, прощальную радость на десерт. Каким бы бесполезным он ни был в долгосрочной перспективе, хорошо выполненный минет доставляет истинное удовольствие; а это, думал сейчас Мишель, листая страницы с нижним бельем *(корсет и подвязки для чувственной ласки!)* в новом каталоге, было бы неразумно отрицать.

Мишель, собственно, почти не мастурбировал; фантазмы, обуревавшие его в свое время, в бытность молодым ученым, когда он подключался к Минителю[21] или даже заводил отношения с реальными молодыми женщинами (как прави-

[21] Примечания: 21

Минитель — информационная система, созданная во Франции в конце 1970-х годов и до появления интернета остававшаяся самым популярным в стране телекоммуникационным средством.

ло, с торговыми представительницами крупных фармацевтических лабораторий), постепенно угасли. Теперь он спокойно справлялся с упадком своей вирильности при помощи безобидной дрочки, для которой каталог *3 Suisses*, иногда в сочетании с эротическим компакт-диском за 79 франков, оказался вполне надежным подспорьем. А вот Брюно, насколько ему известно, тратил лучшие годы на погоню за туманными лолитами с набухшими грудями, круглыми попами и гостеприимными губками; слава богу, он хотя бы состоит на госслужбе. Зато он жил не в абсурдном мире: он жил в мире мелодраматическом, населенном секс-бомбами и толстухами, *крутыми парнями* и лохами; таков был мир, в котором жил Брюно. Мишель, со своей стороны, жил в мире четко регламентированном, исторически ничем не примечательном, которому, впрочем, задавали ритм определенные коммерческие мероприятия — турнир Ролан Гаррос, Рождество, 31 декабря, выход каталога *3 Suisses* дважды в год. Будь он гомосексуалом, он мог бы принять участие в “Спидомарафоне” или *гей-прайде.* Будь он распутником, он восторгался бы “Эротическим салоном”. Будь он поспортивнее, он бы в эту минуту напряженно следил за пиренейским этапом

“Тур де Франс”. Будучи потребителем без свойств, он тем не менее радовался возвращению двухнедельников итальянских товаров в районном “Монопри”. Все это на редкость хорошо организовано, организовано по-человечески; во всем этом можно найти свое счастье; он сам ничего лучше не придумал бы.

Утром пятнадцатого июля он вытащил из мусорного бака у входа какую-то христианскую брошюрку. Самые разные жизнеописания венчались там одним и тем же счастливым финалом: встречей с воскресшим Христом. На какое-то время его увлекла история молодой женщины (“Изабель была в шоке, неужели она останется на второй год в университете”), но пришлось признать, что ему ближе опыт Павла (“Для Павла, офицера чешской армии, пост начальника станции наведения ракет стал вершиной его военной карьеры”). А уж это просто про него: “Павел, технический специалист, выпускник престижной академии, должен был бы, по идее, наслаждаться жизнью. Несмотря на это, он был несчастлив и пребывал в постоянном поиске смысла жизни”.

Каталог *3 Suisses* тоже предлагал свое прочтение европейского недуга, судя по всему, в исторической перспективе. Очевидное с первых

же страниц осознание грядущей цивилизационной мутации конкретизировалось на странице 17, облекаясь в окончательную формулировку; Мишель несколько часов ломал голову над посланием, заключенным в двух предложениях, определяющих тематику новой коллекции:

Оптимизм, щедрость, взаимопонимание, гармония — залог процветания нашего мира.
ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ БУДЕТ ЖЕНСКИМ

В вечернем выпуске новостей Брюно Мазюр объявил, что американский зонд только что обнаружил на Марсе ископаемые остатки живых организмов. Это были бактериальные формы, вероятнее всего, метаногенные археи. То есть на близкой к Земле планете биологические макромолекулы смогли когда-то соединиться и дать начало аморфным самовоспроизводящимся структурам, состоящим из примитивного ядра и мембраны с неизвестными нам свойствами; затем все замерло, несомненно, под воздействием климатических изменений: размножение становилось все

более затрудненным, а затем и вовсе прекратилось. История жизни на Марсе оказалась весьма скудной. Однако (Брюно Мазюр, похоже,

не вполне отдавал себе в этом отчет) его краткий рассказ об этом жалком фиаско вступал в резкое противоречие со всеми мифологическими и религиозными построениями, которыми традиционно тешит себя человечество. Не было никакого единого грандиозного акта творения; не было никакого избранного народа, ни даже избранного биологического вида или избранной планеты. Во Вселенной тут и там предпринимались лишь жалкие и в целом не слишком убедительные попытки. Кроме того, попытки удручающе однообразные. ДНК марсианских бактерий вроде бы абсолютно идентичны ДНК земных бактерий. Это наблюдение, в частности, Мишеля слегка опечалило, что уже само по себе являлось признаком депрессии. Нормальный исследователь, исследователь в хорошем рабочем тонусе, должен был бы, напротив, обрадоваться этой идентичности, заподозрив существование некоего объединяющего принципа. Если ДНК везде идентична, то на это должны быть свои причины, глубинные причины, связанные с молекулярной структурой пептидов или, например, с топологическими условиями самовоспроизводства. Эти глубинные причины можно, вероятно, обнаружить; будь он помоложе, такая перспекти-

ва наверняка привела бы его в восторг.

К моменту своего знакомства с Деплешеном в 1982 году Джерзински заканчивал диссертацию в аспирантуре Орсе. В связи с этим он принял участие в потрясающих экспериментах Алена Аспе по изучению несепарабельности поведения двух фотонов, последовательно испускаемых одним и тем же атомом кальция; он был самым молодым исследователем в группе.

Точные, строгие и прекрасно документированные эксперименты Аспе прогремят в научном сообществе: впервые, по единодушному мнению, они безусловно опровергли возражения, выдвинутые в 1935 году Эйнштейном, Подольским и Розеном против формализма квантовой механики. Неравенства Белла, рассчитанные исходя из гипотез Эйнштейна, явно нарушались, а полученные результаты полностью соответствовали предсказаниям квантовой теории. А раз так, то оставалось только две гипотезы. Либо скрытые параметры, определяющие поведение частиц, нелокальны, то есть частицы могут оказывать мгновенное влияние друг на друга на произвольном расстоянии. Либо надо отказаться от концепции элементарной частицы, обладающей собственными внутренними параметрами в от-

сутствие наблюдения: таким образом, возникала бездонная онтологическая пустота — оставалось разве что принять радикальный позитивизм и удовольствоваться разработкой математического формализма, способного предсказывать значения наблюдаемых квантовой системы, окончательно отказавшись при этом от идеи подспудной реальности. Естественно, что именно последний вариант и пришелся по душе большинству ученых.

Первый отчет об опытах Аспе появился в 48-м номере *Physical Review* под названием *Experimental realization of Einstein-Podolsky-Rosen Gedankexperiment: a new violation of Bell's inequalities.* Джерзински был соавтором статьи. Через несколько дней к нему зашел Деплешен. Сорокатрехлетний Деплешен возглавлял Институт молекулярной биологии НЦНИ в Жифсюр-Иветт. Он все больше утверждался во мнении, что в механизме генных мутаций от них ускользает что-то фундаментальное, и это что-то, вероятно, связано с более глубинными процессами, происходящими на атомарном уровне.

Их первая встреча состоялась в комнате Мишеля в университетском общежитии. Деплешена не удивили унылость и аскетизм обстановки:

чего-то в этом роде он и ожидал. Разговор затянулся до поздней ночи. Конечность перечня фундаментальных химических элементов, напомнил Деплешен, и навел Нильса Бора на самые первые размышления на эту тему еще в десятых годах прошлого века. Планетарная теория атома, основанная на электромагнитных и гравитационных полях, должна была бы, по идее, привести к бесконечному числу решений, к бесконечному числу возможных химических элементов. Однако вселенная состоит всего из сотни элементов или около того; этот список фиксирован и неизменен.

Такая ситуация, глубоко аномальная с точки зрения классических теорий электромагнетизма и уравнений Максвелла, должна была, снова напомнил Деплешен, неминуемо привести к созданию квантовой механики. Биология, по его мнению, сегодня находится в аналогичной ситуации. Существование во всем животном и растительном мире идентичных макромолекул и неизменных клеточных ультраструктур нельзя, на его взгляд, объяснить строгими ограничениями классической химии. Тем или иным образом — каким именно, пока что установить не удалось — квантовый уровень должен быть непосред-

ственно задействован в законах, управляющих биологическими явлениями. И тут перед ними открывалась совершенно неизведанная область исследований.

В тот первый вечер Деплешен был поражен широтой мысли и сдержанностью своего юного собеседника. Он пригласил его прийти к нему на ужин в следующую субботу, он жил на улице Политехнической школы. К ним присоединится один его коллега, биохимик, автор работ об обратных транскриптазах.

Мишель, придя к Деплешену, почувствовал себя в декорациях какого-то фильма. Мебель из светлого дерева, терракотовая плитка на полу, афганские килимы, репродукции Матисса… До сих пор он только догадывался о существовании этой обеспеченной, интеллигентской среды с ее утонченным, взыскательным вкусом; теперь он мог домыслить и все остальное: семейное поместье в Бретани, возможно, деревенский домик в Люберон. Ну и квинтеты Бартока до кучи. — мельком подумал он и приступил к закускам. К ужину подали шампанское; на десерт — ягодную шарлотку, к которой полагалось превосходное полусухое розовое вино. Тут Деплешен и изложил ему свой план: он добьется создания для

него места в своем отделе; Мишелю придется немного подтянуть биохимию, но все может получиться достаточно быстро. Он же станет научным руководителем его докторской; после защиты Мишель получит право претендовать на постоянное место.

Мишель взглянул на камин — там, в самом центре, стояла небольшая кхмерская статуэтка, отличавшаяся поразительной чистотой линий; она изображала Будду, берущего Землю в свидетели. Он откашлялся и принял предложение.

В последующее десятилетие благодаря существенному техническому прогрессу и использованию радиоактивных маркеров удалось накопить значительное количество результатов. И все же, размышлял сегодня Джерзински, в отношении теоретических вопросов, поднятых Деплешеном на их первой встрече, они не продвинулись ни на йоту.

Среди ночи его снова заинтриговали марсианские бактерии; он отыскал в интернете десятка полтора сообщений, в большинстве своем из американских университетов. Аденин, гуанин, тимин и цитозин обнаружены там в нормальных пропорциях. От нечего делать он зашел на сайт Энн-Арбора; они выложили материал на тему

старения. Алисия Марсия-Коэльо представила доказательства потери кодирующих последовательностей ДНК при многократном делении фибробластов, выделенных из гладких мышц. В этом тоже не было ничего удивительного. Знал он эту Алисию: именно она лишила его девственности десять лет назад, после пьянки на конференции генетиков в Балтиморе. Она так набралась, что не смогла даже помочь ему снять с нее лифчик. Пришлось попотеть, он еле справился; она только что рассталась с мужем, призналась Алисия, пока он сражался с застежкой. Потом все прошло нормально; он удивился, что ему удалось возбудиться и кончить во влагалище ученой дамы, не испытав при этом ни малейшего удовольствия.

5

Как и Брюно, многим летним посетителям “Пространства возможностей” было в районе сорока; многие, как и он, работали в социальной сфере или в сфере образования, так что статус госслужащего защищал их от бедности. Практически все они были скорее *левыми;* практически все они жили в одиночестве, как правило после развода. Короче говоря, он оказался здесь довольно типичным постояльцем и через несколько дней понял, что чувствует себя чуть менее погано, чем обычно. Мистические сучки, совершенно невыносимые за завтраком, снова превращались в женщин в час аперитива, вступая в безнадежное соревнование с другими женщинами, помоложе. Смерть — великий уравнитель. Так, в среду после обеда, он познакомился с Катрин, бывшей феминисткой под пятьдесят, с темными волосами в мелких кудряшках и смуглой кожей; наверное, в двадцать лет она была чудо как хороша. Грудь еще держится на плаву, отметил он, сидя у бассейна, но уж очень у нее толстая жопа. Катрин перепрофилировалась, увлекшись египетской символикой, солнечными таро и проч.

Брюно спустил трусы в тот момент, когда она заговорила о боге Анубисе; он как чувствовал, что эрекция ее не шокирует и, возможно, между ними завяжется дружба. К сожалению, эрекции не произошло. Она не разжимала ног, скрывая жировые складки в промежности; расстались они довольно холодно.

В тот же вечер перед ужином с ним заговорил некий Пьер-Луи. Он представился преподавателем математики; и правда, вид у него был соответствующий. Брюно заприметил его два дня назад на вечере творческих фантазий; он разыграл скетч на тему арифметического доказательства, которое движется по замкнутому кругу, — типа комедия абсурда, только совсем не смешная. Он с бешеной скоростью писал что-то на белой маркерной доске “Велледа”, иногда внезапно замирая; его большой лысый череп сморщивался от напряженных раздумий, брови взлетали вверх в как бы забавной гримасе; он застывал на несколько секунд с маркером в руке, затем снова принимался писать и все пуще заикался. В конце сценки пять-шесть человек ему зааплодировали, скорее из жалости. Он густо покраснел; вот, собственно, и все.

В последующие дни Брюно несколько раз

удавалось от него сбежать. Обычно он носил шляпу-боб. Он был худой и очень высокий, не менее метра девяносто, но с брюшком, прелюбопытное зрелище являло собой его брюшко, когда он шел по доске для прыжков в воду. На вид ему было лет сорок пять.

В тот вечер Брюно снова быстро слинял, воспользовавшись тем, что долговязый придурок пустился вместе с остальными в какие-то импровизированные африканские танцы, и поднялся по склону в сторону общей столовой. Рядом с бывшей феминисткой оказалось свободное место, напротив нее сидела ее товарка-символистка. Он едва успел приступить к тушеному тофу, как в конце ряда столиков появился ПьерЛуи; он аж просиял от радости, заметив свободное место напротив Брюно. Последний не сразу заметил, что тот к нему обращается; ну а что, он сильно заикался, а обе дурынды пронзительно повизгивали. И тебе реинкарнация Осириса, и египетские марионетки… они не обращали на них абсолютно никакого внимания. Через некоторое время Брюно понял, что этот обормот интересуется его профессиональными занятиями.

— Да так, не бог весть что. — ушел он от ответа; ему хотелось говорить о чем угодно, кроме фран-

цузской системы образования.

Этот ужин начал действовать ему на нервы, и он встал, чтобы выйти покурить. На его беду, в тот же момент обе символистки, не удостоив их взглядом, поднялись из-за стола, виляя задницами, из-за чего, вероятно, и произошел досадный инцидент.

Брюно находился уже метрах в десяти от стола, когда до него донеслось какое-то жуткое шипение или скорее даже хрип, что-то высокочастотное, поистине нечеловеческое. Он обернулся: Пьер-Луи, красный как рак, стоял сжав кулаки. Одним махом, без разбега, он вскочил обеими ногами на стол. Он глубоко вздохнул, и шипящий звук, вырывавшийся у него из его груди, прервался. Затем он принялся ходить туда-сюда по столу, со всей силы колотя себя кулаками по голове, вокруг него кувыркались тарелки и стаканы; он лягался во все стороны, громко повторяя: “Вы не имеете права! Вы не имеете права так со мной обращаться!” В кои-то веки он не заикался. Потребовалось пять человек, чтобы с ним совладать. Позже вечером его положили в психиатрическую клинику в Ангулеме.

Брюно внезапно проснулся около трех часов и вылез из палатки; с него градом лил пот. В кем-

пинге было тихо; под полной луной слышалось монотонное пение древесных лягушек. Он сел на берегу пруда в ожидании завтрака. Перед самым рассветом стало прохладно. Утренние мастерские начинались в десять. В четверть десятого он направился к пирамиде. Потоптался перед дверью в писательскую мастерскую, затем спустился на этаж ниже. Секунд двадцать он разбирался в программе студии акварели, затем поднялся на несколько ступенек. Лестница состояла из прямых пролетов, разделенных короткими закругленными площадками. Ширина ступеней в каждом марше то увеличивалась, то шла на убыль. Последняя ступень была шире всех остальных. На нее он и сел. И прислонился к стене. Ему стало хорошо.

Редкие минуты счастья, выпадавшие ему в школьные годы, Брюно проводил вот так, сидя на ступеньке между двумя этажами, сразу после начала уроков. Спокойно прислонившись к стене, на равном расстоянии от лестничных площадок, он ждал, полузакрыв или широко открыв глаза. Конечно, если кто-нибудь проходил мимо, он нехотя вставал, подхватывал портфель и бодро шагал в сторону класса, где шел урок. Но часто никто так и не появлялся, все было тихо; и вот

тогда, на этих выложенных серой плиткой ступенях, медленно, словно урывками, почти украдкой (он уже опоздал на урок истории, а физика еще не началась), он воспарял душой.

Сейчас, конечно, обстоятельства изменились: он сам решил приехать сюда и принять участие в жизни этой базы отдыха. На следующем этаже занимались писатели, внизу — мастерская акварели, еще ниже, должно быть, массаж или холотропное дыхание, а под ними, судя по всему, вновь собралась группа африканских танцев. Везде люди жили, дышали, пытались получить удовольствие или повысить личностный потенциал. На всех этажах они совершенствовали или пытались совершенствовать свои социальные, сексуальные и профессиональные навыки или обрести свое место в космосе. Они, что называется, “работали над собой”. Его же клонило в сон; он перестал желать, перестал искать, он был нигде; медленно, поэтапно его дух возносился в царство небытия, к чистому экстазу неприсутствия в мире. Впервые с тринадцати лет Брюно почувствовал себя почти счастливым.

НЕ ПОДСКАЖЕТЕ, ГДЕ ТУТ
БЛИЖАЙШАЯ КОНДИТЕРСКАЯ?

Он вернулся в палатку и проспал три часа. Проснулся в отличной форме, к тому же у него встал. Сексуальная неудовлетворенность вызывает у мужчин тревогу, которая проявляется в виде сильного спазма, локализующегося где-то в области желудка; сперма словно приливает в низ живота, протягивая свои щупальца до самой груди. Член горячий, ноет и слегка сочится. Он не мастурбировал с воскресенья, и, видимо, зря. Последний миф западной цивилизации гласит, что секс необходим, заниматься сексом можно и нужно. Он надел плавки и, хохотнув, сунул в сумку несколько презервативов. Уже много лет он всегда носил при себе презервативы, но они ни разу ему не пригодились. К тому же у блядей их навалом.

Пляж кишел жлобами в шортах и красотками в стрингах, что очень обнадеживало. Он купил кулек жареной картошки и, побродив между курортницами, выбрал себе девицу лет двадцати с потрясающей высокой грудью, круглой и упругой, и широкими венчиками карамельного оттенка вокруг сосков.

— Здравствуйте… — сказал он. И умолк; лицо девушки озабоченно сморщилось. — Здравствуйте, — повторил он, — не подскажете, где тут

ближайшая кондитерская?

— Чё? — спросила она, приподнявшись на локте. Тут он заметил, что у нее в ушах плеер, и пошел назад, махнув рукой, как Питер Фальк в “Коломбо”. Настаивать не имеет смысла: все слишком тонко и звонко, зачем усложнять себе жизнь.

Двигаясь наискосок к морю, он пытался удержать в памяти ее грудь. Вдруг прямо перед ним из волн вынырнули три девочки; он бы дал им лет по четырнадцать, не больше. Он заметил их полотенца и расстелил свое в нескольких метрах от них; они не обратили на него никакого внимания. Он быстро снял футболку, прикрылся ею, перевернулся на бок и достал член. Синхронным движением они скатали вниз купальники, чтобы загорели сиськи. Брюно, не успев даже к себе прикоснуться, бурно кончил прямо в футболку. Застонал и обмяк на песке. Дело сделано.

РИТУАЛЫ ПРИМИТИВНЫ В ЧАС АПЕРИТИВНЫЙ

Аперитив, один из самых задушевных моментов дня в “Пространстве возможностей”, обычно проходил в музыкальном сопровождении. В этот вечер трое парней играли на тамтаме, а полсотни

пространцев приплясывали на месте, размахивая руками во все стороны. Оказалось, это танец урожая, его разучивали на семинарах по африканским танцам; как правило, по прошествии нескольких часов отдельные участники впадали — или делали вид, что впадают, — в состояние *транса.* В литературном или устаревшем смысле слова под трансом понимается чрезвычайно острая тревога или страх при мысли о надвигающейся опасности. “Я лучше по миру пойду, чем иметь такие трансы” (Эмиль Золя). Брюно угостил католичку бокалом пино де шарант.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Софи, — ответила она.

— Ты не танцуешь? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Африканские танцы это не мое, они слишком…

Слишком что? Он понял ее замешательство. Слишком примитивные? Нет, конечно. Слишком ритмичные? Это все уже попахивает расизмом. Слова не скажи теперь об этой африканской танцевальной херне. Бедная Софи, она хотела как лучше. У нее симпатичное лицо, черные волосы, голубые глаза и невероятно белая кожа. Грудь, наверное, маленькая, но очень чувствительная. Наверное, она бретонка.

— Ты из Бретани? — спросил он.

— Да, из Сен-Брие! — радостно воскликнула она. — Зато я обожаю бразильские танцы. — добавила она, видимо извиняясь за свою нелюбовь к африканским танцам. Этого оказалось достаточно, чтобы Брюно пришел в отчаяние. Его давно достала эта идиотская бразиломания. С чего вдруг Бразилия? Насколько ему известно, Бразилия — говенная страна, населенная придурками, помешанными на футболе и автогонках. Там царят насилие, коррупция и нищета. Если и есть на свете поганая страна, то это как раз Бразилия в чистом виде.

— Софи! — с жаром воскликнул Брюно. — Я бы смотался в Бразилию на каникулы. Проехался бы по фавеллам. В бронированном микроавтобусе. Полюбовался бы восьмилетними убийцами, которые спят и видят, как стать паханами; юными проститутками, умирающими от СПИДа в тринадцать лет. Чего мне бояться, я в домике. Так я проведу утро, а днем поваляюсь на пляже, в гуще богатейших наркодилеров и сутенеров. В пылу разгульной жизни я и думать забуду о меланхолии западного человека. Софи, ты права: как только вернусь, наведу справки в турагентстве “Нувель фронтьер”.

Софи некоторое время смотрела на него, лицо ее стало задумчивым, она озабоченно наморщила лоб.

— Как ты, должно быть, настрадался… — грустно произнесла она наконец.

— Софи, — снова воскликнул Брюно, — а ты знаешь, что Ницше писал о Шекспире? “Что должен выстрадать человек, чтобы почувствовать необходимость стать шутом!”[22] Шекспир всегда казался мне переоцененным автором, но он и впрямь тот еще шут. — Он запнулся, с удивлением осознав, что и правда страдает. Женщины бывают такими добрыми; на агрессивность отвечают пониманием, на цинизм — нежностью. Какой мужик так бы отреагировал? — Софи, я хочу полизать тебе. — с чувством произнес он, но на этот раз она его не услышала. Она повернулась к лыжному инструктору, который три дня назад лапал ее за жопу, и завела с ним разговор.

Брюно аж оцепенел на несколько секунд, а потом пересек лужайку в обратном направлении, к парковке. Супермаркет “Леклер” в Руайане открыт до десяти вечера. Гуляя между стеллажами, он размышлял об Аристотеле, утверждавшем,

---

[22] Примечания: 22

Ф. Ницше. *Ecce Homo.* Перевод Ю. Антоновского.

что низкорослая женщина принадлежит к иному виду, нежели все остальное человечество. “В низкорослом мужчине я еще вижу человека, — писал философ, — но низкорослая женщина, по моему мнению, относится к новому виду существ”[23]. Чем объяснить такое странное утверждение, идущее вразрез с присущим Стагириту здравым смыслом? Он купил бутылку виски, консервированные равиоли и пачку имбирного печенья. Вернулся он уже затемно. Проходя мимо джакузи, он услышал шепот и приглушенный смех. Он остановился с мешком из “Леклера” в руках и раздвинул ветки. Там, похоже, сидели две или три пары: они замолчали, и теперь до него доносилось только журчание воды. Луна вышла из-за облаков. Тут появилась еще одна парочка, они стали раздеваться. Шепот возобновился. Брюно положил на землю полиэтиленовый пакет, вынул член и снова принялся мастурбировать. Он кончил почти сразу, как раз в тот момент, когда женщина вошла в горячую воду. Сегодня уже пятница, придется продлить свое пребывание здесь еще на неделю. Надо как-то самоорганизоваться, завести себе телку, с людьми пообщаться.

---

[23] Примечания: 23
Измененная цитата из “Веселой науки” Ф. Ницше.

6

В ночь с пятницы на субботу он плохо спал, ему приснился мучительный сон. Он принял обличье поросенка с пухлым безволосым телом. Его вместе с его свинскими товарищами затягивало в бескрайний темный тоннель с ржавыми стенками, имеющий форму воронки. Водоворот, в который они попали, не отличался особой мощью, так что иногда ему удавалось зацепиться лапами за бортик; но следом набегала более сильная волна, и он снова опускался на несколько метров. Временами он различал белесую плоть одного из своих спутников, которого неумолимо засасывало вглубь. Они бились в темноте и тишине, нарушаемой лишь мимолетным шарканьем копыт по металлическим стенкам. Однако по мере того, как он погружался, со дна тоннеля до него все явственнее доносился приглушенный рокот машин. Постепенно он осознал, что водоворот тащит их к турбинам с огромными и острыми как бритва лопастями.

Позже его отрубленная голова валялась на лугу в нескольких метрах от устья воронки. Череп раскололся надвое сверху донизу, но его неповре-

жденная часть, лежавшая на траве, была еще в сознании. Он знал, что муравьи постепенно проберутся в обнажившееся серое вещество, сожрут его нейроны, и тогда сознание навеки покинет его. Пока же его единственный оставшийся глаз обозревал горизонт. Травянистая поверхность, казалось, простиралась в бесконечную даль. Под серебристо-белым небом вращались против часовой стрелки огромные зубчатые колеса. Возможно, это и есть конец времен; по крайней мере, мир, каким он его знал, подошел к концу.

За завтраком он познакомился с ведущим мастерской по акварели, ветераном 68-го из Бретани. Поль Ле Дантек оказался одним из основателей “Пространства” и братом нынешнего директора. В индейской куртке, с длинной седой бородой и трискелем на шнурке, он являл собой наглядный образец приветливого доисторического хипаря. В пятьдесят пять лет этот старпер жил припеваючи. Вставал на рассвете, гулял по холмам, наблюдал за птичками. Потом наливал себе кружку кофе с кальвадосом и, не обращая внимания на суету вокруг, сворачивал самокрутку. Мастерская акварели начиналась только в десять, так что у них полно было времени поболтать.

— Ты, как заслуженный пространец. — Брюно натужно хмыкнул, чтобы установить хотя бы видимость взаимопонимания, — наверняка помнишь, как тут все начиналось в семидесятые, сексуальное освобождение, всякое-разное.

— Какое на хрен освобождение! — проворчал старикан. — Всегда находились телки, на групповухах сидевшие в углу. И чуваки, которые просто дрочили в одиночку. Ничего не изменилось, приятель.

— И все же, — не отставал Брюно, — я слышал, что СПИД несколько изменил ситуацию.

— Мужикам, — признал акварелист, откашлявшись, — и правда стало проще. Тогда еще попадались рты и пёзды нараспашку, куда входили не представившись. Но для этого нужно было устроить настоящую оргию, с контролем на входе, и все обычно являлись туда вдвоем. Не раз я видел раскорячившихся намокших баб, которые весь вечер сами себе дрочили; никто не намеревался им всунуть. Чтобы доставить им удовольствие даже из человеколюбия, увы, нужен был стояк, пусть хоть минимальный.

— То есть ты хочешь сказать, — задумчиво произнес Брюно, — это был вовсе не сексуальный коммунизм, а та же система соблазнения, только

в более широком смысле.

— Это да… — согласился старый хрыч, — куда же без соблазнения.

Все это обескураживало. Однако сегодня суббота, должны появиться новички. Брюно решил расслабиться, принимать все происходящее по мере поступления, не париться; в результате день прошел без инцидентов, то есть вообще, надо сказать, без событий. Около одиннадцати вечера он снова догулял до джакузи. Над мягко рокочущей водой поднимался слабый пар, пронизанный светом полной луны. Он молча подошел к бассейну диаметром три метра. У противоположного бортика обнималась пара, причем женщина, похоже, сидела на мужчине верхом. “А мне что, нельзя?” — с раздражением подумал Брюно. Он быстро скинул одежду и ступил в джакузи. Ночной воздух был прохладным, а вода по контрасту восхитительно горячей. Сверху сквозь переплетенные ветви сосен проглядывали звезды, и его немного отпустило. Девушка все так же елозила на мужике и стонала. Они даже не посмотрели в его сторону. Черты ее лица были неразличимы. Мужчина тяжело задышал. Ее движения ускорились, на мгновение она откинулась назад, луна мимолетно осветила ее грудь, на лицо упала

пышная копна темных волос. Она прижалась к своему партнеру, обхватив его руками; его дыхание стало прерывистым, он издал протяжный хрип и затих.

Они так пообнимались еще немножко, потом мужчина встал и вылез из воды. Прежде чем одеться, он скатал презерватив и снял его. Брюно с удивлением заметил, что женщина не двинулась с места. Шаги ее спутника смолкли, наступила тишина. Она вытянула ноги в воде. Брюно сделал то же самое. Она положила ступню ему на бедро, коснувшись члена. С легким всплеском отстранилась от бортика и приблизилась к нему. Облака заслонили луну, она находилась в полуметре от него, но он все равно не смог разглядеть ее лица. Одна рука легла ему на бедро, другая обняла за плечи. Брюно прижался к ней, уткнулся лицом ей в грудь; груди у нее были маленькие, тугие. Он отцепился от бортика, отдавшись ее объятиям. Он чувствовал, как она тянет его к центру бассейна и начинает медленно крутиться вокруг собственной оси. Мышцы шеи у него внезапно расслабились, голова отяжелела. Легкое журчание, едва слышное на поверхности, на глубине нескольких сантиметров превращалось в мощный подводный рев. У него перед глазами плавно

вращались звезды. Он размяк в ее объятиях, его член вздымался, высовываясь из воды. Она слегка пошевелила руками, но он едва ощутил ее ласку, пребывая в полнейшей невесомости. Длинные волосы коснулись его живота, он почувствовал, как она лизнула его. Он задрожал всем телом от наслаждения. Она сомкнула губы и медленно, очень медленно, взяла его в рот. Он закрыл глаза, вздрагивая от восторга. Глухой рокот действовал на него умиротворяюще. Когда ее губы дошли до основания члена, он ощутил движения ее горла. Волны наслаждения захлестывали его и баюкали подводные водовороты; внезапно его бросило в жар. Она мягко стиснула его, и вся его энергия разом хлынула в член. Он с воплем кончил; никогда в жизни он не испытывал такого удовольствия.

7. Разговоры в трейлере

Трейлер Кристианы стоял метрах в пятидесяти от его палатки. Она вошла, включила свет, достала бутылку *Bushmills* и наполнила два стакана. Худенькая, ниже его ростом, она наверняка когда-то была красавицей, но с тех пор ее лицо с тонкими чертами увяло и покрылось красными прожилками. Только шелковистые черные волосы не утратили своего великолепия. Голубые глаза смотрели мягко, печально. Ей, должно быть, лет сорок.

— Время от времени у меня сносит крышу, и я трахаюсь со всем, что движется, — сказала она. — Если с проникновением, то просто прошу надеть презерватив, и все.

Она пригубила виски, потом сделала глоток. Брюно посмотрел на нее: кроме серого худи, она ничего не надела. Ее лобок красиво выгибался; к сожалению, большие половые губы немного обвисли.

— Мне хочется, чтобы ты тоже кончила, — сказал он.

— Не торопись. Выпей. Хочешь, переночуй тут, места хватит… — Она кивнула на двуспальную

кровать. Они обсудили стоимость аренды трейлеров. Кристиана не может спать в палатке, у нее проблемы со спиной. — И довольно серьезные, — добавила она. — Большинство мужчин предпочитают минет, — сказала она следом. — Проникновение им в лом, трудно возбудиться. Но стоит взять в рот, как они становятся как дети. У меня сложилось впечатление, что феминизм сильно по ним ударил, больше, чем они готовы признать.

— Есть вещи и похуже феминизма, — мрачно заметил Брюно. Он выпил залпом полстакана и только потом решился продолжить: — Ты давно ездишь в “Пространство”?

— Практически с самого начала. Я сделала перерыв, когда вышла замуж, а теперь снова приезжаю на две-три недели в год. Поначалу это было скорее альтернативное место, в духе *новых левых,* сейчас тут тусуются в основном адепты нью-эйдж; впрочем, само “Пространство” не так уж изменилось. Интерес к восточному мистицизму возник еще в семидесятые; джакузи и массажи тоже никуда не делись. Тут приятно, но грустновато; ну и здесь гораздо меньше агрессии, чем везде. Религиозный дух немного смягчает откровенную жажду случки. Тем не менее некоторые

женщины тут страдают. Мужчинам, стареющим в одиночестве, гораздо легче, чем нам в той же ситуации. Они пьют дешевое вино, вырубаются, у них разит изо рта, а когда просыпаются, начинают все по новой; и довольно рано умирают. Женщины принимают успокоительные, занимаются йогой, ходят к психологам; доживают до глубокой старости и очень страдают. Они продают обессиленное, подурневшее тело; они знают это и страдают. Но при этом не унимаются, потому что им не удается подавить в себе желание быть любимыми. До самого конца они остаются жертвами этой иллюзии. Начиная с определенного возраста женщина, хоть и найдет всегда, о какой член потереться, никогда уже не будет любимой. Так уж устроены мужчины, вот и все.

— Кристиана, — мягко сказал Брюно, — ты преувеличиваешь. Например, я сейчас хочу доставить тебе удовольствие.

— Верю. У меня сложилось впечатление, что ты милый человек. Милый эгоист.

Она сняла худи, легла поперек кровати, подложила под попу подушку и раздвинула ноги. Брюно сначала долго вылизывал ей все вокруг влагалища, а затем короткими, быстрыми движениями языка стал возбуждать ее клитор.

Кристиана выдохнула.

— Засунь палец. — сказала она. Брюно повиновался и повернулся, чтобы лизать ее и ласкать ей грудь одновременно. Он почувствовал, как затвердели ее соски, и поднял голову. — Не останавливайся, пожалуйста, — попросила она.

Он положил голову поудобнее и указательным пальцем погладил ее клитор. Ее малые губы начали набухать. Воодушевившись, он жадно лизнул их. Кристиана застонала. На мгновение ему снова привиделась вульва его матери, худая и сморщенная; потом воспоминание улетучилось, и он продолжил все быстрее и быстрее массировать ей клитор, щедро и дружески облизывая ей губы. У нее на животе выступили красные пятна, дыхание участилось. Она была очень мокрой и приятно соленой на вкус. Брюно прервался, ввел ей один палец в анус, другой во влагалище и снова принялся короткими, быстрыми рывками лизать ей клитор кончиком языка. Она кончала неторопливо, с долгой дрожью. Он лежал неподвижно, припав к ее влажному лобку, и, протянув к ней руки, ощутил, как пальцы Кристианы сжали его ладонь.

— Спасибо, — сказала она. Потом встала, надела худи и наполнила их стаканы.

— Сейчас в джакузи мне правда было очень хорошо, — сказал Брюно. — Мы не произнесли ни слова; когда я почувствовал твои губы, я еще не различал черт твоего лица. Никакой игры, все очень чисто.

— Скажи спасибо тельцам Краузе… — улыбнулась Кристиана. — Ты уж извини, просто я преподаю естественные науки. — Она отпила виски. — Тело клитора, венчик и бороздка головки члена усыпаны тельцами Краузе, которые очень богаты нервными окончаниями. Ласки вызывают мощный выброс эндорфинов в мозг. Клитор и головка члена примерно в равной мере усыпаны тельцами Краузе — короче, тут все по справедливости; но есть еще кое-что, и тебе это хорошо известно. Я очень любила своего мужа. Я с благоговением ласкала и облизывала его член, мне нравилось чувствовать его внутри себя. Я гордилась тем, что доводила его до эрекции; носила в бумажнике, словно образок, фотографию его возбужденного члена; не было у меня большей радости, чем доставить ему удовольствие. В конце концов он ушел от меня к молодой. Я сейчас прекрасно поняла, что тебя мои прелести особо не привлекают, у меня там уже все почти как у старухи. Увеличение количества поперечных связей

в коллагене в пожилом возрасте и фрагментация эластина во время митоза приводят к тому, что ткани постепенно теряют упругость и гибкость. В двадцать лет у меня была восхитительная пизда; теперь половые губы слегка обвисли, я в курсе.

Брюно допил виски, он совершенно не мог придумать, что ей сказать в ответ. Вскоре после этого они легли. Он обнял Кристиану за талию; они уснули.

8

Брюно проснулся первым. Где-то в кронах деревьев пела птица. Ночью Кристиана откинула одеяло. У нее была красивая попа, все еще вполне округлая, очень волнующая. Он вспомнил фразу из “Русалочки”, у него дома была старая пластинка с “Песней моряков” в исполнении квартета “Братья Жак”. Она уже к этому моменту настрадалась, отказалась от своего голоса, от родины, от великолепного русалочьего хвоста, и все это из любви к принцу, в надежде стать настоящей женщиной. Темной ночью во время шторма море выбрасывает ее на берег, и она выпивает ведьмин эликсир. Ей кажется, будто ее рассекли пополам, боль такая жгучая, что она теряет сознание. И тут несколько совершенно разных музыкальных аккордов словно открывают нам новый мир, и сказочница произносит слова, так поразившие Брюно давным-давно: “Когда она очнулась, уже сияло солнце, и перед ней стоял прекрасный принц”.

Он вспомнил вчерашний разговор с Кристианой и подумал, что ему удалось бы полюбить ее большие и малые губы, пусть немного обвисшие,

но мягкие. Как и большинство мужчин, он просыпался в возбужденном состоянии. В рассветном полумраке, оттененное густой, всклокоченной копной черных волос, лицо Кристианы казалось очень бледным. Когда он вошел в нее, она приоткрыла глаза. Она явно удивилась, но ноги развела. Он задвигался в ней, но понял, что постепенно сдувается. Его охватила глубокая печаль, смешанная с тревогой и стыдом.

— Хочешь, я надену презерватив? — спросил он.

— Да, будь добр. Они тут, в косметичке.

Он вскрыл упаковку; это были *Durex Technica.* Естественно, в резинке он совсем обмяк.

— Прости, — сказал он, — мне очень жаль.

— Все в порядке, — нежно сказала она, — иди ко мне.

СПИД и правда стал настоящим благословением для мужчин того поколения. Иногда достаточно просто вытащить презерватив, чтобы член обмяк. “Я так и не смог к ним приноровиться…” Завершив этот краткий церемониал, мужчина, не уронив своего мужского достоинства, мог вернуться в постель, прижаться к женскому телу и спокойно уснуть.

После завтрака они спустились к пруду, про-

шли вдоль пирамиды. На берегу никого не было. Они улеглись на солнечной лужайке, Кристиана сняла с него бермуды и принялась дрочить ему. Она делала это очень нежно и деликатно. Позже, когда благодаря ей их приняли в круг *свободных парочек,* Брюно наконец осознал, что в этой компании мало кто так умеет. Большинство женщин дрочили грубо, пренебрегая нюансами. Слишком сильно сжимали член и трясли им в каком-то дурацком исступлении, вероятно пытаясь подражать актрисам из порнофильмов. Может, на экране оно и выглядит эффектно, но в жизни результат получался весьма плачевный, да и вообще больно. А вот Кристиана, напротив, прикасалась к нему легонько, постоянно смачивая пальцы и нежно поглаживая чувствительные места. Мимо них прошла женщина в индийской тунике и села у воды. Брюно глубоко вдохнул, стараясь не кончить. Кристиана улыбнулась; солнце начинало припекать. Он подумал, что вторая неделя в “Пространстве” обещает быть очень даже приятной. Возможно, они будут видеться и дальше и состарятся бок о бок. Время от времени она будет дарить ему мгновения физического счастья, и они вместе переживут угасание страсти. Так пройдет несколько лет, и

они станут старыми; на этом для них завершится комедия плотской любви.

Пока Кристиана принимала душ, Брюно изучал состав купленного им накануне в “Леклере” крема “ревитализирующего с микрокапсулами”. Если на упаковке подчеркивалась прежде всего новизна концепции “микрокапсул”, то на вкладыше подробно расписывались три его главные достоинства — защита от вредного воздействия УФ-излучения, комбинация высокоэффективных *активных компонентов*, обеспечивающих длительное *увлажнение*, и нейтрализация свободных радикалов. Это захватывающее чтение прервала Катрин, бывшая феминистка, переквалифицировавшаяся в специалистку по египетским таро. Она только что вернулась, и не считала нужным это скрывать, с семинара по личностному развитию “Станцуй свою работу”. Участники искали свое призвание при помощи ряда символических игр; игры эти постепенно помогали им раскрыть своего “внутреннего героя”. В конце первого дня выяснилось, что Катрин — в чем-то ведьма, но и в чем-то отчасти львица, а это, по идее, сулило ей ответственную должность менеджера активных продаж.

Брюно хмыкнул.

В этот момент появилась Кристиана, обернув полотенце вокруг талии. Катрин осеклась, не сумев скрыть досады, и быстро смылась под предлогом семинара по *дзен-медитации и аргентинскому танго.*

— Я думала, ты у нас больше по *тантре и бухгалтерии…* — бросила ей вслед Кристиана.

— Вы знакомы?

— О да, с этой дурой мы знакомы уже лет двадцать. Она тоже ездит в “Пространство” с самого начала, практически со дня основания.

Она тряхнула волосами и закрутила полотенце в тюрбан. Они вместе пошли в трейлер. Брюно вдруг захотелось взять ее за руку. Он так и сделал.

— Я всегда на дух феминисток не выносила… — добавила Кристиана, когда они были уже на полпути. — Эти стервы не переставая талдычили о мытье посуды и справедливом распределении домашних обязанностей, они буквально помешались на мытье посуды. Иногда вскользь упоминали о готовке и пылесосах, но посуда — их самый главный пунктик. Всего за несколько лет им удавалось превратить своих мужиков в раздражительных импотентов и невротиков. Тогда — и это стало систематическим явлением — они

принимались ностальгировать по мужской силе. В итоге они бросали своих дружков и трахались с каким-нибудь тупым латиноамериканским мачо. Меня всегда поражала тяга интеллектуалок к бандитам, жлобам и придуркам. Короче, залучив к себе в койку пару-тройку из них — телкам покруче доставалось больше, — они заделывали с ними ребенка и дальше знай себе варили домашнее варенье по рецептам из “Мари-Клер”. Вечная история.

— Ну это все в прошлом… — примирительно сказал Брюно.

Вторую половину дня они провели у бассейна. Напротив них, на противоположном конце, юные девицы прыгали на месте, вырывая друг у друга плеер.

— Хорошенькие, правда? — заметила Кристиана. — Блондинка с маленькими сиськами вполне себе красотка. — И она легла на пляжное полотенце. — Передай мне крем.

Кристиана ни в какие кружки не записывалась. И уверяла, что испытывает даже некоторое отвращение к этим шизофреническим затеям.

— Может, я слишком строга, — сказала она, — но мне ли не знать этих активисток шестьдесят восьмого на пятом десятке, я сама недалеко от

них ушла. Они стареют в одиночестве, их вагины виртуально мертвы. Пообщайся с ними, и минут через пять поймешь, что сами они ничуть не верят в байки о чакрах, кристаллах и световых вибрациях. Они изо всех сил стараются в них поверить, и порой им удается продержаться те два часа, что длится семинар. Они ощущают присутствие Ангела и пробуждение внутреннего цветка у себя в животе; семинар заканчивается, и они снова оказываются в тоскливом одиночестве, старые и страшные. И ну рыдать. Ты не замечал? Тут все то и дело рыдают, особенно после дзен-кружков. По правде говоря, им выбирать не приходится, у них ведь к тому же нет ни гроша в кармане. Почти все они разорились на психоанализе. Мантры и карты Таро — это полный бред, зато дешевле психоанализа.

— И плюс еще дантисты. — туманно заметил Брюно. Он положил голову ей между ног, у него слипались глаза.

Когда стемнело, они опять отправились в джакузи; он сказал, что не хочет сейчас кончать. Вернувшись в трейлер, они занялись любовью.

— Да ладно, — сказала Кристиана, увидев, что он протянул руку за презервативом.

Он вошел в нее и почувствовал, что она счаст-

лива. Все-таки ощущение близости — одно из самых удивительных свойств плотской любви, если она сопровождается хоть толикой взаимной симпатии. С первых же минут переходишь на “ты”, и кажется, что твоя любовница, даже если вы познакомились только вчера, имеет право на определенные признания с твоей стороны, на которые ты не решишься ни с кем другим на свете. То, что в ту ночь Брюно рассказал Кристиане, он никогда никому не рассказывал, даже Мишелю, и уж тем более своему психиатру. Он рассказал ей о своем детстве, о смерти бабушки, об унижениях в интернате для мальчиков. Он говорил о своем отрочестве, о том, как дрочил в поезде, сидя в нескольких метрах от девочек; он рассказал ей о летних каникулах в доме своего отца. Кристиана слушала и гладила его по голове.

Они провели вместе всю неделю, а накануне отъезда Брюно пошли поужинать в рыбный ресторан в Сен-Жорж-де-Дидонне. Вечер был теплым и безветренным, и пламя свечей на их столике едва мерцало. Из ресторана открывался вид на устье Жиронды, вдали виднелся мыс Грав.

— Глядя на лунную дорожку на воде, — сказал Брюно, — я с необыкновенной ясностью осознаю,

что у нас нет ничего, абсолютно ничего общего с этим миром.

— Тебе правда надо уезжать?

— Да, я должен провести две недели с сыном. Вообще-то я собирался уехать еще на прошлой неделе, так что теперь уж точно нельзя откладывать. Его мать улетает послезавтра, у нее уже все забронировано.

— Сколько лет твоему сыну?

— Двенадцать.

Кристиана задумалась и отпила глоток мюскаде. Она надела длинное платье, накрасилась и выглядела очень молодо. Сквозь кружевной лиф просвечивала грудь, огоньки свечей плясали в ее глазах.

— По-моему, я немножко влюбилась… — сказала она. Брюно ждал, боясь пошевелиться, в полном оцепенении. — Я живу в Нуайоне, — продолжала она. — С сыном у меня не возникало проблем, пока ему не исполнилось тринадцать. Возможно, он скучал по отцу, не знаю. Да и вообще, нужен ли детям отец? Он-то в сыне точно не нуждался. Поначалу он забирал его время от времени, они ходили в кино или в “Макдоналдс”, но он старался всегда привести его обратно пораньше. Потом он стал появляться все реже и реже, а

когда переехал на юг со своей новой девушкой, то и вовсе пропал. Так что я воспитывала сына практически одна и, наверное, слишком многое ему позволяла. Два года назад он взял в привычку уходить по вечерам, тусовался в сомнительных компаниях. Многих это удивляет, но Нуайон — довольно опасный город. У нас много черных и арабов, Национальный фронт на последних выборах набрал 40 %. Я живу в многоквартирном доме на окраине, дверцу моего почтового ящика просто вырвали, я не могу ничего оставить в подвале. Мне часто бывает страшно, иногда поблизости раздаются выстрелы. Вернувшись домой, я запираюсь на все замки и никогда не выхожу на улицу ночью. Случается, сижу в розовом Минителе[24], и все. Сын приходит поздно, а то и вообще не приходит. Я не смею ему ничего сказать, боюсь, что он меня ударит.

— Нуайон далеко от Парижа?

— Ну что ты, — улыбнулась она, — это в Уазе, всего в восьмидесяти километрах… — Она замолчала и снова улыбнулась; ее лицо в эту минуту светилось нежностью и надеждой. — Я любила жизнь, — добавила она. — Я любила жизнь, я

[24] Примечания: 24
Имеются в виду чаты эротического характера.

была от природы чувственной и ласковой, мне всегда нравилось заниматься любовью. Что-то пошло не так, я не совсем понимаю что, но что-то пошло не так в моей жизни.

Брюно уже сложил палатку, отнес вещи в машину; последнюю ночь он провел в ее трейлере. Утром он попытался войти в нее, но на этот раз потерпел неудачу. Он разволновался, занервничал.

— Кончи на меня, — попросила она. Она размазала сперму по лицу и груди. — Заезжай ко мне, — сказала она, когда он выходил.

Он обещал, что заедет. Была суббота, первое августа.

9

Вопреки обыкновению, Брюно поехал по проселочным дорогам. Не доезжая до Партене, он ненадолго остановился. Ему надо было подумать; да, но о чем, собственно? Он припарковался посреди унылого, тихого пейзажа, возле канала с почти стоячей водой. Там то ли росли, то ли гнили водные растения, поди разбери. Тишину нарушали невнятные потрескивания — должно быть насекомые. Он растянулся на травянистом склоне и понял, что течение все же есть, совсем слабое: канал медленно катил свои воды к югу. Лягушек не наблюдалось.

В октябре 1975 года, перед самым началом занятий в университете, Брюно переехал в однокомнатную квартиру, купленную для него отцом; он тогда подумал, что у него образуется новая жизнь. Но быстро разуверился в этом. Правда, на филфаке в Сансье учились девушки, много девушек, но все они, похоже, были заняты или, по крайней мере, явно не жаждали, чтобы ими занимался он. Он ходил на все семинары и лекции в надежде с кем-нибудь познакомиться и вскоре стал хорошо учиться. В кафетерии он

видел девушек, слышал их болтовню: они тусовались, встречались с друзьями, приглашали друг друга на вечеринки. Брюно начал много есть. Со временем у него даже выработался особый гастрономический маршрут по бульвару Сен-Мишель. Для затравки он покупал хот-дог на углу улицы Гей-Люссака, затем, чуть дальше, заказывал пиццу, иногда греческий сэндвич. В “Макдоналдсе” на перекрестке с Сен-Жерменом съедал несколько чизбургеров, запивая их кока-колой и банановым милкшейком; затем, пошатываясь, шел по улице де ла Арп и завершал свой путь в тунисских кондитерских. По дороге домой заходил в “Латен”, там можно было в один присест посмотреть два порнофильма. Иногда он торчал перед кинотеатром аж полчаса, делая вид, что изучает маршруты автобусов, в тщетной надежде увидеть входящую женщину или парочку. Чаще всего он все-таки покупал билет: в зале ему сразу становилось легче — билетерша проявляла чудеса такта. Мужчины садились поодаль друг от друга, между ними всегда оставалось несколько свободных мест. Он тихо дрочил, смотря “Похотливых медичек”, “Автостопщицу без трусов”, “Училку с раздвинутыми ногами”, “Сосок” и многие другие фильмы. Единственный

неловкий момент возникал на выходе: он попадал прямо на бульвар Сен-Мишель и вполне мог столкнуться нос к носу с какой-нибудь однокурсницей. Обычно он дожидался, пока кто-нибудь встанет, и шел почти вплотную следом, делая вид, что случайно зашел на порнуху с приятелем — все не так унизительно. Домой он возвращался около полуночи и читал Шатобриана и Руссо.

Пару раз в неделю Брюно решал начать новую жизнь, придать ей кардинально иное направление. Вот как он за это брался: для начала раздевался догола и смотрел на себя в зеркало — главное, считал он, дойти до крайней степени самоуничижения, в полной мере осознать всю мерзость своего выпирающего живота, брылей, отвисшей задницы. Затем гасил везде свет. Он стоял прямо, ноги вместе, руки скрещены на груди, и чуть наклонял голову вперед, для пущего самопогружения. После чего делал медленный глубокий вдох, надувая до предела свой отвратительный живот, и так же медленно выдыхал, мысленно произнося какое-нибудь число. Все числа одинаково важны, концентрация не должна ослабевать, но самые важные из них — это четыре, восемь и, конечно, шестнадцать, самое последнее. Когда, досчитав до шестнадцати, он

снова встанет и со всей силы выдохнет, то превратится в принципиально нового человека, готового наконец жить, вливаться в поток бытия. Отныне ему будут чужды чувства страха и стыда, он будет нормально питаться и нормально вести себя с девушками. “Сегодня первый день твоей оставшейся жизни”.

Этот ритуал никак не отразился на его самооценке, но зато мог пригодиться в борьбе с булимией: ему удавалось порой продержаться целых два дня, прежде чем у него случался рецидив. Он объяснял эти неудачи недостатком концентрации, но немного погодя надежда возвращалась к нему. Он ведь еще так молод.

Однажды вечером, выходя из южнотунисской кондитерской, он столкнулся с Анник. Он не видел ее с момента их краткой встречи летом 1974-го. Она еще больше подурнела и теперь явно страдала от ожирения. За квадратными очками в черной оправе, подчеркивавшей нездоровую белизну кожи, ее карие глазки казались совсем маленькими. Они выпили кофе, оба чувствовали себя неловко. Она тоже училась на филфаке в Сорбонне и снимала неподалеку комнату, выходившую окнами на Сен-Мишель. Прощаясь, она оставила ему свой номер телефона.

В течение последующих недель он несколько раз забегал к ней. Она так стеснялась своей внешности, что отказывалась раздеваться, но в первый же вечер предложила сделать ему минет под тем предлогом, что не принимает противозачаточные, — о своем теле она не сказала ни слова. “Честно, мне так больше нравится…” Она не вела светскую жизнь и по вечерам сидела дома. Заваривала себе травяной чай, пробовала соблюдать диету, но ничего не помогало. Несколько раз Брюно пытался снять с нее брюки, она съеживалась, молча и грубо отпихивала его. В конце концов он сдавался и вынимал член. Она сосала его быстро, чересчур энергично, и он кончал ей в рот. Иногда они разговаривали об учебе, но недолго, обычно он спешил уйти. Она и правда была ужасно некрасивая, и он вряд ли мог представить себя с ней на улице, в ресторане или в очереди в кинотеатр. Он нажирался до рвоты тунисскими сластями; поднимался к ней, она делала ему минет, он уходил. Ну, так оно и лучше.

В тот вечер, когда умерла Анник, погода стояла очень теплая. Был еще только конец марта, а в воздухе уже чувствовалась весна. В своей любимой кондитерской Брюно купил длинную “сигару” с миндальной начинкой и спустился

к Сене. Голос из громкоговорителей на прогулочном кораблике раздавался далеко вокруг, отдаваясь эхом от стен Нотр-Дама. Он дожевал липкий, покрытый медом рулетик и снова ощутил острое отвращение к себе. А что, это идея, подумал он, попробовать прямо здесь, в центре Парижа, среди людей и вещей. Глаза закрыты, пятки вместе, руки скрещены на груди. Медленно, но решительно, в состоянии крайней сосредоточенности он начал считать. На магической цифре шестнадцать открыл глаза и распрямился. Кораблик исчез, набережная опустела. Было все так же тепло.

Перед домом Анник собралась толпа, которую сдерживали двое полицейских. Он подошел. Тело Анник, разбившись о землю, как-то странно искривилось. Сломанные руки, словно два придатка, обхватили голову, вокруг разбитого лица растеклась лужа крови; перед самым ударом она, видимо инстинктивно защищаясь напоследок, закрыла голову руками.

— Прыгнула с восьмого этажа. Смерть была мгновенной… — со странным удовлетворением произнесла женщина рядом с ним. В эту минуту подъехала машина скорой помощи, из нее вышли двое мужчин с носилками. Когда они

подняли тело, он увидел раздробленный череп и отвернулся. Машина уехала, завывая сиренами. Так закончилась первая любовь Брюно.

Лето семьдесят шестого можно считать, пожалуй, самым мучительным периодом его жизни: ему недавно исполнилось двадцать лет. Стояла дикая жара, и даже ночь не приносила желанной прохлады; в этом отношении лето семьдесят шестого вошло в историю. Девушки ходили в коротких прозрачных платьях, которые, пропитавшись потом, липли к телу. Он слонялся по улицам целые дни напролет с выпученными от похоти глазами. Вставал по ночам, шел пешком через весь Париж, останавливался на террасах кафе, караулил у входа в дискотеки. Танцевать он не умел. У него был постоянный стояк. Ему казалось, что у него между ног болтается кусок мяса, сочащийся, гниющий, кишащий червями. Он пытался заговаривать с девушками на улице, но ничего кроме оскорблений в ответ не получал. По ночам он смотрел на себя в зеркало. Мокрые от пота волосы спереди уже поредели, под легкой рубашкой угадывались складки живота. Он стал завсегдатаем секс-шопов и пип-шоу, но все зря, они только усугубляли его страдания. Впервые он прибег к услугам проституток.

В 1974–1975 годах в западном обществе произошел едва уловимый, но окончательный поворот, подумал Брюно. Он так и лежал на травянистом склоне у канала, подложив под голову свернутую полотняную куртку. Он сорвал пучок травы, почувствовал ее влажную шероховатость. В те годы, когда он безуспешно пытался приноровиться к жизни, западное общество скатывалось к чему-то совсем мрачному. Летом 1976-го стало очевидно, что все это закончится очень плохо. Физическое насилие, наиболее совершенное проявление индивидуации личности, вновь появится на Западе вслед за вожделением.

10. Джулиан и Олдос

Когда возникает необходимость изменить или обновить фундаментальную доктрину, поколения, которым выпадает жить в эту пору, остаются, как правило, чуждыми, а зачастую и прямо враждебными ей.

Огюст Конт. Призыв к консерваторам

Около полудня Брюно сел в машину и отправился в Партене. В итоге он решил все же ехать по трассе. Из телефонной будки он позвонил брату, тот сразу же взял трубку. Он возвращается в Париж и хотел бы встретиться с ним прямо сегодня вечером. Завтра не получится, он забирает сына. Но сегодня — да, и ему это очень важно. Мишель отреагировал весьма сдержанно. “Ну, давай…” — сказал он после долгой паузы. Он, как и многие, считал отвратительной тенденцию к атомизации общества, прекрасно описанную социологами и экспертами. Он, как и многие, считал, что надо сохранять хоть какие-то семейные узы, даже если ради этого придется немного поскучать. Поэтому

уже долгие годы он заставлял себя встречать Рождество у тети Мари-Терезы, которая вместе со своим милым, почти оглохшим мужем поселилась на старости лет в загородном домике в Ренси. Его дядя всегда голосовал за коммунистов и отказывался ходить на полночную мессу, по поводу чего всякий раз *устраивал хай.* Мишель слушал, как старик, попивая ликер из горечавки, рассуждает об эмансипации рабочих, и время от времени выкрикивал ему в ответ какую-нибудь банальность. Потом приходили гости, в том числе кузина Брижит. Брижит ему нравилась, он желал ей счастья, но с таким кретином мужем оно вряд ли выпадет на ее долю. Муж работал медицинским представителем в компании “Байер” и изменял жене при каждом удобном случае, а поскольку он был красив и много разъезжал, то случай то и дело подворачивался. С каждым годом лицо Брижит увядало все больше.

В 1990-м Мишель решил положить конец ежегодным визитам; но оставался еще Брюно. Семейные отношения длятся несколько лет, иногда несколько десятилетий, фактически они длятся гораздо дольше, чем все остальные, а потом в конце концов угасают и они.

Брюно появился около девяти вечера, уже

немного навеселе, он желал пофилософствовать.

— Меня всегда поражала, — начал он, не успев даже сесть, — необыкновенная точность предсказаний Олдоса Хаксли в “Дивном новом мире”. Подумать только, он написал его в 1932 году, уму непостижимо. С тех пор западное общество тщетно пытается соответствовать этому образцу. Все более точный контроль над рождаемостью рано или поздно приведет к полному ее отрыву от секса и к воспроизводству человеческого вида в лабораториях, в условиях максимальной безопасности и генетической надежности. Следом исчезнут семейные отношения, понятия отцовства и родственных связей. Благодаря прогрессу фармакологии сотрется разница в возрасте. В мире, описанном Хаксли, занятия, внешний вид и желания шестидесятилетних мужчин и двадцатилетних юношей ничем не отличаются. Позже, когда бороться со старением становится невозможно, человек прекращает свое существование путем добровольной эвтаназии — незаметно, быстро, без излишнего драматизма. Общество, описанное в “Дивном новом мире”, — счастливое общество, избавившееся от трагедий и чрезмерных эмоций. В нем царит тотальная сексуальная свобода, на пути к самореализации и удоволь-

ствию не осталось никаких препон. Случаются еще порой краткие мгновения депрессии, печали и сомнений, но с этим легко справиться при помощи медикаментозного лечения, поскольку химия добилась существенных успехов в области антидепрессантов и анксиолитиков. “Дозу влей — и нет соплей”. Вот к такому миру мы сегодня стремимся, в таком мире хотим сегодня жить.

Я прекрасно понимаю, — продолжал Брюно, отметая взмахом руки невысказанные пока возражения Мишеля, — что вселенную Хаксли принято описывать как тоталитарный кошмар, что эту книгу пытаются выдать за яростное обличение; это чистой воды лицемерие. “Дивный новый мир” во всех отношениях — будь то генетический контроль, сексуальная свобода, борьба со старением или цивилизация досуга — просто рай, как мы себе его представляем, именно тот мир, которого мы пытаемся достичь, пока безуспешно. Единственное, что сегодня несколько противоречит нашей эгалитарной — точнее, меритократической — системе ценностей, — это разделение общества на касты, каждая из которых выполняет определенные работы в соответствии со своей генетической природой. Но это именно что один-единственный пункт,

в котором Хаксли оказался плохим пророком; один-единственный пункт, ставший практически бесполезным с развитием роботизации и машинного производства. Олдос Хаксли, несомненно, очень плохой писатель: у него тяжелые и неуклюжие фразы, пресные, лишенные жизни персонажи. Но он интуитивно предугадал — и это самое важное, — что эволюция человеческих обществ на протяжении нескольких столетий была и будет все в большей степени определяться исключительно научно-техническим прогрессом. Возможно, ему также не хватало тонкости, психологизма, собственного стиля, но это ерунда по сравнению с меткостью его изначального интуитивного прозрения. Он первым среди писателей, в том числе писателей-фантастов, понял, что после физики главной станет биология.

Брюно сделал паузу и заметил наконец, что его брат немного похудел; он выглядел усталым, озабоченным, каким-то безучастным. Вообще-то последние несколько дней он даже за покупками не выходил. В отличие от прошлых лет, у “Монопри” толклось много нищих и продавцов газет, хотя в разгар лета бедность угнетает не так сильно. А что, если война? — задавался вопросом Мишель, наблюдая в большое окно за медленны-

ми передвижениями бомжей. А когда разразится война? Каким будет начало нового учебного года? Брюно подлил себе вина; он уже проголодался и немного удивился, услышав утомленный голос брата:

— Родные Хаксли были известными английскими биологами. Его дед дружил с Дарвином и много писал в защиту эволюционной теории. Его отец и брат Джулиан тоже были знаменитыми биологами. Типичные английские интеллектуалы, прагматичные, либеральные скептики; эта традиция, основанная на наблюдении и экспериментальном методе, во многом отличается от французского Просвещения. Всю свою юность Хаксли имел возможность общаться с экономистами, юристами и прежде всего с учеными, бывавшими у них дома по приглашению отца. Среди писателей своего поколения он, безусловно, единственный, кто смог предвидеть грядущий прогресс биологии. Но все это произошло бы гораздо быстрее, если бы не нацизм. Нацистская идеология успешно дискредитировала идеи евгеники и улучшения расы; потребовалось несколько десятилетий, чтобы к ним вернуться. — Мишель встал и достал с полки книгу. — Это “Что я смею думать” Джулиана Хаксли, старшего

брата Олдоса, этот труд вышел в 1931 году, за год до “Дивного нового мира”. Его брат использует в романе все высказанные им идеи о генетическом контроле и улучшении видов, в том числе человеческого. Он откровенно преподносит их как желанную цель, к которой мы должны стремиться. — Мишель сел и утер лоб. — После войны, в 1946 году, Джулиана Хаксли назначают генеральным директором только что созданной ЮНЕСКО. В “Возвращении в дивный новый мир” его брат пытается представить свою первую книгу как обличение, как сатиру. Олдос Хаксли становится одним из вдохновителей движения хиппи. Он всегда выступал за полную сексуальную свободу и сыграл роль первопроходца в употреблении психоделических препаратов. Все основатели Эсалена знали его и находились под влиянием его идей. Позднее идеологи нью-эйдж переняли основополагающие темы Эсалена. Олдос Хаксли, по сути, один из самых влиятельных мыслителей века.

Они пошли поесть в ресторан на углу, где предлагалось китайское фондю на двоих за 270 франков. Мишель уже три дня не выходил из дому.

— Я сегодня ничего не ел, — с легким удивле-

нием заметил он, все еще держа в руках книгу. — Свой последний роман, “Остров”, Хаксли опубликовал в 1962-м, — продолжал он, помешивая клейкий рис. — Действие происходит на райском тропическом острове — растительность и ландшафты навеяны, вероятно, Шри-Ланкой. На этом острове, вдали от великих торговых путей двадцатого века, сформировалась самобытная цивилизация, высокоразвитая технологически и в то же время бережно относящаяся к природе: мирная, полностью освободившаяся от семейных неврозов и иудео-христианских запретов. Нагота там естественна, сладострастие и любовь в порядке вещей. Роман вполне себе заурядный, но читается легко. Он оказал огромное влияние на хиппи, а через них — на адептов нью-эйдж. Если присмотреться, то гармоничные сообщества, описанные в “Острове” и в “Дивном новом мире”, имеют много общего. Не исключено, что сам Хаксли, будучи уже, возможно, в маразме, не осознавал этого сходства, но общество, описанное в “Острове”, так же близко к “Дивному новому миру”, как либертарианское общество хиппи — к либеральному буржуазному обществу, точнее, к его шведской социал-демократической разновидности. — Он сделал паузу, обмакнул

тигровую креветку в острый соус и отложил палочки. — Олдос Хаксли, как и его брат, был оптимистом… — сказал он наконец с некоторым даже отвращением. — Самыми важными последствиями метафизической мутации, породившей материализм и современную науку, стали рационализм и индивидуализм. Ошибка Хаксли заключается в том, что он неверно проанализировал соотношение сил между ними. В частности, его ошибка в том, что он недооценил рост индивидуализма, вызванный обостренным осознанием смерти. Индивидуализм порождает свободу, чувство собственного “я”, потребность выделиться на общем фоне и ощутить превосходство над другими. В рациональном обществе, подобном тому, что описано в “Дивном новом мире”, эту борьбу удается ослабить. Экономическая конкуренция, метафора господства над пространством, теряет актуальность в обществе изобилия, где экономика строго регламентирована. Сексуальная конкуренция, метафора господства над временем посредством деторождения, теряет актуальность в обществе, где секс и деторождение окончательно разделены; но Хаксли забывает принять во внимание индивидуализм. Он не сумел понять, что секс, будучи отделен от дето-

рождения, существует не столько как принцип получения удовольствия, сколько как основа нарциссической дифференциации; то же самое можно сказать и о стремлении разбогатеть. Почему шведская социал-демократическая модель так и не смогла победить либеральную модель? Почему ее даже не опробовали в области сексуального удовлетворения? Потому что метафизическая мутация, произведенная современной наукой, влечет за собой индивидуацию, тщеславие, ненависть и желание. Желание — в отличие от удовольствия — уже само по себе источник страдания, ненависти и несчастья. Все философы — не только буддисты, не только христиане, но все уважающие себя философы — это знали и этому учили. Что касается утопистов от Платона до Хаксли и Фурье, то они предлагают свое решение — заглушить желание и связанные с ним муки, организовав немедленное его удовлетворение. Эротически-рекламное общество, в котором живем мы, стремится, напротив, организовать желание, раздуть желание до невиданных масштабов, удерживая при этом его удовлетворение в сфере частной жизни. Чтобы такое общество функционировало, чтобы конкуренция не ослабевала, желание должно расти, распространяться и

пожирать жизнь человека. — Он в изнеможении вытер лоб; к еде он так и не притронулся.

— Можно внести коррективы, небольшие коррективы гуманистического порядка… — тихо сказал Брюно. — Ну, нечто, что позволяет забыть о смерти. В “Дивном новом мире” речь идет о транквилизаторах и антидепрессантах; в “Острове” мы имеем дело скорее с медитацией, психоделиками и отдельными невнятными элементами индуистской религиозности. На практике люди сегодня пытаются сочетать одно с другим.

— Джулиан Хаксли тоже посвящает вторую часть “Что я смею думать?” обсуждению вопросов религии, — с растущим отвращением возразил Мишель. — Он явно понимает, что прогресс науки и материализма подорвал основы всех традиционных религий; он также понимает, что ни одно общество не выживет без религии. Он тратит сто с лишним страниц на попытку подвести фундамент под некую религию, сопрягаемую с современным состоянием науки. Результаты его не слишком убедительны, но, с другой стороны, и общество наше не совершило прорыва в этом направлении. На самом деле, когда все надежды на слияние того и другого разбиваются об очевидность физической смерти, тщеславие и

жестокость неизбежно возрастают. Ну, справедливости ради, — неожиданно заключил он, — то же самое можно сказать и о любви.

11

После встречи с Брюно Мишель провалялся в постели целых две недели. А ведь правда, спрашивал он себя, как обществу выжить без религии? Даже отдельному человеку это, похоже, непросто. В течение нескольких дней он созерцал батарею слева от кровати. В холодный сезон она заполняется горячей водой — это полезный и хитрый агрегат; но как долго западный мир сможет просуществовать вообще без религии? В детстве он любил поливать растения в огороде. У него сохранился маленький черно-белый снимок квадратной формы, на котором он запечатлен с лейкой в руках, под присмотром бабушки; ему тут, наверное, лет шесть. Позже он полюбил ходить за покупками; на сдачу с хлеба ему разрешалось купить карамельку. Потом он шел на ферму за молоком; возвращался уже в сумерках, размахивая алюминиевым бидоном с еще теплым молоком — ему страшновато было идти в низине по заросшей колючим кустарником тропинке. А сейчас каждый поход в супермаркет превращался в пытку. И это при том, что ассортимент продуктов постоянно меняется, то и

дело появляются новые линейки замороженных готовых блюд для холостяков. Совсем недавно в мясном отделе своего “Монопри” он впервые увидел стейк из страуса.

Чтобы обеспечить воспроизводство, двойная спираль молекулы ДНК расплетается на две нити, каждая из которых притягивает к себе комплементарные нуклеотиды. Момент разделения опасен тем, что в это время вполне могут произойти случайные, неконтролируемые и, как правило, вредные мутации. Голод и впрямь стимулирует работу мозга, и в конце первой недели Мишель интуитивно понял, что идеальное воспроизводство невозможно до тех пор, пока молекула ДНК сохраняет форму двойной спирали. Вероятно, для обеспечения бесперебойной репликации в течение множества поколений клеток необходимо, чтобы структура, несущая генетическую информацию, имела компактную топологию — например, наподобие ленты Мёбиуса или тора.

В детстве он не мог смириться с тем, что все вещи неизменно портятся, ломаются, изнашиваются. Поэтому в течение многих лет хранил сломанную пополам белую пластмассовую линейку, неутомимо склеивая ее и обматывая в

несколько слоев изолентой. В конце концов линейка утратила прямизну, по ней уже нельзя было даже линию провести, то есть она перестала выполнять свою функцию линейки; тем не менее он не выбрасывал ее. Линейка снова ломалась, он чинил ее, добавлял очередной слой скотча и убирал обратно в пенал.

Одним из признаков гениальности Джерзински, — писал много лет спустя Фредерик Хубчежак, — *был тот факт, что он не ограничился своей первоначальной интуитивной догадкой, что половое размножение само по себе является источником разрушительных мутаций. На протяжении тысячелетий,* — продолжал Хубчежак, — *во всех человеческих культурах присутствовало более или менее отчетливое инстинктивное понимание неразрывной связи между сексом и смертью; ученый, неопровержимо доказавший эту связь с помощью аргументов молекулярной биологии, по идее, должен был на этом остановиться и считать свою задачу выполненной. Однако Джерзински интуитивно понял, что ему следует выйти за рамки вопроса полового размножения и изучить общие топологические условия клеточного деления.*

Уже в первом классе начальной школы в Шарни Мишеля поразила жестокость мальчиков. Конечно, там учились крестьянские отпрыски, то есть звереныши, дети природы. Но приходилось только удивляться тому, с какой безудержной, неподдельной радостью они прокалывали жаб то кончиком циркуля, то пером; фиолетовые чернила растекались под кожей несчастного животного, и оно медленно погибало от удушья. Они становились в круг и с горящими глазами наблюдали за его агонией. У них была еще одна излюбленная забава — отрезать усики улиткам школьными ножницами. Рожки, увенчанные маленькими глазками, — главный орган чувств улитки. Лишившись рожек, улитка превращается в вялый, страдающий комок плоти, потерянный в пространстве. Мишель быстро сообразил, что в его интересах дистанцироваться от юных скотов; а вот девочек, куда более мягких созданий, можно не опасаться. Это первое интуитивное представление об окружающем мире подтверждалось каждую среду в вечерней программе “Жизнь животных”. Единственный проблеск преданности и альтруизма в беспросветной мерзости и постоянной бойне, к которым сводится их удел, это материнская любовь, вернее, материнский

инстинкт, короче нечто, незаметно и поэтапно перерастающее в материнскую любовь. Самка кальмара, жалкое создание длиной каких-нибудь двадцать сантиметров, не задумываясь нападает на ныряльщика, подплывшего слишком близко к ее икре.

И сейчас, спустя тридцать лет, он пришел к тому же выводу: женщины, безусловно, лучше мужчин. Они такие ласковые, любящие, жалостливые и мягкие; они в меньшей степени склонны к насилию, эгоизму, самоутверждению и жестокости. Они рассудительнее, умнее и трудолюбивее.

А для чего, собственно, думал Мишель, наблюдая за движением солнца по шторам, нужны мужчины? Возможно, в стародавние времена, когда водилось много медведей, мужественность играла какую-то особую, незаменимую роль; но в последние несколько столетий мужчины уже явно ни на что не годны. Изредка они от скуки играют в теннис, и это еще полбеды; но бывает, что им взбредет в голову *двигать историю вперед,* то есть, по сути, развязывать революции и войны. Помимо причиняемых ими бессмысленных страданий, революции и войны уничтожают все лучшее, что было в прошлом, неизменно

разрушают все до основания, чтобы затем построить заново. Не вписываясь в закономерный поступательный прогресс, эволюция человечества принимает, таким образом, хаотичный, бесформенный, беспорядочный и насильственный характер. И во всем этом виноваты (с их пристрастием к игре и риску, с их смехотворным тщеславием, безответственностью и врожденной жестокостью) непосредственно и исключительно мужчины. Мир, состоящий из женщин, был бы бесконечно лучше со всех точек зрения; он продвигался бы — пусть медленно, но неуклонно, без вредных переоценок и не сдавая назад — к состоянию всеобщего счастья.

Утром 15 августа он встал и вышел из дому, надеясь, что на улицах еще пусто; так оно, в общем, и оказалось. Он сделал тогда несколько записей, на которые наткнется лет десять спустя, сочиняя самую важную свою работу “Пролегомены к идеальной репликации”.

В это время Брюно вез сына к своей бывшей жене; он совсем измучился и приуныл. Анна вернулась из путешествия, организованного “Нувель фронтьер”, то ли на остров Пасхи, то ли в Бенин, всего не упомнишь; она, вероятно, завела там подружек, они обменялись адресами

— она увидится с ними пару раз, а потом ей это надоест; но мужика она точно не подцепила — у Брюно сложилось впечатление, что Анна вообще поставила на мужиках крест. Она отведет его на пару минут в сторонку и спросит: “Как все прошло?” Он ответит: “Хорошо”, — спокойным, самоуверенным тоном, который так нравится женщинам, и с легкой иронией добавит: “Виктор, правда, постоянно торчал перед телевизором”. Вскоре ему станет не по себе: Анна бросила курить и с тех пор не выносит, чтобы кто-то курил у нее дома; ее квартира обставлена со вкусом. Когда придет время прощаться, его охватит сожаление, и он опять задастся вопросом, как бы так все изменить; быстро поцелует Виктора и уйдет. Так закончатся его каникулы с сыном.

На самом деле эти две недели стали для него сущим адом. Лежа на матрасе с бутылкой бурбона под рукой, Брюно прислушивался к звукам, которые издавал его сын в соседней комнате: писал, спускал воду, щелкал пультом от телевизора. Он часами тупо разглядывал батарею, даже не подозревая, что и его брат занят тем же. Виктор спал на раскладном диване в гостиной и смотрел телевизор по пятнадцать часов в день. К тому времени, когда Брюно просыпался утром,

он уже успевал включить мультики на канале M6. Виктор надевал наушники. Он не хамил, не пытался ему досадить, но им было абсолютно нечего сказать друг другу. Дважды в день Брюно разогревал готовые блюда, и они ели, сидя лицом к лицу, но не произнося ни слова.

Как же они дошли до жизни такой? Виктору несколько месяцев назад исполнилось тринадцать. Еще недавно он любил рисовать и показывал свои картинки отцу. Он перерисовывал героев комиксов “Марвел” — доктора Дума, мистера Фантастика и Фараона из будущего, — придумывая им новые приключения. Иногда они играли в “Тысячу миль” и по утрам в воскресенье ходили в Лувр. Ко дню рождения Брюно десятилетний Виктор написал на листе бумаги *Canson* огромными разноцветными буквами: ПАПА Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ. Теперь все закончилось. Закончилось навсегда. И Брюно знал, дальше все только осложнится: от взаимного безразличия они постепенно перейдут к взаимной ненависти. Через пару лет самое большее его сын попытается встречаться со своими сверстницами — и Брюно тоже будет хотеть этих пятнадцатилетних девочек. Они станут соперниками, ведь для мужчин это естественное состояние. Они словно звери,

дерущиеся в одной клетке по имени время.

По дороге домой Брюно купил у арабского бакалейщика две бутылки анисового ликера, а затем, перед тем как нажраться вусмерть, позвонил брату и предложил завтра повидаться. У Мишеля внезапно проснулся аппетит после долгого недоедания, и когда приехал Брюно, он пожирал один за другим ломти итальянской колбасы, запивая их полными бокалами вина. “Угощайся, — невнятно произнес он, — угощайся…” У Брюно создалось впечатление, что он его почти не слышит. Это было похоже на разговор с психиатром или с непробиваемой стеной. Тем не менее он заговорил:

— Мой сын много лет тянулся ко мне, нуждался в моей любви; я же вечно хандрил, жаловался на жизнь и оттолкнул его, в надежде, что мне станет лучше. Тогда я не понимал, что годы пролетят так быстро. Ребенок в возрасте от семи до двенадцати — прекрасное доброе существо, рассудительное и открытое. Для него все в мире закономерно, и он живет в радости. Он полон любви, а сам довольствуется той любовью, которую мы готовы ему дать. Потом все идет наперекосяк. Все непоправимо портится.

Мишель съел последние два куска колбасы и

налил себе еще вина. Его руки ужасно дрожали. Брюно продолжал:

— Нет ничего глупее, агрессивнее, злее и несноснее подростка, особенно когда он в компании сверстников. Подросток — это монстр, помноженный на кретина, к тому же он отличается неслыханным конформизмом; внезапно кажется, что этот вредина (пока он был ребенком, такое и в голову не могло прийти) сосредоточил в себе все худшее, что есть в человеке. Как тут не поверить, что сексуальность — это, несомненно, абсолютное зло? Не понимаю, как люди выживают под одной крышей с подростком. Я лично считаю, что им это удается только потому, что их жизнь абсолютно пуста; впрочем, моя жизнь тоже пуста, но мне это не удалось. Все равно все врут, и врут по-глупому. Мы развелись, но остались хорошими друзьями. Сын приезжает ко мне на выходные раз в две недели; но это же херня. Вопиющая херня. На самом деле мужчины никогда не интересовались своими детьми, никогда не питали к ним любви, да и вообще мужчины не способны на любовь, это чувство им совершенно чуждо. А не чуждо им вожделение, животная похоть и соперничество между самцами; потом, гораздо позже, уже состоя в браке, они рано или поздно

— в прежние времена — начинали ощущать определенную благодарность к своей спутнице жизни за то, что она родила им детей, что умело вела хозяйство, вкусно готовила и старалась в постели; тогда они испытывали удовольствие оттого, что спят вместе. Возможно, это совсем не то, чего хотели женщины, возможно, тут имело место недопонимание, но это чувство бывало очень сильным — и пусть мужчин охватывало возбуждение, кстати неуклонно иссякающее, если им выпадал случай трахнуть кого-нибудь на стороне, они буквально жить не могли без жены, а когда, по несчастью, они ее лишались, то пили горькую и быстро умирали, обычно в течение нескольких месяцев. Дети же предназначались для того, чтобы унаследовать ремесло, правила жизни и состояние отцов. Это касалось, разумеется, знати, но также и купцов, ремесленников и крестьян, всех классов, по сути. Сегодня все это быльем поросло: я получаю зарплату, снимаю жилье, мне нечего передать сыну. Я не могу научить его никакому ремеслу, я не представляю, чем он займется, когда вырастет; к тому времени правила жизни, которым я следовал, утратят для него всякое значение — он будет жить в другой вселенной. Принимая идеологию постоянных

перемен, мы соглашаемся с тем, что жизнь человека сводится строго к его индивидуальному бытию, то есть прошлые и будущие поколения совершенно не важны в его глазах. Так мы и живем, и рождение ребенка сегодня лишено для мужчины всякого смысла. С женщинами дело обстоит иначе, потому что они по-прежнему испытывают потребность кого-нибудь любить, что несвойственно и никогда не было свойственно мужчинам. Глупо делать вид, что мужчинам тоже нужно возиться с детьми, играть с ними и гладить по головке. Мы хоть и твердим много лет, что нужно, но все равно это чушь. После развода, когда распадается семья, отношения с детьми сразу теряют всякий смысл. Ребенок — это капкан, и вот он захлопнулся, теперь он враг, которого тебе вменяется содержать, и он тебя переживет.

Мишель встал и вышел на кухню налить себе воды. Перед его глазами в воздухе закрутились цветные колесики, его затошнило. Сейчас главное унять дрожь в руках. Брюно прав: отцовская любовь — это фикция, ложь. Ложь полезна, когда она позволяет преобразовать реальность, подумал он; но если преобразование не удается, остается только ложь, горечь и ясное понимание, что это ложь.

Он вернулся в гостиную. Брюно сидел съежившись в кресле, неподвижно, словно мертвый. Между многоэтажками опускалась ночь; в конце очередного душного дня немного посвежело. Его взгляд упал вдруг на пустую клетку, в которой несколько лет прожил его кенарь. Надо будет ее выбросить, он не собирается искать ему замену. Он мимолетно подумал о соседке напротив, журналистке из “20 лет”; он не видел ее уже пару месяцев, может, она переехала. Он заставил себя сосредоточиться на руках и заметил, что дрожь утихла. Брюно так и не шелохнулся, и они помолчали еще несколько минут.

12

— Я познакомился с Анной в 1981 году, — вздохнул Брюно. — Особой красотой она не отличалась, но мне наскучило дрочить в одиночку. Все же у нее были большие сиськи, и на том спасибо. Мне всегда нравились большие сиськи… — Он снова издал протяжный вздох. — Протестанточка моя пышногрудая, такая правильная. — Мишель с изумлением увидел, что у него на глазах слезы. — Со временем грудь ее сдулась, и наш брак тоже накрылся. Я сломал ей жизнь. Этого я никогда не забуду: я сломал жизнь этой женщины. У тебя еще вино осталось?

Мишель пошел на кухню за бутылкой. Ну и дела. Он знал, что Брюно ходил к психиатру, но потом перестал. В принципе, мы всегда стараемся приуменьшить свои страдания. Пока мука исповеди кажется выносимой, можно выговориться; потом умолкаешь, сдаешься, остаешься один. Раз Брюно снова почувствовал потребность поделиться мыслями о своей пропащей жизни, он, вероятно, на что-то еще надеется, на какой-то новый виток; это, вероятно, хороший знак.

— И не то чтобы она прям уродина, — продолжал Брюно, — у нее просто заурядное, лишенное изящества лицо. В ней никогда не было ни изысканности, ни сияния, озаряющего порой лицо юной девушки. Ноги у нее довольно толстые, поэтому о мини-юбках пришлось забыть; правда, я научил ее носить совсем короткие топы без лифчика; вид на полную грудь снизу очень возбуждает. Она посмущалась для порядка, но в конце концов согласилась; она ничего не смыслила в эротике и нижнем белье, у нее не было никакого опыта. Да что это я, ведь ты ее знаешь?

— Я же пришел на твою свадьбу…

— Ну да, — кивнул Брюно, чуть ли не остолбенев от изумления. — Помню, я удивился, увидев тебя. Я думал, ты знать меня не хочешь.

— Я знать тебя не хотел.

Мишель вспомнил тот день, недоумевая, что же все-таки заставило его пойти на эту жуткую церемонию. Он вспомнил церковь в Нёйи, удручающе неприветливый зал с голыми стенами, более чем наполовину заполненный скромно одетой богатой публикой; отец новобрачной занимался финансами.

— Ну они леваки, понятное дело, — сказал Брюно, — *хотя в то время все были леваками.* Они

не видели ничего предосудительного в том, что я жил с их дочерью до свадьбы, а поженились мы только потому, что она залетела, короче, все как обычно.

Мишель вспомнил речь пастора, отчетливо звучавшую в гулком холодном пространстве, он что-то говорил о Христе как истинном человеке и истинном Боге, о новом завете, заключенном Господом с его народом; по правде говоря, он не очень понял, о чем речь.

По истечении сорока пяти минут в таком формате он впал в странную полудрему; но внезапно встрепенулся, услышав следующее изречение: “Да благословит вас Бог Израилев, что помиловал двух единородных”. Поначалу он никак не мог сообразить: это что, еврейская свадьба? Он целую минуту размышлял о таком неожиданном повороте, прежде чем понял, что это *тот же самый* Бог. А пастор плавно пошел дальше, и его голос звучал все убежденнее:

— Любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь, потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое

одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви[25].

Вот уж и правда в точку: *и будут двое одна плоть.* Мишель некоторое время поразмышлял над этой перспективой и взглянул на Анну: спокойная и сосредоточенная, она, казалось, затаила дыхание и выглядела сейчас почти красавицей. А пастор, вероятно вдохновленный словами апостола Павла, продолжил с нарастающей энергией:

— Господи, воззри благосклонно на рабу Твою: сочетаясь узами брака со своим супругом, она просит у Тебя защиты. Верная и чистая, пусть она выходит замуж во Христе и пребывает подражательницей святых жен. Пусть будет любезна мужу, как Рахиль, мудра, как Ревекка, долговечна и верна, как Сарра. Да пребудет она твердой в заповедях и вере; да оградит свою слабость силой церковной дисциплины; соединенная с одним ложем, пусть избегает незаконных сношений. Пусть будет она важна смирением, достопочтенна стыдом, научена в небесных науках. Да будет она обильна потомством, пусть они оба увидят детей детей своих до третьего и четвертого ко-

---

[25] Примечания: 25
Еф 5:31–32.

лена. Да достигнут они счастливой старости и покоя блаженных в Небесном Царствии. Во имя Господа нашего Иисуса Христа, аминь.

Мишель пробрался сквозь толпу к алтарю, ловя на себе раздраженные взгляды. Он остановился в третьем ряду и стал наблюдать за обменом кольцами. Пастор, склонив голову, в состоянии поразительной сосредоточенности, взял руки жениха и невесты в свои; в церкви воцарилась тишина. Затем он поднял голову и звонким голосом, одновременно энергичным и отчаянным, с впечатляющей экспрессией, яростно воскликнул: “Что Бог сочетал, того человек да не разлучает!”[26]

Позже Мишель подошел к пастору, который собирал свою утварь.

— Меня очень заинтересовало то, что вы сейчас сказали… — начал он. Божий человек любезно улыбнулся. И Мишель рассказал ему об экспериментах Аспе и парадоксе ЭПР: когда две частицы объединяются, они образуют неразрывное целое. — Мне кажется, это имеет прямое отношение к вашей истории с единой плотью. — Улыбка пастора слегка увяла. — То есть, — продолжал

---

[26] Примечания: 26
Мф 19: 6; Мк 10:9.

Мишель, оживляясь, — на онтологическом уровне им можно приписать единственный вектор состояния в гильбертовом пространстве. Вы понимаете, о чем я?

— Конечно, конечно. — пробормотал слуга Христов, озираясь по сторонам. — Извините, — резко сказал он и повернулся к отцу невесты. Они долго жали друг другу руки, потом обнялись.

— Прекрасная церемония, великолепная… — с чувством произнес финансист.

— На праздничный обед ты не остался, — вспомнил Брюно. — Мне с ними было не по себе, я никого там не знал, и это на собственной-то свадьбе. Мой отец приехал с большим опозданием, но приехал: небритый, галстук набок, типичный потасканный плейбой. Я уверен, что родители Анны предпочли бы для нее более подходящую партию, но буржуазные леваки-протестанты все же с некоторым уважением относятся к профессии преподавателя. Кроме того, у меня была ученая степень агреже, а у нее всего-то диплом преподавателя средней школы. Самое ужасное, что ее младшая сестра оказалась потрясающей красоткой, с такой же полной грудью. Я бы сказал, что они довольно похожи, только у одной обыкновенное лицо, а у другой — глаз не оторвать. Тут

многого не надо, что-то неуловимо меняется в чертах, какая-то деталь. Хоть плачь. — Он снова вздохнул и подлил себе вина.

— Свою первую должность я получил в восемьдесят четвертом году, в лицее Карно в Дижоне. Анна была на седьмом месяце. Вот мы и стали учителями, супружеской парой преподавателей; живи не хочу.

Мы сняли квартиру на улице Ванри, в двух шагах от лицея. “Цены тут, понятное дело, не парижские, — сказала девушка из агентства. — Но и жизнь не парижская, хотя сами увидите, летом у нас так здорово, много туристов и молодежи на фестивале барочной музыки”.

Барочной музыки?..

Я сразу понял, что попал. Дело не в “парижской жизни”, на это мне насрать, в Париже мне всегда было плохо. Просто я хотел всех женщин, кроме собственной жены. В Дижоне, как и во всех провинциальных городах, полно красоток, Парижу такое не снилось. В те годы мода становилась все более секси. Глаза б мои не глядели на всех этих девиц с милыми личиками, юбочками, смешочками. Я наблюдал их днем в баре “Пенальти”, рядом с лицеем; они болтали с мальчиками, а я отправлялся обедать домой к жене. В субботу они

попадались мне на торговых улицах города, они покупали шмотки и пластинки. Я шел с Анной, она разглядывала детскую одежду; ее беременность протекала хорошо, она чувствовала себя невероятно счастливой. Она много спала и ела, что хотела. Мы перестали заниматься сексом, но, по-моему, она этого даже не заметила. На курсах подготовки к родам она подружилась с другими женщинами; она была общительной — общительной, и дружелюбной, и уживчивой. Я в себя прийти не мог, узнав, что она ждет мальчика. Это самое страшное, мне предстояло пережить самое страшное. Нет, чтобы обрадоваться; мне было всего двадцать восемь, а я уже чувствовал себя покойником.

Виктор родился в декабре; помню, как его крестили в церкви Сен-Мишель, я растрогался. “Крещеные становятся живыми камнями для возведения дома духовного, для священства святого”, — сказал священник. Виктор был весь красный, сморщенный, в белом кружевном платьице. Это оказалось коллективным крещением, как у ранних христиан, — семей десять разом. “Крещение включает нас в Церковь, — сказал священник, — оно делает нас членами тела Христова”. Анна держала младенца на руках, он

весил четыре килограмма. Он очень хорошо себя вел, даже не заплакал ни разу. “И не все ли мы отныне, — сказал священник, — один для другого члены?” Родители переглянулись с некоторым сомнением. Затем священник трижды пролил святую воду на голову моего сына и помазал его миром. “Это благовонное масло, освященное епископом, символизирует дар Святого Духа новокрещенному”, — сказал священник. Затем он обратился непосредственно к ребенку.

— Виктор, — сказал священник, — теперь ты христианин. Помазанный Святым Духом, ты стал членом тела Христова. Теперь ты участвуешь в Его пророческой, священнической и царской миссии.

Это произвело на меня такое впечатление, что я записался в группу “Вера и жизнь”, которая собиралась по средам. Туда ходила молодая кореянка, очень хорошенькая, и мне сразу захотелось ее трахнуть. Тут были свои сложности, она знала, что я женат. Как-то в субботу Анна пригласила всю группу к нам домой, кореянка в короткой юбке села на диван, и я всю дорогу пялился на ее ноги, но никто ни о чем не догадался.

На февральские каникулы Анна уехала с Виктором к родителям, а я остался один в Дижоне. Я

предпринял еще одну попытку стать католиком; лежа на матрасе “Эпеда” со стаканом ликера, я читал “Мистерию о святых праведниках”. Пеги прекрасен, просто великолепен; разве что в итоге он совсем вогнал меня в тоску. Все эти разговоры о грехе и прощении грехов, о том, что Бог больше радуется покаянию одного грешника, чем спасению тысячи праведников… Я бы и рад был согрешить, да вот не получалось.

Мне казалось, что у меня украли молодость. Я хотел только одного — чтобы юные сучки с пухлыми губами сосали мой член. Дискотеки буквально кишели юными сучками с пухлыми губами, и в отсутствие Анны я несколько раз побывал в *Slow Rock* и в “Аде”; но они встречались с другими, а не со мной, сосали их члены, а не мой, и мне стало совсем погано. В то время розовый Минитель переживал пик популярности, вокруг него царил страшный ажиотаж, и я целыми ночами от него не отлипал. Виктор спал в нашей спальне, но по ночам не просыпался, так что проблем не возникло. Я перепугался, когда пришел первый счет за телефон, — я достал его из ящика и вскрыл конверт по дороге в лицей: четырнадцать тысяч франков. К счастью, у меня со студенческих лет сохранился счет в “Сбере-

гательной кассе", я перевел всю сумму на наш общий счет, и Анна ничего не заметила.

Возможность жить возникает во взгляде другого. Постепенно я понял, что мои коллеги, преподаватели лицея Карно, смотрят на меня без ненависти и злобы. Они не видели во мне конкурента, мы занимались одним делом, я был *своим.* Они научили меня понимать обыденный смысл вещей. Я сдал на права и заинтересовался каталогами CAMIF[27]. Весной мы часто собирались после обеда на лужайке у Гильмаров. Они жили в Фонтен-ле-Дижон в довольно уродливом доме, но зато там была чудесная просторная лужайка с деревьями. Гильмар преподавал математику, нам с ним достались практически одни и те же классы. Он был длинный, худой и сутулый, с рыжевато-русыми волосами и обвисшими усами; чем-то он напоминал немецкого бухгалтера. Они с женой приглашали на барбекю. Время шло, мы обсуждали отпуск и постепенно напивались; обычно приходили четыре или пять супружеских пар, все учителя. Жена Гильмара, медсестра по профессии, имела репутацию супербляди: и правда, когда она сидела на траве, я видел, что под

[27] Примечания: 27
Каталог товаров для благоустройства дома *(франц.).*

юбкой у нее ничего нет. Они проводили отпуск в натуристской части Кап-д'Агда. По-моему, они еще посещали сауну для свингеров на площади Боссюэ — ходили такие слухи, во всяком случае. Я так и не решился заговорить об этом с Анной, но мне они нравились, что-то в них сквозило социал-демократическое — ничего общего с хиппи, которые ошивались вокруг нашей матери в 70-е годы. Гильмар был хорошим учителем, всегда с готовностью оставался после уроков помогать отстающим. Мне кажется, он еще посылал деньги в благотворительный фонд для инвалидов.

Брюно внезапно умолк. Через несколько минут Мишель встал, открыл балконную дверь и вышел подышать ночным воздухом. Большинство его знакомых вели жизнь, похожую на жизнь Брюно. Если не считать таких привилегированных отраслей, как реклама и мода, в профессиональных кругах внешность не имеет особого значения, *дресс-код* там весьма прост и ясен. Когда, по прошествии нескольких лет работы, сексуальное желание исчезает, все переключаются на гастрономические радости и вино; некоторые его коллеги, помоложе, чем он, уже обзавелись винным погребом. Но это явно не случай Брюно, он и словом не обмолвился о вине, а это на минуточку

“Вьё пап” по 11,95 франка бутылка. Словно забыв о присутствии брата, Мишель облокотился на перила и принялся разглядывать соседние дома. Уже наступила ночь; свет практически нигде не горел. Сегодня же конец праздничного уикенда 15 августа. Он вернулся к Брюно и сел рядом с ним; их колени почти соприкасались. Можно ли считать Брюно индивидом? Разложение его органов никого кроме него не касается, он в индивидуальном порядке переживет физический упадок и смерть. С другой стороны, его гедонистическое отношение к жизни, силовые поля, сформировавшие его сознание и желания, являются общими для целого поколения. Подобно тому как подготовка эксперимента и выбор одной или нескольких наблюдаемых позволяют приписать атомной системе то или иное поведение — то корпускулярное, то волновое, — так и Брюно мог проявляться как индивидуум, но, с другой точки зрения, он лишь пассивный элемент в некоем разворачивающемся историческом процессе. Его мотивы, его ценности, его желания никоим образом не выделяют его на фоне современников. Как правило, первая реакция неудовлетворенного животного — приложить еще больше усилий для достижения цели. Например, голодная курица

(Gallus domesticus), которой мешает добраться до пищи проволочная изгородь, будет с возрастающим лихорадочным упорством прорываться сквозь нее. Однако со временем это поведение постепенно сменяется другим, на первый взгляд не имеющим очевидной цели. Так голуби *(Columba livia),* лишенные возможности добыть желаемый корм, клюют землю, даже если на земле нет ничего съедобного. При этом они не просто беспорядочно клюют все подряд, но и периодически чистят перышки; такое несуразное поведение, характерное для ситуаций, связанных с фрустрацией или конфликтом, известно как “смещенная активность”. В начале 1986 года, вскоре после своего тридцатилетия, Брюно сел писать.

13

Любая метафизическая мутация, — отмечал Джерзински много лет спустя, — *совершается только, когда ее объявит, подготовит и облегчит множество мелких мутаций, часто не замеченных в момент их возникновения в определенной точке истории. Лично я рассматриваю себя как одну из таких мелких мутаций.*

Джерзински, окруженный человеческими особями Европы, не был понят при жизни. В предисловии к “Клифденским заметкам” Хубчежак отмечает:

Мысль, развивающаяся в отсутствие достойного собеседника, может иногда избежать ловушек идиосинкразии или бреда; но не было случая, чтобы она решила выразить себя в форме опровержимого дискурса. Добавим, что Джерзински до самого конца считал себя прежде всего ученым; основной его вклад в эволюцию человека, полагал он, это его работы в области биофизики — вполне традиционно подчиненные классическим критериям внутренней непротиворечивости и опровержимости. Более философские

элементы, содержащиеся в его последних трудах, казались ему самому скорее спонтанными, даже несколько безумными предположениями, обоснованными не столько логическими выкладками, сколько сугубо личными мотивами.

Его клонило в сон; над спящим городом скользила луна. Он знал: стоит ему сказать хоть слово, и Брюно встанет, наденет куртку и исчезнет в лифте; такси у метро Ла-Мотт-Пике всегда найдутся. Рассматривая текущие события нашей жизни, мы постоянно разрываемся между верой в случайность и очевидностью детерминизма. А вот в отношении прошлого у нас не остается никаких сомнений: нам представляется очевидным, что все произошло именно так, как и должно было произойти. Эту иллюзию восприятия, связанную с онтологией объектов и свойств, как и с постулатом сильной объективности, Джерзински в значительной степени уже преодолел; несомненно, именно по этой причине он и не произнес простых и привычных слов, которые прервали бы исповедь этого слезливого истерзанного существа, объединенного с ним полуобщим генетическим происхождением, существа, которое сегодня вечером, развалившись на диване, уже давно перешло все границы приличия, негласно

принятые в рамках человеческого общения. Он не испытывал ни сострадания, ни уважения, но при этом не мог отделаться от слабого, но бесспорного интуитивного ощущения, что на этот раз в пафосном, исковерканном повествовании Брюно прозвучит некое послание; будут произнесены некие слова, и эти слова — впервые — обретут окончательный смысл. Он встал и закрылся в туалете. Его вырвало, но очень тихо, он не издал ни малейшего звука. Затем он наспех умылся и вернулся в гостиную.

— Ты не человек, — мягко сказал Брюно, подняв на него глаза. — Я почувствовал это сразу, увидев, как ты ведешь себя с Аннабель. Но ты — собеседник, которого мне даровала жизнь. Думаю, ты не удивился тогда, получив мои тексты об Иоанне Павле Втором.

— Все цивилизации… — грустно ответил Мишель, — все цивилизации сталкивались с необходимостью оправдать самопожертвование родителей. Учитывая исторические обстоятельства, у тебя не было выбора.

— Я действительно восхищался Иоанном Павлом Вторым! — запротестовал Брюно. — Я помню, это было в 1986-м. В те же годы были созданы “Канал плюс” и *M6,* начал выходить журнал *Globe,*

открылись “Рестораны сердца”[28]. Только Иоанн Павел Второй, он один, понимал, что происходит на Западе. Я с изумлением узнал, что дижонскую группу “Вера и жизнь” возмутил мой текст, они критиковали позицию Папы по поводу абортов, презервативов и прочей чепухи. Надо признать, я и сам не очень-то старался понять их точку зрения. Помню, что мы собирались дома у разных семейных пар, по очереди приносили всякие салаты, табуле и пироги. Я проводил с ними время, глупо улыбаясь и кивая, допивал остатки вина; их я вообще не слушал. Анна, напротив, страшно воодушевилась и даже записалась в группу борьбы с безграмотностью. В такие вечера я подмешивал вечером снотворное в соску Виктора и дрочил, зависая в розовом Минителе, но так и не смог ни с кем познакомиться.

В апреле, в подарок на день рождения, я купил Анне гепьер, шитый серебром. Она поупрямилась немного, но потом все же согласилась надеть его. Пока она пыталась застегнуть это сооружение, я допил шампанское. Потом услышал ее слабый, немного дрожащий голос: “Я готова…” Войдя в

[28] Примечания: 28

“Рестораны сердца” (Les Restos du coeur) — французская благотворительная организация, занимающаяся раздачей продуктов и горячих блюд нуждающимся.

спальню, я сразу понял — пиздец. Ее отвисший зад был зажат подвязками, грудь так и не восстановилась после грудного вскармливания. Ей бы не повредила липосакция, инъекции силикона, далее по списку. но она ни за что не согласилась бы. Я зажмурился и сунул палец ей в стринги, но возбудиться не смог. В это время в соседней комнате исступленно заорал Виктор, испуская длинные, пронзительные, невыносимые крики. Она закуталась в халат и побежала к нему. Когда она вернулась, я просто попросил ее сделать мне минет. Сосала она плохо, задевая меня зубами; но я закрыл глаза и представил себе рот одной своей ученицы из десятого класса, родом из Ганы. Вообразив ее розовый, чуть шершавый язык, я смог кончить жене в рот. Я не собирался больше иметь детей. Прямо на следующий день я написал текст о семье, тот самый, который потом опубликовали.

— Он у меня есть. — перебил его Мишель. Он встал и взял журнал с книжной полки. Брюно с некоторым удивлением пролистал его и нашел нужную страницу.

Еще существуют в какой-то мере на свете семьи

(Искры веры среди неверья,

Искры любви среди отвращенья),

Непонятно,

Откуда идет их свеченье.

Мы живем под ярмом ежедневной работы в каких-то неведомых учрежденьях,

И один только путь остается у нас, чтобы все-таки жизнь состоялась, – это секс.

(Да и то лишь для тех, для кого секс доступен,

Для кого он возможен.)

Брак и верность блокируют нам единственный доступ к существованию,

Ведь не в офисе и не в классе обретаем мы силу, которая требует музыки, игр, ликования,

И мы ищем свое назначенье, судьбу на дорогах любви, с каждым годом все более трудных,

Тщетно ищем, кому предложить свое тело, все менее свежее, менее крепкое и уже не такое послушное,

И исчезаем

В пучине печали,

Дойдя до предела отчаянья.

Мы бредем одиноким путем туда, где сгущается мрак,

Без детей и без женщин,

Входим в озеро

В сердце ночи

(И вода на телах наших старых так холодна!).

Написав этот текст, Брюно мгновенно впал в нечто вроде этилической комы. Через два часа его разбудили вопли сына. В возрасте от двух до четырех лет у человеческих детенышей развивается повышенное осознание собственного “я”, что приводит к приступам эгоцентрической мании величия. Их цель — превратить свое социальное окружение (обычно состоящее из родителей) в рабов, потакающих их малейшим прихотям; эгоизм их не знает границ; таково следствие индивидуального существования. Брюно поднялся с ковра; вопли становились все громче, в них плескалась безумная ярость. Он раздавил две таблетки лексомила в капельке

варенья и пошел в детскую. Виктор обкакался. Куда, черт возьми, подевалась Анна? Ее ликбез для черномазых заканчивался с каждым разом все позже. Он схватил засранный подгузник и бросил его на пол; вонь стояла ужасная. Ребенок запросто проглотил его смесь и застыл, словно его вырубили. Брюно надел куртку и отправился в ночной бар “Мэдисон” на улице Шодроннери. Он заплатил кредиткой три тысячи франков за бутылку “Дом Периньон”, которую успешно распил с какой-то прехорошенькой блондинкой; в одной из верхних комнат она долго дрочила ему, то и дело останавливаясь и сдерживая его. Ее звали Элен, родилась она недалеко от Дижона и изучала туризм; ей было девятнадцать лет. Когда он вошел в нее, она сжала влагалище, и ему досталось по меньшей мере три минуты полнейшего блаженства. Уходя, Брюно поцеловал ее в губы и настоял на чаевых — у него оставалось триста франков наличными.

На следующей неделе он решился показать свои опусы коллеге, преподавателю литературы лет пятидесяти, очень умному марксисту, поговаривали, что он гомосексуал. Фажарди был приятно удивлен. “Чувствуется влияние Клоделя… или, скорее, Пеги, его верлибра… Но вы очень

оригинальны, в том-то и дело, в наши дни это большая редкость”. Относительно дальнейших шагов у него не было сомнений: “«Инфини»[29]. Это сейчас единственный серьезный литературный журнал. Вы должны послать свои тексты Соллерсу”. Брюно удивился, попросил повторить название, понял, что перепутал его с маркой матрасов “Инфинити”, и отправил тексты. Через три недели он позвонил в издательство “Деноэль”; к его изумлению, Соллерс подошел к телефону и предложил увидеться. По средам у него не было занятий, и он запросто мог смотаться туда-сюда в течение дня. В поезде он попытался вникнуть в “Странное одиночество”, довольно быстро сдался, хотя все же успел прочитать несколько страниц “Женщин”[30], особенно скабрезные пассажи. Они договорились встретиться в кафе на улице Университета. Издатель пришел с десятиминутным опозданием, размахивая мундштуком, который станет впоследствии его визитной карточкой.

— Вы живете в провинции? Досадно. Вам надо немедленно переехать в Париж. У вас талант.

---

[29] Примечания: 29

“Инфини” (l’Infini) — литературный журнал, созданный в 1983 г. Филиппом Соллерсом.

[30] Примечания: 30

“Странное одиночество”, “Женщины” — романы Ф. Соллерса.

Он сказал Брюно, что собирается опубликовать его текст об Иоанне Павле II в следующем номере журнала. Брюно был ошеломлен: он и не подозревал, что Соллерс в данный момент помешан на “католической контрреформации” и постоянно выступает со славословиями в адрес Папы.

— От Пеги я вообще тащусь! — восторженно воскликнул издатель. — А уж де Сад! де Сад! Почитайте для начала маркиза де Сада!

— А мой текст о семье…

— Да, тоже отличный. Вы, конечно, реакционер, поздравляю. Все великие писатели — реакционеры. Бальзак, Флобер, Бодлер, Достоевский — сплошь одни реакционеры. Но ведь ебаться тоже надо, а? Групповуха, то-сё. Это важно.

Через пять минут Соллерс распрощался с Брюно, оставив его в состоянии легкого нарциссического опьянения. На обратном пути он постепенно успокоился. Филипп Соллерс, похоже, известный писатель, но, как показало чтение “Женщин”, ему удавалось затащить в койку одних только старых блядей из культурных кругов; зайки, очевидно, предпочитали певцов? Учитывая вышесказанное, какого хрена печатать мудацкие стишки в дерьмовом журнале?

— Что не помешало мне купить пять экзем-

пляров, когда вышел тот номер. К счастью, они решили обойтись без моего сочинения о Папе. — Он вздохнул. — Оно никуда не годилось… У тебя еще есть вино?

— Одна бутылка. — Мишель принес из кухни шестую и последнюю бутылку из ящика “Вьё пап”; он и правда уже подустал. — Ты ведь завтра работаешь, да? — спросил он.

Брюно не ответил. Он уставился на какую-то вполне определенную точку на паркете; но в этом месте паркета ничего не было, ничего определенного, кроме нескольких комочков грязи. Однако он оживился, услышав звук выдернутой пробки, и протянул Мишелю свой бокал. Он пил медленно, маленькими глоточками; теперь его взгляд блуждал где-то на уровне батареи; похоже, он не собирался продолжать разговор. Мишель подумал и включил телевизор: там шел документальный фильм о кроликах. Он убрал звук. Не исключено, что речь шла все же о зайцах — вечно он их путает. Он удивился, вновь услышав голос Брюно:

— Я пытался вспомнить, сколько времени я провел в Дижоне. Четыре года? Пять лет? Стоит только вступить в мир труда, как все годы становятся на одно лицо. Единственные события,

которые еще остается пережить, связаны с медициной — ну и еще с растущими детьми. Виктор рос; он называл меня папой.

Внезапно он заплакал. Скорчившись на диване, он громко всхлипывал и сопел. Мишель взглянул на часы: было уже начало пятого. На экране дикая кошка держала в зубах труп кролика.

Брюно достал бумажный носовой платок и промокнул уголки глаз. Слезы продолжали течь. Он думал о своем сыне. Бедный маленький Виктор перерисовывал персонажей “Стрэнджа” и любил папу. А он доставил ему так мало радости, так мало дал любви — а теперь ему исполнится пятнадцать, и время счастья для него закончится.

— Анне хотелось еще детей, в сущности, жизнь домохозяйки ее вполне устраивала. Да ведь я сам подбил ее переехать поближе к Парижу, поискать там работу. Конечно, она не посмела отказаться — самореализация женщины напрямую зависит от профессиональной деятельности, так все тогда думали или делали вид, что думают, а ей прежде всего хотелось думать так же, как все остальные. Я прекрасно понимал, что на самом деле мы возвращаемся в Париж, чтобы спокойно развестись. В провинции люди все-таки часто видятся, общаются, и мне совсем не улыбалось,

чтобы все судачили о нашем разводе, пусть даже в одобрительном и мирном тоне. Летом восемьдесят девятого года мы поехали в *Club Med*, это был наш последний совместный отдых. Я помню их дурацкие развлекательные мероприятия перед ужином и как я часами торчал на пляже, глазея на девиц; Анна беседовала с другими мамашами. Когда она переворачивалась на живот, я замечал ее целлюлит; когда переворачивалась на спину — растяжки. Дело было в Марокко, арабы держались неприветливо и агрессивно, нещадно палило солнце. Какой смысл зарабатывать себе рак кожи ради того, чтобы вечерами дрочить в своем бунгало. Виктор не вылезал из мини-клуба, вот он-то оттянулся там по полной… — Его голос снова дрогнул. — Я вел себя как скотина и знал, что веду себя как скотина. Обычно родители идут на жертвы ради ребенка, это нормальный путь. Я не мог смириться с тем, что моя молодость закончилась; не мог смириться с мыслью, что мой сын вырастет, станет молодым вместо меня и, возможно, добьется успеха в жизни, в то время как я свою просрал. Я хотел снова стать личностью.

— Монадой. — тихо сказал Мишель.

Брюно не отозвался, допил вино.

— Бутылка пуста… — заметил он с легким недо-

умением. Потом встал и надел куртку. Мишель проводил его до порога. — Я люблю своего сына, — сказал Брюно. — Если он попадет в аварию, если с ним произойдет несчастье, я этого не вынесу. Я люблю этого мальчика больше всего на свете. И однако я никогда не мог смириться с его существованием.

Мишель кивнул. Брюно пошел к лифту.

Мишель вернулся к рабочему столу, написал на листе бумаги: “Пометить кое-что о крови”; затем лег, чувствуя, что надо поразмыслить, но почти сразу заснул. Через несколько дней ему попался на глаза этот листок, он добавил к той первой фразе слова “Закон крови” и минут десять просидел в задумчивости.

14

Утром 1 сентября Брюно встречал Кристиану на Северном вокзале. Она доехала на автобусе из Нуайона в Амьен и пересела на прямой поезд до Парижа. Погода стояла прекрасная; ее поезд прибыл в 11.37. Она надела длинное платье в цветочек с кружевными манжетами. Он обнял ее. У обоих бешено колотилось сердце.

Они пообедали в индийском ресторане, пошли к нему и занялись любовью. К ее приезду он натер паркет, поставил цветы в вазы, постелил чистые благоуханные простыни. Ему удалось долго сдерживаться, дожидаясь, пока она кончит; сквозь щелку между шторами пробивались солнечные лучи, вспыхивая в ее черных волосах с едва заметными седыми бликами. Она кончила один раз, потом тут же второй, внутри у нее все сжималось, словно в судорогах, и в этот момент он сам кончил в нее. Он прижался к ней, и они уснули.

Проснулись они около семи, солнце уже заходило между многоэтажками. Брюно открыл бутылку белого. Он никогда никому не рассказывал, как жил после того, как уехал из Дижона, и

вот теперь собрался это сделать.

— В начале 1989 учебного года Анна получила должность в лицее Кондорсе. Мы сняли трехкомнатную квартиру на улице Родье, тесную и довольно темную. Виктор пошел в детский сад, так что днем я был свободен. Вот тогда-то я и зачастил к проституткам. В нашем квартале обнаружилось несколько салонов тайского массажа — “Новый Бангкок”, “Золотой лотос”, “Май Лин”; девушки там работали вежливые и улыбчивые, все шло хорошо. Примерно в то же время я начал ходить к психиатру, точно не помню, кажется, у него была борода, но не исключено, что я путаю его с персонажем какого-то фильма. Я пустился в рассказы о своей юности, долго говорил о массажных салонах и чувствовал, что он меня презирает, но от этого мне становилось даже легче. В общем, в январе я с ним расстался. Новый врач мне понравился, он принимал недалеко от станции метро Страсбур — Сен-Дени, так что на обратном пути я мог пошляться по пип-шоу. В приемной у доктора Азуле, так его звали, всегда лежали стопки “Пари-Матч” — словом, он произвел на меня впечатление хорошего специалиста. Мои проблемы его не особенно заинтересовали, но я не в претензии — ведь все и правда было до

ужаса банально, я проявил себя фрустрированным, стареющим мудилой, который перестал хотеть свою жену. Его тогда как раз вызвали в качестве эксперта на суд над группой подростков-сатанистов, которые разрубили на куски и съели умственно отсталую девочку, — это, конечно, покруче будет. В конце каждого сеанса он советовал мне заняться спортом, он прямо зациклился на спорте — надо сказать, у него у самого появился животик. Короче, сеансы оказались вполне приятными, но немного занудными; он слегка оживлялся, только когда я затрагивал тему своих отношений с родителями. В начале февраля я приготовил для него занимательный случай из жизни. Это произошло в предбаннике “Май Лин”; войдя, я сел рядом с мужиком, лицо которого показалось мне смутно знакомым — но очень смутно, просто мелькнуло какое-то туманное ощущение. Потом его пригласили наверх и почти следом — меня. Массажные кабинки, их там было всего две, разделялись пластиковой шторкой, так что волей-неволей я оказался рядом с ним. В тот момент, когда девушка начала гладить мне низ живота намыленными грудями, меня вдруг осенило: мужик в соседней кабинке, которому тоже делают боди-массаж, — мой отец. Он поста-

рел и впрямь стал похож теперь на пенсионера, это точно он, сомнений быть не может. Тут я услышал, как он кончил, словно пукнул. Я тоже кончил и подождал несколько минут, прежде чем одеться, — мне не хотелось сталкиваться с ним у выхода. Но в тот день, вернувшись домой после того, как я рассказал эту историю психиатру, я ему позвонил. Он удивился и, кажется, обрадовался моему звонку. Да, он вышел на пенсию и продал свою долю в каннской клинике; за последние годы потерял немало денег, но пока все в порядке, грех жаловаться. Мы договорились, что на днях повидаемся; но встреча наша произошла далеко не сразу.

В начале марта мне позвонили из академической инспекции. Одна учительница досрочно ушла в декретный отпуск, и в лицее города Мо открылась вакансия до конца учебного года. Я колебался, все же у меня остались ужасные воспоминания о Мо; ну, колебался я часа три, а потом понял, что мне плевать. Наверное, это и есть старость: эмоциональные реакции притупляются, зла не таишь, радостей не помнишь. Интересуешься в основном работой внутренних органов, их неустойчивым равновесием. Сойдя с поезда, я прошелся по городу и поразился, какой

он маленький и уродливый — то есть вообще ничем не примечательный. Когда в детстве я приезжал в Мо воскресным вечером, мне казалось, что я попадаю в какой-то гигантский ад. Отнюдь, это оказался совсем крохотный адок, на удивление безликий. Дома, улицы… я ничего не узнавал; лицей тоже преобразился. Я зашел в бывший интернат, его давно закрыли, и в этом здании располагался теперь краеведческий музей. В этих залах мальчики били меня, унижали, им доставляло удовольствие плевать и писать на меня, макать меня головой в унитаз, но я не испытывал по этому поводу вообще никаких эмоций, разве что легкую грусть — самого общего характера. “Одно не дано Богу — бывшее сделать небывшим”, — утверждает где-то какой-то католический автор; а по мне, — судя по тому, что осталось от моего детства в Мо, — не велика хитрость.

Я несколько часов слонялся по городу, заглянул даже в “Пляжный бар”. Вспомнил Каролину Есаян и Патрисию Ховилер; впрочем, честно говоря, я их никогда и не забывал; на улицах мне ровным счетом ничего о них не напомнило. Мне попадалось по пути много молодежи, иммигрантов, особенно чернокожих, гораздо больше, чем в

годы моей юности, эти перемены бросались в глаза. Потом я пошел в лицей. Директор был приятно удивлен, что я тут учился, и вознамерился найти мое личное дело, но я перевел разговор на другую тему, короче, пронесло. Мне досталось три класса: один десятый и два одиннадцатых — первый с художественным, второй с научным уклоном. Труднее всего, как я сразу понял, придется с первым, — в нем было всего три парня и около тридцати девочек. Около тридцати шестнадцатилетних девочек. Блондинки, брюнетки, рыжие. Француженки, арабочки, азиатки… Все восхитительные, все желанные. И они уже занимались сексом, по ним это было видно, они занимались сексом и меняли мальчиков, дело молодое; каждый день я проходил мимо автомата с презервативами и смотрел, как они, ничуть не стесняясь, вытаскивали их у меня на глазах.

Проблемы начались, когда я решил, что еще не все потеряно. Среди них наверняка полно дочек разведенных родителей, и уж как-нибудь я найду ту, что ищет в мужчине образ отца. Я чувствовал, что это может сработать. Но им ведь подавай отца мужественного, надежного, широкоплечего. Поэтому я отпустил бороду и записался в спортивный клуб. Борода удалась лишь отчасти:

росла она реденько, и выглядел я довольно подозрительно, словно косил под Салмана Рушди; а вот мускулы не подвели, и за несколько недель я вполне прилично накачал дельтовидные и грудные мышцы. Проблемой, неожиданной проблемой, стал мой член. Сейчас это звучит дико, но в семидесятые годы нам было совершенно наплевать на размеры пениса; в подростковом возрасте я страдал от каких угодно физических комплексов, кроме этого. Не знаю, кто первым начал, наверное, педики; впрочем, эта тема затрагивается и в американских криминальных романах; зато она полностью отсутствует в творчестве Сартра. Короче, в душевой спортклуба я понял, что у меня очень маленький член. Дома я его измерил: 12 сантиметров, ну от силы 13 или 14, и то если оттянуть гибкий сантиметр до упора к корню члена. Так у меня появился новый источник переживаний, и тут уж ничего не попишешь, это фатальный, непоправимый изъян. С этого момента я возненавидел негров. В моем лицее их было не так много, в большинстве своем они учились в техническом лицее имени Пьера де Кубертена, в том самом, где блистательный Дефранс предавался философскому стриптизу и подлизывался к молодежи. В моем одиннадцатом

классе был только один негр — здоровенный амбал по имени Бен. Он всегда носил бейсболку и кроссовки *Nike*, и я не сомневался, что у него огромный член. Конечно, все девочки пресмыкались перед этим павианом, и мои жалкие попытки заставить их изучать Малларме не имели никакого смысла. Вот так и закончится западная цивилизация, с горечью говорил я себе, все снова станут поклоняться большому павианьему члену. Я взял в привычку приходить на уроки без трусов. Негр встречался именно с той девицей, на которую я глаз положил: симпатичная, очень светлая блондинка, с детским личиком и чудной упругой грудью. На уроки они являлись, взявшись за руки. Во время контрольных я не открывал окна; девочкам становилось жарко, они снимали свитера, их футболки прилипали к груди; а я дрочил под прикрытием стола. Как сейчас помню тот день, когда я задал им прокомментировать фразу из “Германтов”: “В жилах у нее текла чистая кровь доблестнейших родов Франции, сливавшаяся на протяжении столетий, и благодаря этому казалось, что она не «ломается», как любит выражаться простой народ, она

держала себя с ним удивительно просто”[31].

Я взглянул на Бена: он чесал в затылке, чесал яйца, жевал жвачку. Что ты в этом смыслишь, большая обезьяна? И если на то пошло, что все остальные в этом смыслят? Я и сам уже с трудом понимал, что *на самом деле* хотел сказать Пруст. Десятки страниц о чистоте крови, о благородстве гения в противовес благородству расы, об особой среде выдающихся профессоров медицины, все это казалось мне полной хренью. Мы явно живем сегодня в упрощенном мире. У герцогини Германтской было куда меньше *бабла,* чем у Снупа Догга; у Снупа Догга меньше *бабла,* чем у Билла Гейтса, зато от него сильнее *тащатся* телки. Тут два критерия, всего два. Кстати, почему бы не сочинить прустовский роман про *джетсет,* столкнув лбами популярность и богатство, и живописать непримиримые противоречия между славой в широких народных массах и славой камерной, для *happy few;* вот же занудство. Известность в области культуры не более чем посредственный эрзац славы настоящей, славы медийной, а последняя, связанная с шоу-бизнесом, приносит больше прибыли, чем любой иной

[31] Примечания: 31
М. Пруст. *У Германтов.* Перевод Н. Любимова.

вид человеческой деятельности. Что такое банкир, министр или директор предприятия рядом с киноактером или *рок-звездой?* Полный ноль, с какой стороны ни посмотри, будь то финансы или секс. Стратегии различия, так ювелирно описанные Прустом, сегодня утратили всякий смысл. Если рассматривать человека как иерархическое животное, как животное, возводящее иерархии, то современный мир имеет с XVIII веком примерно столько же общего, сколько башня Ган[32] с Малым Трианоном. Пруст остался убежденным европейцем, одним из последних европейцев, наряду с Томасом Манном; то, что он писал, уже не имеет никакого отношения к какой-либо реальности. Разумеется, фраза о герцогине Германтской не утратила своего великолепия. Но от всего этого я совсем впал в тоску и в конце концов переключился на Бодлера. Тревога, смерть, стыд, хмель, ностальгия, утраченное детство, сплошь одни бесспорные сюжеты, темы на все времена. Как все же странно. Весна, тепло, кругом сексапильные красотки, а я знай себе читаю:

> *Будь мудрой, Скорбь моя, и подчинись Терпенью.*

---

[32] Примечания: 32

Башня Ган — офисное здание в парижском районе Дефанс.

Ты ищешь Сумрака? Уж Вечер к нам идет.

Он город исподволь окутывает тенью,

Одним неся покой, другим – ярмо забот.

Пускай на рабский пир к тупому Наслажденью,

Гоним бичом страстей, плетется жалкий сброд,

Чтоб вслед за оргией предаться угрызенью.

Уйдем отсюда, Скорбь. Взгляни на небосвод.[33]

Я выдержал паузу. Девиц, по-моему, проняло, наступила полная тишина. Это было последнее занятие сегодня; через полчаса я сяду в поезд и поеду домой к жене. Вдруг из глубины класса подал голос Бен: “Ого, чувак, так ты подсел на идею смерти!” Он сказал это громко, но не нагло, наоборот, в его тоне сквозило какое-то даже восхищение. Я так и не понял, к кому он обращается — к Бодлеру или ко мне; если честно, это был

---

[33] Примечания: 33
Ш. Бодлер. *Раздумье.* Перевод М. Донского.

совсем неплохой *комментарий к тексту.* Но не мог же я это так оставить. Я твердо сказал: “Выйдите вон”. Он не двинулся с места. Я подождал полминуты, вспотев от страха и понимая, что еще немного — и я не смогу выдавить из себя ни слова; но все же у меня хватило сил повторить: “Выйдите”. Он встал, очень медленно собрал свои вещи и двинулся на меня. В любой жестокой схватке присутствует некий момент благодати, волшебное мгновение, когда время замирает и силы противников уравновешиваются. Он остановился прямо передо мной; он оказался на целую голову выше меня, и я решил, что сейчас он мне врежет, но нет, он просто направился к двери. Я одержал победу. Победа не бог весть какая: на следующий день он вернулся в класс. Похоже, он что-то понял, поймал мой взгляд, что ли, потому что принялся тискать свою подружку прямо на уроках. Он задирал ей юбку, засовывал руку как можно выше и смотрел на меня с этакой наглой улыбочкой. Я хотел эту телку до умопомрачения. Выходные я провел за написанием расистского памфлета, находясь в состоянии почти постоянной эрекции; в понедельник позвонил в “Инфини”. На этот раз Соллерс принял меня в своем кабинете. Он был такой веселый,

такой лукавый, прямо как в телевизоре — даже лучше, чем в телевизоре.

— Вы настоящий, вдохновенный расист, это чувствуется, и хорошо. Ну и ну!

Он изящным жестом вынул страницу, на полях которой отчеркнул один абзац: “Мы завидуем неграм и восхищаемся ими, потому что жаждем снова стать животными, как они, животными с большим членом и крохотным мозгом рептилии, придатком этого члена”. Он игриво потряс листком:

— Едко, пламенно, *стильно.* Талантливо, наконец. Иногда вы, правда, идете по пути наименьшего сопротивления, мне не очень понравился подзаголовок: “Расистом не рождаются, им становятся”. Подтекст, полунамеки, это всегда чревато… Хм… — Он помрачнел, описал очередную загогулину своим мундштуком и снова улыбнулся. Вот же фигляр, прелесть что такое. — Особых влияний я вроде не вижу, к тому же никакого эпатажа. Например, вы не антисемит!

Он вытащил еще один отрывок: “Только евреи избавлены от сожаления о том, что они не негры, потому что они давно выбрали стезю интеллекта, вины и стыда. Ничто в западной цивилизации не может сравниться или даже приблизиться

к тому, что евреи сумели сотворить из вины и стыда; поэтому негры их так люто ненавидят". Буквально просияв от счастья, он откинулся на спинку кресла и сцепил руки за головой; мне на мгновение показалось, что он сейчас положит ноги на стол, но нет, не положил. Он опять наклонился ко мне, не в силах усидеть на месте:

— Ну? Как мы поступим?

— Не знаю, вы можете опубликовать мой текст.

— Ух ты! — фыркнул он, будто я отпустил удачную шутку. — Опубликовать в "Инфини"? Эх, дружочек, вам даже невдомек… Времена Селина миновали, знаете ли. В наши дни нельзя писать что хочешь на определенные темы. Публикация такого текста чревата серьезными неприятностями. Думаете, у меня мало неприятностей? По вашему, если я работаю в "Галлимаре", то могу делать все, что мне в голову взбредет? Да они с меня глаз не спускают, знаете ли. Только и ждут, когда я оплошаю. Нет, нет, это нам вряд ли удастся. У вас чего-нибудь еще не найдется?

Он искренне изумился, что я не взял с собой никакого другого текста. Мне было жаль разочаровывать его, я бы с удовольствием стал его *дружочком,* а он бы водил меня танцевать и

угощал виски в “Пон-Руаяле”. Я вышел улицу, и вдруг меня охватило какое-то беспросветное отчаяние. Вечерело, было очень тепло, по бульвару Сен-Жермен шли женщины, и я понял, что никогда не стану писателем; я понял также, что мне плевать. И что теперь? Я уже и так тратил на секс ползарплаты, интересно, почему Анна до сих пор ни о чем не догадалась. Я мог бы вступить в Национальный фронт, но какой смысл жрать шукрут с мудаками? В любом случае правых баб не бывает, а если и бывают, то они трахаются с десантниками. Какой все же идиотский текст, я выбросил его в ближайшую урну. Мне следует и впредь придерживаться позиции “левого гуманиста”, это единственный шанс с кем-нибудь переспать, к такому я пришел глубокому внутреннему убеждению. Я сел на террасе “Эскуриала”. Мой горячий набухший член болел. Я выпил две кружки пива и пошел домой пешком. Перейдя Сену, я вспомнил Адилю, молодую арабку из моего десятого класса, очень красивую и изящную. Она хорошая ученица, серьезная, на год младше одноклассников. У нее умное, нежное лицо, ничуть не насмешливое; видно, что она очень хочет добиться успеха в учебе. Такие девушки часто живут среди жлобов и убийц, так

что достаточно просто вести себя с ними поласковее. Я снова поверил в успех. Следующие две недели я постоянно обращался к ней, вызывал к доске. Она отвечала на мои взгляды и вроде бы принимала их как должное. Времени оставалось совсем мало, уже июнь был на дворе. Когда она шла на свое место, я глядел на ее попу, обтянутую джинсами. Она мне до того нравилась, что я блядей забросил. Я представлял, как мой член проникает в ее длинные черные волосы, и даже подрочил на какое-то ее сочинение.

В пятницу 11 июня она пришла в короткой черной юбке, уроки заканчивались в шесть. Она села в первом ряду. В тот момент, когда она скрестила ноги под столом, я чуть не грохнулся в обморок. Ее соседка, толстая блондинка, убежала сразу после звонка.

Я встал и положил руку на ее папку. Она так и сидела и, похоже, никуда не торопилась. Все ученики вышли, в аудитории воцарилась тишина. Я так и держал в руке ее папку и даже умудрился прочитать сверху пару слов: *“Remember…* ад…” Я сел рядом с ней, положил папку на стол, но заговорить не решился. Так мы промолчали целую минуту. Несколько раз я заглядывал в ее большие черные глаза, а еще улавливал все ее малейшие

жесты, еле заметный трепет груди. Сидя вполоборота, она раздвинула ноги. Я не помню, как сделал следующее движение, по-моему, почти непроизвольно. И еще через секунду почувствовал ее бедро под своей левой ладонью, в глазах у меня помутилось, я вспомнил Каролину Есаян и ошалел от стыда. Я совершаю ту же ошибку, точно ту же ошибку, что и двадцать лет назад. Как и Каролина Есаян двадцать лет назад, она порозовела и замерла на несколько секунд. Потом очень мягко отстранила мою руку, но не встала, она даже не порывалась уйти. Через зарешеченное окно я увидел девушку, она быстро прошла по двору, торопясь на вокзал. Правой рукой я расстегнул ширинку. Она вытаращила глаза и взглянула на мой член. От ее взгляда исходила какая-то жаркая вибрация, я мог бы кончить от одной только силы ее взгляда, но в то же время я понимал, что она должна как-то отреагировать, чтобы стать соучастницей. Правой рукой я потянулся к ней, но мне не хватило сил пойти до конца: умоляющем жестом я схватил свой член и протянул его ей. Она расхохоталась; думаю, я тоже засмеялся и начал себе дрочить. Так я смеялся и дрочил, пока она собирала свои вещи, вставала и шла к двери. На пороге она обернулась и посмотрела на меня в

последний раз; я кончил и отключился. Услышал краем уха звук закрывшейся двери и ее затихающие шаги. Я сидел как оглушенный, словно у меня прямо над ухом ударили в огромный гонг. Однако у меня хватило ума позвонить с вокзала Азуле. Я не помню ни как ехал в поезде, ни как спустился в метро; он принял меня в восемь вечера. Я не мог унять дрожь, и он сразу вколол мне успокоительное.

Я провел три дня в больнице Сент-Анн, затем меня перевели в психиатрическую клинику Министерства образования в Веррьер-ле-Бюиссон. Азуле явно встревожился: в тот год много писали о педофилии, журналисты словно сговорились, типа “мочим педофилов-хуефилов”. И все это из-за ненависти к старикам, ненависти и отвращения к старости, становилось постепенно делом государственной важности. Девочке пятнадцать лет, я педагог, злоупотребивший своим авторитетом; вдобавок она еще и арабка. Короче, идеальный случай для увольнения с последующим самосудом. Через две недели Азуле немного расслабился: учебный год подходил к концу, и Адиля, очевидно, держала язык за зубами. Теперь можно было пойти по проторенной дорожке — депрессивный учитель с суицидальными

наклонностями нуждается в стационаре психиатрического профиля… Самое удивительное, что лицей в Мо не считался особенно *трудным;* но Азуле списал все на застарелые детские травмы, которые дали себя знать, когда я вернулся в этот лицей; короче, выкрутился.

Я пролежал в клинике чуть больше полугода; несколько раз меня навестил отец, он казался все более внимательным и усталым. Меня так напичкали нейролептиками, что ни малейшего сексуального желания я уже не испытывал; время от времени меня обнимали медсестры. Я прижимался к ним, замирал на минуту-другую и снова ложился. Мне сразу становилось настолько лучше, что главный психиатр посоветовал им не отказываться, если, понятное дело, у них нет принципиальных возражений. Он подозревал, конечно, что Азуле рассказал ему не все, но у него хватало пациентов посерьезнее, с острым бредом и шизофреников, так что ему было не до меня; к тому же у меня есть лечащий врач, я в надежных руках.

О дальнейшем преподавании, естественно, не могло быть и речи, но в начале 1991 года Министерство образования изыскало возможность пристроить меня в Комиссию учебных программ

по французскому языку. Я лишился щадящего школьного графика и каникул, но зарплата осталась той же. Вскоре мы с Анной развелись. В том, что касается выплаты алиментов и поочередной опеки над сыном, мы сошлись на стандартном формате; впрочем, адвокаты не оставили нам выбора, это практически типовой договор. Мы оказались первыми в очереди, судья тараторил с дикой скоростью, и весь процесс развода не занял и четверти часа. В двенадцать с чем-то мы вместе вышли на ступени Дворца правосудия. Было самое начало марта, мне только что исполнилось тридцать пять, и я понимал, что первая часть моей жизни завершилась.

Брюно замолчал. Уже совсем стемнело, ни он, ни Кристиана не стали одеваться. Он поднял на нее глаза. И тут она сделала нечто удивительное: приблизилась к нему, обняла его за шею и расцеловала в обе щеки.

— Следующие несколько лет жизнь шла своим чередом, — тихо продолжал Брюно. — Я сделал себе пересадку волос, операция прошла успешно, хирург оказался другом моего отца. Я продолжал заниматься в спортклубе. Попробовал организовать свой отпуск с “Нувель фронтьер”, и снова с *Club Med* и UCPA. Завел несколько романов, раз,

два и обчелся, правда; в целом женщины моего возраста особого желания потрахаться уже не испытывают. Конечно, они утверждают обратное, и действительно иногда им хочется вновь пробудить в себе чувства, страсть, желание, но тут я ничем не мог им помочь. Я никогда еще не встречал такой женщины, как ты. Я даже надеяться не смел, что такая женщина, как ты, в принципе существует.

— Тут нужно… — сказала она странным голосом, — нужно, чтобы кто-то проявил великодушие, сделал первый шаг. Не знаю, как бы я себя повела, будь я на месте твоей арабочки. Но я уверена, в тебе и тогда было что-то трогательное. Я думаю, или, по крайней мере, мне так кажется, что я бы согласилась доставить тебе удовольствие. — Она снова легла, положила голову между ног Брюно и несколько раз нежно провела языком по его члену. — Я бы чего-нибудь съела… — неожиданно сказала она. — Уже два часа ночи, но в Париже ведь все возможно, не так ли?

— Конечно.

— Хочешь кончить сейчас, или лучше я подрочу тебе в такси?

— Давай сейчас.

15. Гипотеза Макмиллана

Они доехали на такси до Ле-Аль и поужинали в брассери, открытой всю ночь. На закуску Брюно взял рольмопсы. Он подумал, что сейчас может произойти все что угодно, но тут же понял, что обольщается. У него в мыслях, конечно, вариантов было пруд пруди: он мог представлять себя хоть крысой, хоть солонкой, хоть энергетическим полем; на практике же его тело уже вовлечено в процесс медленного распада; то же самое происходит и с телом Кристианы. Несмотря на ночи, проведенные вместе, их индивидуальное сознание до самого конца будет существовать раздельно, как и их тела. Рольмопсы ни в коем случае не решат проблему, да и от сибаса с фенхелем толку не больше. Кристиана хранила молчание, задумчивое и довольно загадочное. Они заказали шукрут по-королевски с домашними монбельярскими колбасками. Пребывая в состоянии приятной расслабленности, свойственной мужчине, который только что кончил в объятиях любящей, сладострастной женщины, Брюно мельком подумал о своих рабочих проблемах, которые сводились, в общем, к следующему

вопросу: какую роль может сыграть Поль Валери в преподавании французского языка в классах с научной специализацией? Он доел шукрут, заказал мюнстер и почувствовал, что склоняется к ответу “никакую”.

— Я ни на что не гожусь, — смиренно сказал Брюно. — Я не умею разводить свиней. Ничего не смыслю в производстве сосисок, вилок и мобильных телефонов. Я не в состоянии изготовить окружающие меня предметы, которые я использую или ем; более того, я не в состоянии понять процесс их производства. Если бы производство вдруг остановилось, если бы разом испарились все специалисты, инженеры и техники, я не смог бы ничего запустить снова. Окажись я вне экономико-промышленного комплекса, мне не удалось бы обеспечить даже собственное выживание: я не знаю, как себя прокормить, одеть, как уберечься от ненастья; мои личные технические навыки значительно уступают умениям неандертальца. Я полностью зависим от общества, в котором живу, и практически бесполезен для него: все, на что я способен, — это выдавать сомнительные комментарии к устаревшим культурным объектам. Однако я получаю зарплату, причем хорошую, гораздо выше средней. Большинство окружающих

меня людей находятся в похожей ситуации. По сути, единственный полезный человек, которого я знаю, — это мой брат.

— Что же он совершил такого выдающегося?

Брюно на мгновение задумался и в поисках достаточно впечатляющего ответа повозил кусок сыра по тарелке.

— Он создал новых коров. Ну, я упрощаю, но его исследования правда способствовали появлению генетически модифицированных коров, дающих больше молока с превосходными питательными качествами.

— Он изменил мир. Я ничего не сделал, ничего не создал; абсолютно ничего не привнес в этот мир.

— И не навредил ему…

Лицо Кристианы помрачнело, она быстро доела мороженое. В июле 1976 года она провела две недели в поместье ди Меолы на склонах Ванту, в том самом месте, куда Брюно приезжал за год до этого с Аннабель и Мишелем. Она рассказала Брюно о том лете, и они обрадовались такому совпадению, но она тут же ужасно расстроилась. Если бы они познакомились в 76-м, когда ему было двадцать, а ей шестнадцать, подумала она, их жизнь могла бы сложиться совершенно иначе.

Вот и первый звоночек: она поняла, что влюбляется в него.

— В принципе, — продолжала Кристиана, — это просто совпадение, и ничего невероятного в нем нет. Мои мудаки родаки принадлежали к либертарианской, отчасти битнической тусовке пятидесятых, как, собственно, и твоя мать. Возможно, они были знакомы, но у меня нет никакого желания это выяснять. Я презираю этих людей, даже, наверное, ненавижу их. Они олицетворяют зло, они породили зло, и я-то знаю, о чем говорю. Я очень хорошо помню то лето 76-го. Ди Меола умер через две недели после моего приезда; у него была терминальная стадия рака, и, судя по всему, его уже ничто не интересовало. Это, правда, не помешало ему ко мне приставать, я была тогда очень ничего себе, но он особо не упорствовал, думаю, он уже страдал физически. Двадцать лет он строил из себя мудрого старца, играл в духовную инициацию и т. д., лишь бы уложить к себе в койку побольше телок. Надо признать, что он выдержал этот образ до самого конца. Через две недели после моего приезда он принял какой-то яд, не слишком сильный, он подействовал через несколько часов; за оставшееся ему время он по очереди принял всех, кто

находился в тот момент в его поместье, проведя с каждым по несколько минут, типа “смерть Сократа”, ну сам понимаешь. Он вещал, кстати, в том числе о Платоне, а также об Упанишадах и Лао-цзы, цирк да и только. Еще он много говорил об Олдосе Хаксли, не преминув напомнить, что был с ним знаком, пересказывал вкратце их беседы; он, наверное, немного приукрасил, не знаю, но, в конце концов, человек умирал. Когда подошла моя очередь, я очень разволновалась, но он просто попросил меня расстегнуть блузку. Он посмотрел на мою грудь, потом попытался что-то сказать, я не совсем поняла что, он уже еле языком ворочал. Вдруг он приподнялся и протянул ко мне руки. Я не протестовала. Он на мгновение уткнулся лицом мне в грудь и снова рухнул в кресло. У него сильно дрожали руки. Он кивком попросил меня уйти. В его взгляде я не увидела никакой духовной инициации, никакой мудрости; в его взгляде читался только страх.

Он умер до наступления ночи. По его желанию на вершине холма разложили погребальный костер. Мы собрали хворост, и церемония началась. Дэвид сам запалил погребальный костер отца, глаза его сверкали странным блеском. Я ничего о нем не знала, кроме того, что он рок-музыкант;

с ним были довольно стремные ребята, татуированные американские байкеры, все сплошь в коже. Я пришла с подругой, и когда стемнело, нам стало как-то не по себе.

Перед костром поставили несколько тамтамов, и музыканты начали отбивать медленный рокочущий ритм. Все пошли танцевать, костер разгорался все жарче, и, как обычно, они стали раздеваться.

По идее, для кремации требуются благовония и сандаловое дерево. За неимением лучшего мы набрали опавшие ветки, вероятно, вперемешку с местными травами — тимьяном, розмарином и чабром, — так что примерно через полчаса сильно запахло барбекю. Что не преминул отметить один из друзей Дэвида — толстяк в кожаной жилетке, с длинными сальными волосами, спереди у него не хватало зубов. Другой, какой-то невнятный хипарь, объяснил, что у многих примитивных племен пожирание умершего вождя считалось важнейшим обрядом единения. Щербатый кивнул и захихикал; Дэвид подошел к ним, и они стали что-то обсуждать, он был полностью обнажен, и в отблесках пламени его тело выглядело просто великолепно — кажется, он занимался бодибилдингом. Я почувствовала, что

так и до беды недалеко, и поспешила уйти спать.

Вскоре разразилась гроза. Не знаю, зачем я встала и вернулась к костру. Там под дождем танцевали еще человек тридцать, совершенно голые. Какой-то парень грубо схватил меня за плечи и потащил к костру, чтобы заставить посмотреть на то, что осталось от тела. Я увидела череп с глазницами. Плоть сгорела не до конца и, перемешавшись с землей, превратилась в кучку грязи. Я закричала, он отпустил меня, и мне удалось убежать. На следующий день мы с подругой уехали. Больше я об этих людях ничего не слышала.

— Ты не читала статью в “Пари-Матч”?

— Нет… — Кристиана явно удивилась; Брюно замолчал и заказал два кофе, прежде чем продолжить. С годами у него сформировался циничный, жестокий, типично мужской взгляд на мир. Вселенная представлялась ему замкнутым пространством, кишащим всяким-разным зверьем; его окружало непроницаемое, жесткое кольцо горизонта, ясно различимого, но недоступного — горизонта морального закона. А ведь сказано, что любовь несет в себе этот закон и исполняет его. Кристиана смотрела на него внимательно и нежно, немного усталым взглядом.

— Это очень мерзкая история, — сникшим голосом продолжал Брюно, — даже странно, что журналисты так мало о ней писали. В общем, лет пять назад в Лос-Анджелесе состоялся суд, в Европе сатанинские секты были тогда еще в диковинку. Среди двенадцати подследственных оказался и Дэвид ди Меола — я сразу вспомнил это имя, — но ему с еще одним подельником удалось скрыться от полиции. Из статьи следовало, что он, вероятно, осел в Бразилии. Обвинения против него выдвинули просто ужасающие. У него дома обнаружили около сотни тщательно систематизированных и надписанных видеокассет с записями убийств и пыток; на некоторых из них он сам появлялся в кадре с открытым лицом. На слушаниях показали эпизод с пытками Мэри Макналлахан и ее грудной внучки. На глазах у бабушки ди Меола кусачками расчленил ребенка, затем собственноручно выдрал пожилой женщине глаз и принялся мастурбировать в ее кровоточащую глазницу; одновременно он при помощи пульта дистанционного управления крупным планом снимал ее лицо. Она сидела на корточках, в помещении, похожем на гараж, пристегнутая к стене металлическими ошейниками. В финале фильма она уже лежала на полу в соб-

ственных испражнениях; запись длилась более трех четвертей часа, но до конца ее досмотрели только полицейские; присяжные попросили выключить после десяти минут просмотра.

Статья в “Пари-Матч” сводилась в основном к переводу интервью Дэниела Макмиллана, прокурора штата Калифорния, вышедшего в *Newsweek*. По его мнению, на скамье подсудимых оказалась не просто группа мужчин, а общество в целом; он усматривал в данном деле симптомы социального и морального разложения, поразившего американское общество еще в конце пятидесятых. Судья неоднократно призывал его не выходить за рамки установленных фактов; параллель с делом Мэнсона, прослеженная прокурором, показалась ему надуманной, тем более что ди Меола единственный из обвиняемых имел хоть какое-то отношение к движению битников или хиппи.

Через год Макмиллан опубликовал книгу под названием *From Lust to Murder: a Generation*[34]. Во французском переводе заглавие звучит довольно нелепо: “Поколение Убийство”. Книга потрясла меня: я ожидал обычных бредней религиозных

[34] Примечания: 34
“От похоти до убийства: поколение” *(англ.).*

фундаменталистов о пришествии Антихриста и восстановлении молитвы в школах. Но это оказался очень точный, хорошо документированный труд, в котором подробно разобраны конкретные случаи; Макмиллан проявил особый интерес к делу Дэвида, он провел тщательное расследование и подробно изложил его биографию.

Сразу после смерти отца в сентябре 1976-го Дэвид продал его поместье и тридцать гектаров земли, чтобы купить несколько квартир в старых зданиях в Париже; большую студию на улице Висконти он оставил себе, остальные переоборудовал и сдавал в аренду. Старые квартиры он разгораживал, чердачные комнатки прислуги соединял между собой, оборудовав в них мини кухни и душевые. Когда все было готово, в его распоряжении оказалось десятка два крошечных однокомнатных квартирок, что само по себе гарантировало ему неплохой доход. Он не отказался от идеи стать рок-звездой и думал, что, возможно, в Париже счастье ему улыбнется; но все-таки ему уже было двадцать шесть. Перед тем как отправиться на обход студий звукозаписи, он решил, что сбросит себе два года. Подумаешь, дело! На вопрос, сколько ему лет, он просто отвечал: двадцать четыре. Естественно, никто и не

думал его проверять. Задолго до него такая же идея пришла в голову Брайану Джонсу. Однажды вечером, на каком-то *пати* в Каннах, если верить свидетельским показаниям, записанным Макмилланом, Дэвид столкнулся с Миком Джаггером и отскочил на два метра назад, словно наступил на гадюку. Мик Джаггер уже тогда *был* самой главной рок-звездой в мире; богатый, обожаемый, циничный — именно таким и мечтал стать Дэвид. Причина его привлекательности заключалась в том, что он *воплощал собой* зло, был идеальным его символом, а более всего народные массы обожают образ безнаказанного зла. В свое время у Мика Джаггера возникли проблемы с властью и утверждением своего "эго" в группе, что-то они там не поделили с Брайаном Джонсом; но там был бассейн, и вопрос быстро решился. Это, конечно, не официальная версия, но Дэвид *знал,* что Мик Джаггер столкнул в бассейн Брайана Джонса; он прекрасно представлял себе, как именно он это сделал; то есть он стал лидером величайшей рок-группы ценой изначального убийства. Величайшие достижения в мире строятся на убийстве, не сомневался Дэвид; тогда, в конце 1976-го, он почувствовал, что готов столкнуть столько людей, сколько потребуется, во все

мыслимые бассейны; но в течение следующих нескольких лет ему удалось лишь поучаствовать в качестве дополнительного басиста в нескольких альбомах, ни один из которых не имел ни малейшего успеха. Зато он по-прежнему очень нравился женщинам. Его эротические запросы возросли, он взял в привычку спать с двумя девушками одновременно — предпочтительно с блондинкой и брюнеткой. Многие соглашались, потому что он действительно был невероятно красив — мощной, мужественной, почти звериной красотой. Он гордился своим длинным, толстым фаллосом и большими волосатыми яйцами. Проникновение постепенно потеряло для него всякий интерес, но он по-прежнему получал удовольствие, когда девицы вставали перед ним на колени и сосали ему член.

В начале 1981-го один калифорниец, проездом в Париже, сказал ему, что они ищут группы для записи альбома хеви-метал, посвященного Чарльзу Мэнсону. Дэвид решил еще раз попытать счастья. Он продал все свои квартиры, подорожавшие за это время почти в четыре раза, и переехал в Лос-Анджелес. Ему исполнился тридцать один год, официально — двадцать девять; все равно перебор. Перед встречей с американскими про-

дюсерами он решил убавить себе еще три года. Внешне ему вполне можно было дать двадцать шесть.

Время шло, Мэнсон из тюремной камеры требовал непомерных авторских гонораров. Дэвид занялся бегом трусцой и прибился к сатанистам. Калифорния всегда была излюбленным местом сект, исповедующих культ Сатаны, начиная с самых первых: *First Church of Satan*[35], основанной в 1966 году Антоном Лавеем в Лос-Анджелесе, и *Process Church of the Final Judgment*[36], открывшей свои двери в Сан-Франциско, в районе Хейт-Эшбери в 1967 году. Эти организации все еще существовали, и Дэвид поддерживал с ними контакт; как правило, они не заходили дальше ритуальных оргий, иногда принося в жертву какую-нибудь мелкую живность, но благодаря им он получил доступ в гораздо более закрытые и экстремальные сообщества. В частности, он свел знакомство с хирургом Джоном ди Джорно, который устраивал *аборт-пати.* После операции плод перемалывали, разминали и замешивали в тесто для хлеба, чтобы разделить потом

[35] Примечания: 35
“Первая церковь Сатаны” *(англ.).*

[36] Примечания: 36
“Церковь процесса Последнего суда” *(англ.).*

между участниками. Вскоре Дэвид понял, что самые продвинутые сатанисты вообще не верят в Сатану. Убежденные материалисты, как и он сам, они быстро отказались от чересчур китчевых церемоний с пентаклями, свечами и длинными черными мантиями — весь этот балаган предназначался для неофитов, помогая им преодолеть моральные запреты. В 1983-м его впервые допустили к участию в ритуальном убийстве пуэрториканского младенца. Кастрировав младенца ножом с зубцами, Джон ди Джорно вырвал, а затем прожевал его глазные яблоки.

К тому времени Дэвид уже практически поставил крест на своей карьере *рок-звезды,* но у него порой ужасно екало сердце, когда он видел Мика Джаггера на MTV. Проект *Tribute to Charles Manson* все равно провалился, и хоть он и уверял, что ему двадцать восемь, на самом деле ему было на пять лет больше, и он уже правда чувствовал, что слишком стар для этого. Иногда, во власти фантазий о доминировании и всемогуществе, он мнил себя Наполеоном. Он восхищался этим человеком, который предал Европу огню и мечу, послал на смерть сотни тысяч людей, даже не прикрываясь для вида какой-либо идеологией, верой или убеждениями в качестве оправдания.

В отличие от Гитлера, в отличие от Сталина Наполеон верил только в себя и напрочь отгородился от всего остального мира, считая других лишь инструментом для исполнения своей властной воли. Вспомнив о своем далеком генуэзском происхождении, Дэвид воображал себя родственником диктатора, который, прогуливаясь на рассвете по полю битвы среди тысяч изуродованных и растерзанных тел, мог небрежно заметить: “Ба!.. одна ночь в Париже все это восполнит”.

Шли месяцы, Дэвид и вместе с ним еще несколько сектантов все глубже погрязали в мерзостях и зверствах. Иногда они снимали сцену расправы на видео, предусмотрительно надев маски; один из их, видеопродюсер, занимался изготовлением копий. Хорошее снафф-видео продавалось дорого — тысяч по двадцать долларов за копию. Как-то вечером, на вечеринке с групповухой у одного знакомого адвоката, Дэвид узнал один из своих фильмов, его крутили на телеэкране в спальне. На этом видео, снятом месяцем ранее, он отрезал мужчине пенис бензопилой. Страшно возбудившись, он притянул к себе девочку лет двенадцати, подругу дочери хозяина, и усадил ее перед собой. Девочка пыталась отбиваться, но недолго, и отсосала ему. На экране он легонько провел

бензопилой по бедрам мужчине лет сорока; тот сидел раскинув руки, накрепко связанный, и кричал от ужаса. Дэвид кончил девочке в рот как раз в тот момент, когда лезвие пилы разрезало член; он схватил девочку за волосы, резко повернул ее голову и заставил смотреть на долгий план брызжущего кровью обрубка.

На этом улики против Дэвида заканчивались. Полиция случайно перехватила мастер-копию видео с пытками, но Дэвида, видимо, успели предупредить, и ему удалось вовремя скрыться. Тогда Дэниел Макмиллан и выдвинул эту теорию. В своей книге он доказывает, что так называемые сатанисты не верят ни в Бога, ни в черта, ни в какую-либо нечистую силу; богохульство присутствует в их церемониях лишь ради необязательной эротической приправы, вкус к которой большинство из них быстро утрачивает. Как и их мэтр, маркиз де Сад, они, по сути, убежденные материалисты, искатели наслаждений и самых острых нервных ощущений. По мнению Макмиллана, постепенное разрушение моральных ценностей в 60-е, 70-е, 80-е и 90-е годы явилось закономерным и неизбежным процессом. Исчерпав сексуальные радости, освободив себя от ограничений общепринятой морали, люди

вполне закономерно обращаются к жестокости, заключающей в себе куда более богатый спектр удовольствий; двумя столетиями ранее по аналогичному пути пошел маркиз де Сад. В этом смысле *серийные убийцы* девяностых — родные дети *хиппи* шестидесятых, а их общих предков можно найти среди венских акционистов пятидесятых годов. Под видом художественного перформанса венские акционисты, такие как Нич, Мюль и Шварцкоглер, устраивали публичные жертвоприношения животных; они вырывали и разрубали на части их внутренние органы, на глазах у собравшихся кретинов погружали руки в плоть и кровь, доводя страдания невинных тварей до крайнего предела, а их подельник фотографировал или снимал на видео эту расправу, чтобы потом выставить получившиеся арт-объекты в художественной галерее. Дионисийская жажда высвобождения животных инстинктов и злого начала, сформулированная венскими акционистами, прослеживается и на протяжении последующих десятилетий. По мнению Макмиллана, этот сдвиг в западной цивилизации после 1945 года был не чем иным, как возвращением к грубому культу силы, отказом от норм, веками выстраиваемых во имя

морали и права. Венских акционистов, битников, хиппи и серийных убийц объединяла безусловная приверженность либертарианству, все они выступали за утверждение неограниченных прав личности в противовес социальным нормам и всему тому лицемерию, к которому, по их мнению, и сводится мораль, чувства, справедливость и жалость. В этом смысле Чарльз Мэнсон — отнюдь не чудовищное извращение опыта хиппи, а его логическое завершение, так что Дэвид ди Меола лишь расширил и воплотил в жизнь идеи освобождения личности, которые исповедовал его отец. Макмиллан был членом Консервативной партии, и его диатрибы против личной свободы вызвали зубовный скрежет даже у некоторых его однопартийцев, но его книга имела большой резонанс. Обогатившись за счет авторских отчислений, он полностью посвятил себя политике; в следующем году его избрали в палату представителей.

Брюно умолк. Кофе он уже давно допил, было четыре часа утра, и в ресторане не наблюдалось ни единого венского акциониста. Вообще-то Герман Нич, осужденный за изнасилование несовершеннолетней, томился сейчас в австрийской тюрьме. Ему уже за шестьдесят, поэтому можно

надеяться, что он быстро умрет, тем самым избавив мир хоть от одного источника зла. Но незачем так нервничать. Вокруг царило спокойствие, между столиками бродил одинокий официант. В данный момент они были тут единственными клиентами, но брассери работала круглосуточно, о чем сообщалось прямо на витрине, и в меню тоже, так что это их практически договорное обязательство. “Никуда они не денутся, пидоры несчастные”, — машинально заметил Брюно. В современном обществе человек неминуемо переживает один или несколько кризисных периодов, ставя под сомнение всю свою жизнь. Поэтому вполне нормально, чтобы в центре крупной европейской столицы существовало хотя бы одно заведение, открытое всю ночь. Он заказал пирожное с малиновым муссом и два бокала кирша. Кристиана внимательно выслушала его рассказ; в ее молчании чувствовалось что-то скорбное. Теперь пора было вернуться к простым радостям жизни.

16. К эстетике доброй воли

Как только занимается заря, девушки отправляются рвать розы. Дуновение невинности устремляется в ложбины, в столицы, спасает умы наиболее восторженных поэтов, рушит загородки детских манежей, снимает короны с юношеских голов и отнимает у старцев веру в бессмертие[37].

Лотреамон, Стихотворения, II

Большинство людей, с которыми Брюно общался на протяжении своей жизни, были движимы лишь поисками удовольствий — если, конечно, в понятие удовольствия включить радость нарциссического плана, столь тесно связанную с уважением или восхищением окружающих. Тут в ход идут различные стратегии, именуемые жизнью.

Однако из этого правила следовало все же сделать исключение для его единоутробного брата: само понятие удовольствия, казалось, никак с ним не вяжется; но, если честно, разве Мишелем

---

[37] Примечания: 37
Перевод М. Голованивской.

вообще что-нибудь движет? Равномерное прямолинейное движение длится бесконечно долго в отсутствие трения или приложения внешней силы. Жизнь его брата, организованная, рациональная (социологи отнесли бы его к верхней части медианной группы), до сих пор протекала вроде бы без всяких трений. Не исключено, разумеется, что в узком кругу исследователей молекулярной биофизики идет жесточайшая подковерная борьба за влияние, но Брюно в этом как-то сомневался.

— У тебя очень мрачный взгляд на жизнь… — сказала Кристиана, прерывая молчание, ставшее уже довольно гнетущим.

— Ницшеанский, — уточнил Брюно. — Причем ницшеанский для бедных, — счел необходимым добавить он. — Я сейчас прочту тебе стихотворение. — Он достал из кармана блокнот и продекламировал:

Каждый тянет эту жвачку – сколько можно? —

Насчет вечного возврата и так далее,

А я ем клубничное мороженое

В ресторане “Заратустра” под азалией.

— Я знаю, что мы должны сделать, — сказала она после очередной паузы. — Устроим секс-вечеринку в Кап-д'Агде, в натуристской зоне. Там водятся голландские медсестры, немецкие госслужащие, все такие правильные и буржуазные, как в северных странах и Бенилюксе. Почему бы нам не замутить групповуху с люксембургскими полицейскими?

— Я использовал весь свой отпуск.

— Во вторник я тоже выхожу на работу, но мне еще нужен отдых. Надоело преподавать, все дети идиоты. Тебе тоже надо отдохнуть и оттянуться с кучей разных баб. Какие проблемы. Я знаю, ты в это не веришь, но точно говорю тебе, проблем нет. У меня есть знакомый врач, он выпишет нам больничный.

В понедельник утром они прибыли на вокзал в Агд и на такси добрались до натуристов. Кристиана взяла совсем мало вещей, она не успела заехать в Нуайон.

— Я должна послать сыну деньги, — сказала она. — Он меня презирает, но мне придется потерпеть его еще несколько лет. Я просто боюсь, что он совсем озвереет. Якшается с какими-то странными типами, с мусульманами, нацистами… Если бы он разбился на мотоцикле, я бы горевала,

но, думаю, вздохнула бы с облегчением.

Уже наступил сентябрь, и они быстро сняли жилье. Натуристский гостиничный комплекс Кап-д'Агд, состоящий из пяти резиденций, построенных в 70-е и начале 80-х годов, рассчитан на десять тысяч мест, что является мировым рекордом. Их студия площадью 22 м^2 состояла из гостиной с раскладным диваном, двухъярусной кроватью и открытой кухней, раздельного санузла и балкона. Максимальная вместимость — четыре человека, обычно тут селились семьи с двумя детьми. Они сразу почувствовали себя как дома. С выходящего на запад балкона открывался вид на пристань для яхт, тут можно было насладиться аперитивом, греясь в последних лучах заходящего солнца.

Несмотря на наличие трех торговых центров, площадки для мини-гольфа и пункта проката велосипедов, натуристский курорт Кап-д'Агд делает ставку прежде всего на летних отдыхающих, рекламируя самые базовые удовольствия — пляж и секс. Это место стало воплощением некой определенной социологической концепции, тем более удивительной, что она является не результатом заранее разработанного проекта, а просто сочетанием личных инициатив. Во всяком случае,

такими словами Брюно предварял статью “Дюны Марсейан-Пляжа: к эстетике доброй воли”, где подводил итоги своего двухнедельного отдыха на лоне природы. Эту статью в самый последний момент отверг журнал “Эспри”.

Что прежде всего поражает в Кап-д’Агде, — отмечал Брюно, — *так это сосуществование среднестатистического потребительского сектора, абсолютно типичного для всех европейских морских курортов, с магазинами иного рода, открыто ориентированными на эротику и секс. Как не удивляться, например, что булочная и мини-маркет соседствуют тут с бутиком, торгующим в основном прозрачными микроюбками, латексным нижним бельем и платьями, практически не прикрывающими ягодицы и грудь. Как не удивляться опять же, что женщины и семейные пары, с детьми и без оных, бродят между стеллажами и, ничуть не смущаясь, переходят из одной лавки в другую. И наконец, не устаешь поражаться тому, что в газетных киосках на вокзале, помимо привычной подборки ежедневных газет и журналов, представлен на редкость широкий ассортимент свингерских и порнографических изданий, а также разнообразных эротических гаджетов, что не вызывает ни у кого из покупа-*

телей ни малейшего недоумения.

Обычно официальные курортные центры можно распределить по традиционной шкале от "семейного" отдыха (мини-клуб, детский клуб, подогреватели бутылочек, пеленальные столики) до "молодежного" (водный спорт, вечеринки с анимацией для "тех, кто не спит", до 12 лет не рекомендуется). Натуристская колония Кап-дАгд выходит далеко за рамки этой дихотомии, поскольку сюда часто приезжают всей семьей, и кроме того, тут огромное значение придается сексуальному досугу, не вписывающемуся в привычный контекст "курортного флирта". В равной степени она не имеет ничего общего — что неизменно изумляет отдыхающих — и с традиционными натуристскими центрами. В последних акцент делается на "здоровом" понимании наготы, исключающем прямую сексуальную коннотацию; особое внимание там уделяется блюдам из органических продуктов, курить практически воспрещается. Участники, в большинстве своем экологически озабоченные, занимаются йогой, росписью по шелку, восточной гимнастикой и с удовольствием живут дикарями на лоне природы. А вот съемные квартиры в Кап-дАгде, напротив, в основном соответству-

ют принятым стандартам комфортабельного курортного комплекса; "лоно природы" тут сводится зачастую к газонам и цветочным клумбам. И наконец, в классический общепит здесь входят пиццерии, рестораны морепродуктов, киоски, торгующие картошкой фри и мороженым. Сама же нагота, образно выражаясь, рядится тут явно в другие одежды. В традиционных натуристских центрах нагота обязательна, если погодные условия позволяют; исполнение этого требования строго контролируется, и любое поведение, которое может быть расценено как вуайеризм, строго пресекается. В Кап-дАгде, напротив, в супермаркетах и барах полная нагота мирно уживается с самыми разнообразными прикидами от традиционной одежды до откровенно эротических нарядов (миниюбки в сеточку, нижнее белье, ботфорты). Негласно допускается даже вуайеризм: на пляже мужчины часто останавливаются, уставившись на женские гениталии, откровенно выставленные напоказ; многие женщины поощряют это созерцание, придавая ему более интимный характер путем эпиляции, что облегчает изучение клитора и половых губ. Все это создает совершенно уникальную атмосферу, пусть вы сами и не принимаете

участия в специфических мероприятиях центра, атмосферу, далекую как от эротического, нарциссического настроения итальянских дискотек, так и от "злачного" духа, присущего кварталам красных фонарей в больших городах. В общем, это классический морской курорт, вполне душевный, разве что сексуальные радости здесь чрезвычайно важны и повсеместны. Так и тянет отметить в связи с этим "социал-демократический" подход к сексу, учитывая, что среди многочисленных иностранных гостей преобладают немцы, усиленные постоянным контингентом голландцев и скандинавов.

Уже на второй день Брюно и Кристиана познакомились на пляже с одной супружеской парой, и Руди с Ханнелорой подробно объяснили им некоторые социологические особенности этого места. Руди — техник на станции слежения за спутниками, которая контролирует, в частности, геостационарное положение телекоммуникационного спутника *Astra,* а Ханнелора работает в большом книжном магазине в Гамбурге. Они уже лет десять ездят в Кап-д'Агд; двух своих маленьких детей они в этом году решили оставить у родителей Ханнелоры и провести недельку вдвоем. В тот вечер они вчетвером поужинали в

рыбном ресторане, где им подали превосходный буйабес. Затем отправились в квартиру немецкой пары. Брюно и Руди один за другим трахали Ханнелору, в то время как она лизала Кристиану между ног; затем девушки поменялись местами. Ханнелора отсосала у Брюно. У нее было прекрасное тело, пышное, но крепкое, она явно поддерживала себя в форме физическими упражнениями. Да и сосала она с большим чувством; Брюно настолько возбудился от такого расклада, что, увы, кончил слишком быстро. Более опытный Руди сдерживал семяизвержение в течение двадцати минут, пока Ханнелора и Кристиана сообща сосали его, дружески сплетая языки на головке его члена. В завершение вечера Ханнелора предложила выпить по бокалу кирша.

Распутная жизнь немецкой четы протекала в основном за пределами местных дискотек для пар. “Клеопатра” и “Абсолют” не выдерживали жестокой конкуренции с “Экстазией”, расположенной в Марсейане, уже за пределами натуристской зоны: “Экстазия” с ее впечатляющим оснащением *(black room, peep room,* бассейн с подогревом, джакузи и, с недавних пор, лучшая *mirror room* в Лангедоке-Руссильоне) вовсе не почивала на лаврах, увенчавших ее еще в начале

семидесятых, и благодаря, кроме всего прочего, такому волшебному антуражу сумела сохранить статус “легендарного заведения”. Однако на следующий вечер Ханнелора и Руди предложили им пойти в “Клеопатру”. Пусть и небольшая, но славящаяся своей теплой и дружеской атмосферой, “Клеопатра”, считали они, станет отличной отправной точкой для дебютантов, к тому же она находится в самом центре городка, самое то, чтобы выпить с друзьями после ужина в непринужденной обстановке; самое то, опять же, чтобы опробовать в приятной компании эротические обновки девушек.

Руди подлил всем кирша. Никто из четверых не стал одеваться. Брюно с радостью убедился, что у него снова встал, а ведь и часа не прошло с тех пор, как он кончил между губ Ханнелоры; он поведал им это в терминах, отмеченных наивным энтузиазмом. Растроганная Кристиана принялась дрочить ему под умильными взглядами новых друзей. В самом конце Ханнелора села на корточки между его ног и прерывистыми движениями губ принялась сосать его член, а Кристиана ласкала его. Руди, уже немного не в себе, тупо повторял: *Gut… gut…* Они расстались полупьяные, в отличном настроении. Брюно

вспомнил о “Великолепной пятерке” и сказал Кристиане, что она очень похожа на Джордж, которую он всегда именно такой себе и представлял; им не хватает, посетовал он, только верного пса Тимми.

На следующий день после обеда они вместе отправились на пляж. Погода стояла прекрасная и на удивление жаркая для сентября. Как приятно, подумал Брюно, вот так вчетвером идти голышом вдоль кромки воды. Приятно сознавать, что не возникнет никаких разногласий, что сексуальные проблемы уже решены; приятно сознавать, что каждый сделает все от него зависящее, чтобы доставить удовольствие другим.

Натуристский пляж Кап-д’Агд, протяженностью три с чем-то километра, полого спускается в море, так что тут безопасно купаться даже маленьким детям. Кстати, большая его часть отведена для семейного купания и занятий спортом (виндсёрфинг, бадминтон, запуск воздушных змеев). Тут по умолчанию принято, пояснил Руди, что пары, ищущие секс-приключений, встречаются в восточной стороне пляжа, сразу за баром в Марсейане. Дюны, укрепленные изгородью, образуют там невысокую гряду. С ее вершины с одной стороны открывается вид на пляж, с другой

— на более пересеченную местность, где дюны перемежаются с плоскими участками и виднеются рощицы каменных дубов. Они расположились со стороны пляжа, прямо у подножия дюны. На этом небольшом пространстве лежали, наверное, сотни две парочек. Среди них примостились несколько одиноких мужчин, другие шли по песчаной гряде, попеременно посматривая в обе стороны.

Мы провели там две недели, и каждый день после обеда отправлялись на этот пляж, — писал Брюно в своей статье. — *Разумеется, есть смерть, можно готовиться к ней и осуждающим взглядом смотреть на человеческие удовольствия. Но если не впадать в крайности, дюны Марсейан-пляжа — и именно это я постараюсь сейчас продемонстрировать — воплощают собой гуманистический проект, подразумевающий максимальное удовлетворение индивидуальных потребностей каждого, никому не причиняющее при этом невыносимых моральных страданий. Сексуальное наслаждение (самое интенсивное из всех, что дано испытать человеку) основано, по сути, на тактильных ощущениях, в частности, на целенаправленном возбуждении определенных участков эпидермиса, усыпанных тельцами Крау-*

зе, которые, в свою очередь, активируют нейроны, способные вызвать обильный поток эндорфинов в гипоталамусе. По мере смены культурных поколений на эту простую систему в неокортексе наложилась более богатая ментальная конструкция, пробуждающая фантазмы и любовь (в основном у женщин). Дюны Марсейан-пляжа — по крайней мере, такова моя гипотеза — следует рассматривать не как место безотчетного обострения фантазмов, а, напротив, как площадку для восстановления баланса сексуальных целей и задач, как географическое подспорье в попытке вернуться к норме — которая зиждется, в сущности, на принципе доброго согласия. Если говорить конкретно, то любая пара, находящаяся на участке пляжа между линией дюн и кромкой воды, может самостоятельно инициировать прилюдные ласки сексуального характера; часто женщина дрочит своему партнеру или лижет его, часто мужчина отвечает ей взаимностью. Близлежащие пары с особым вниманием наблюдают за происходящим, подходят к ним, чтобы получше рассмотреть, и рано или поздно следуют их примеру. Таким образом, от самой первой пары по пляжу стремительно прокатывается волна возбуждающих ласк и сладострастия.

По мере нарастания сексуального исступления многие пары сходятся и предаются групповым ласкам, однако важно отметить, что такое сближение возникает исключительно при условии предварительного и по большей части ясно выраженного согласия. Если женщина хочет уклониться от нежелательных прикосновений, ей достаточно покачать головой, и мужчина тут же рассыпается в церемонных и довольно комичных извинениях.

Чрезвычайная учтивость участников-мужчин особенно бросается в глаза, если забрести подальше, за линию дюн. Здесь традиционно собираются любители гэнг-бэнга с толпой мужчин. Тут тоже какая-нибудь пара первой задает тон, начиная интимные ласки — чаще всего это фелляция. Вскоре партнеров окружают десятка два одиноких мужчин. Сидя, стоя или сев на корточки, они мастурбируют, любуясь этой сценой. Иногда на этом все заканчивается, партнеры просто лежат обнявшись, и зрители постепенно расходятся. Бывает, что женщина взмахом руки дает понять, что ей хочется дрочить, сосать или отдаваться другим мужчинам. Тогда последние сменяют друг друга в порядке общей очереди, без лишней спешки. Если женщина решает оста-

новиться, она снова подает им знак. Никто не разговаривает, только ветер свистит между дюнами, пригибая пышные травы. Если ветер стихает, воцаряется полная тишина, нарушаемая изредка стонами наслаждения.

Но мы вовсе не стремимся живописать тут натуристскую колонию Кап-д'Агд в идиллических тонах, словно какой-то фурьеристский фаланстер. В Кап-д'Агде, как и везде, женщину с юным, гармонично сложенным телом и привлекательного, мужественного мужчину засыпают лестными предложениями. В Кап-дАгде, как и везде, тучный, стареющий, непривлекательный человек обречен на одинокую дрочку — разве что к этому занятию, обычно запрещенному в общественных местах, здесь отнесутся с благосклонным пониманием. Приходится только удивляться, что участники столь разнообразных сексуальных практик, гораздо более возбуждающих, чем те, что показывают в порнофильмах, не просто не выказывают ни малейшей агрессии по отношению друг к другу, но и потрясают своей невероятной куртуазностью. Возвращаясь к понятию "социал-демократической сексуальности", лично я склонен рассматривать ее как редкий пример претворения в жизнь тех самых

установок — дисциплины и соблюдения договоренностей, — которые позволили немцам, пройдя через две ужасающих, смертоносных мировых войны с интервалом в одно поколение, восстановить на руинах своей страны мощную экспортную экономику. В этой связи было бы интересно узнать, что думают об общественных начинаниях, реализованных в Кап-дАгде, выходцы из стран, где традиционно чтут те же культурные ценности (Япония, Корея). В любом случае принципы уважения и законопослушания, гарантирующие каждому, кто соблюдает условия договора, бесчисленные мгновения мирных утех, кажется, уже сами по себе обладают мощной силой убеждения, поскольку они с легкостью, без какого-либо свода разъясняющих правил, усваиваются даже здешней маргинальной публикой (жлобы-лепенисты из Лангедока, арабские отморозки, итальянцы из Римини).

Подошла к концу первая неделя их пребывания там, и Брюно перестал писать. То, что ему еще оставалось сказать, было гораздо нежнее, тоньше и туманнее. Проведя на пляже всю вторую половину дня, около семи они возвращались домой на аперитив, это уже вошло у них в привычку. Он пил кампари, Кристиана — как правило, белый

мартини. Он следил за движением солнечных бликов по штукатурке — белой внутри и розоватой снаружи. Ему нравилось смотреть, как Кристиана голышом ходит по квартире, достает кубики льда и оливки. Он испытывал странные, очень странные ощущения: ему легче дышалось, иногда в течение долгих минут он вообще ни о чем не думал, и вроде ему было уже не так страшно. Как-то после обеда, через неделю после их приезда, он сказал Кристиане: мне кажется, я счастлив. Она замерла на месте, сжав в руке лоток со льдом, и очень медленно выдохнула. Он продолжил:

— Я хочу жить с тобой. Я чувствую, что с нас довольно, что мы и так настрадались. Потом навалятся болезни, за ними немощь и смерть. Но мне кажется, мы можем быть счастливы вместе до самого конца. По крайней мере, я хочу попытаться. Мне кажется, я люблю тебя.

Кристиана заплакала. Позже, заказав блюдо морепродуктов в “Нептуне”, они попытались обсудить практическую сторону дела. Она будет приезжать к нему каждые выходные, это ладно; но перевестись в Париж ей, конечно, сложновато. С учетом алиментов, на зарплату Брюно они вдвоем не проживут. Плюс сын Кристианы; тут

тоже сразу ничего не придумаешь. Но все-таки это возможно; впервые за столько лет хоть что-то показалось возможным.

На следующий день Брюно написал короткое, трогательное письмо Мишелю. В нем он сообщал, что счастлив, и сожалел, что они так и не смогли до конца понять друг друга. Он желал ему тоже, по возможности, достичь некоей формы счастья. И подписался: “Твой брат Брюно”.

17

Письмо Брюно застало Мишеля в разгар кризиса его теоретических раздумий. Согласно гипотезе Маргенау, индивидуальное сознание можно уподобить полю вероятностей в пространстве Фока, определяемом как прямая сумма гильбертовых пространств. В принципе, это пространство может быть построено из элементарных электронных событий, происходящих на микроучастках синапсов. Следовательно, нормальное поведение имеет смысл уподобить упругой деформации поля, а акт свободной воли — разрыву: но в какой топологии? Далеко не очевидно, что естественная топология гильбертовых пространств свидетельствует о появлении акта свободной воли; нет даже уверенности в том, что сегодня эту задачу удастся поставить иначе, чем в сугубо метафорических терминах. Однако Мишель был убежден, что новая концептуальная основа необходима. Каждый вечер, перед тем как выключить компьютер, он запрашивал на сайте доступ к опубликованным за день экспериментальным результатам. На следующее утро он изучал их и убеждался, что повсюду в мире

исследовательские центры, похоже, все чаще продвигаются вперед вслепую, эмпирически, что напрочь лишено смысла. Ни один из результатов не приближает их хоть к какому-то выводу, не позволяет даже сформулировать хоть какую-то теоретическую гипотезу. Индивидуальное сознание, похоже, возникло у животных внезапно, без всякой видимой причины и явно намного опередило появление языка. Дарвинисты с их бессознательным финализмом, как обычно, настаивают на гипотетических селективных преимуществах, связанных с возникновением сознания, и, как обычно, это ничего не объясняет, это просто милые абстрактные построения; но антропный принцип в данном случае оказался едва ли более убедительным. Мир обзавелся глазом, способным его созерцать, мозгом, способным его постичь; да, но что с того? Это ничего не добавляло к пониманию феномена возникновения сознания. Самосознание, отсутствующее у нематод, было продемонстрировано у менее специализированных форм, таких как ящерицы *Lacerta agilis,* что, вполне вероятно, объясняется наличием центральной нервной системы и чего-то большего. Это что-то оставалось загадкой; появление сознания, похоже, невозможно связать

ни с какими анатомическими, биохимическими или клеточными данными; это обескураживало.

Как поступил бы Гейзенберг? Как поступил бы Нильс Бор? Отошли бы в сторонку, подумали бы. Прогулялись бы на свежем воздухе, музыку бы послушали. Новое не возникает путем простой интерполяции старого; информация всего лишь наслаивается на информацию, словно горсти песка, она изначально предопределена концептуальными рамками, ограничивающими область эксперимента; сейчас, как никогда, требовалось взглянуть на все это под другим углом.

Дни стояли жаркие и проходили быстро и безрадостно. В ночь на 15 сентября Мишелю приснился необычайно счастливый сон. Он шел рядом с маленькой девочкой, которая ехала верхом через лес, в окружении бабочек и цветов (проснувшись, он понял, что эта картинка, выплывшая из памяти тридцать лет спустя, была заставкой для титров в финале “Принца Сафира”, этот сериал, который он смотрел у бабушки по воскресеньям после обеда, запал ему в душу). В следующее мгновение он брел уже в одиночестве по бескрайней холмистой долине с высокой травой. Линию горизонта он разглядеть не мог; казалось, травянистые холмы уходят вдаль, бес-

конечно повторяясь под ясным небом красивого светло-серого цвета. Тем не менее он двигался дальше, особо не раздумывая и не торопясь; он знал, что на глубине нескольких метров под ним течет подземная река и что его ноги неизбежно, инстинктивно, сами поведут его вдоль нее. Вокруг шелестела на ветру трава.

Проснулся он радостный и бодрый — впервые за те два месяца, что продолжался его длительный отпуск. Он вышел, свернул на проспект Эмиля Золя и зашагал под липами в полном одиночестве. Но одиночество его не беспокоило. На углу улицы Антрепренер он остановился. Было около девяти, магазин “Золяколор” как раз открывался, и продавщицы-азиатки рассаживались за кассами. Небо в просветах между башнями Богренель казалось на удивление чистым; какой же все это безысходный тупик. Возможно, ему стоит поговорить с соседкой из дома напротив. “20 лет” — журнал про все на свете, она должна хорошо разбираться в жизни общества, ей наверняка известны механизмы, помогающие включиться в жизнь людей, да и про психологические факторы она наверняка что-то понимает; по-видимому, ему есть чему у нее поучиться. Гигантскими шагами, почти бегом, он кинулся назад и взлетел

по лестнице к ее квартире. Он трижды позвонил в дверь, долго не отнимая пальца. Никто не отозвался. Он совсем растерялся и пошел домой. Стоя перед лифтом, он задумался о себе. Что с ним такое? Депрессия? Имеет ли этот вопрос какой-то смысл? За последние несколько лет его квартал заполонили плакаты, призывающие к бдительности и борьбе с Национальным фронтом. Лично он ни за, ни против, и такое безразличие уже само по себе тревожный знак. Общеизвестная *трезвость взгляда* у человека в депрессии, которую, правда, принято описывать как тотальное безразличие к обычным людским заботам, проявляется прежде всего в отсутствии интереса к вопросам действительно малоинтересным. Влюбленного в депрессии еще можно худо-бедно себе представить, а вот уж депрессивного патриота — никогда.

Вернувшись к себе на кухню, он понял, что естественная основа демократии, вера в свободный и рациональный выбор человеком своих действий и, в частности, в свободный и рациональный выбор индивидуальных политических предпочтений является, вероятно, результатом путаницы между понятиями свободы и непредсказуемости. Водовороты вокруг опор моста в

структурном смысле непредсказуемы, но никому тем не менее не придет в голову называть их *свободными.* Он налил себе бокал белого вина, задернул шторы и лег, чтобы подумать. Уравнения теории хаоса не содержат никакой привязки к физической среде, в которой разворачиваются их проявления; и эта универсальность позволяет находить им применение как в гидродинамике, так и в популяционной генетике, как в метеорологии, так и в социологии групп. Их способность к морфологическому моделированию превосходна, но предсказательная — практически нулевая. Уравнения квантовой механики, напротив, позволяют предсказывать поведение микрофизических систем с потрясающей точностью, и даже с абсолютной точностью, если отказаться от всякой надежды вернуться к материалистической онтологии. Установление математической связи между этими двумя теориями по меньшей мере преждевременно, если не вообще невозможно. Однако Мишель был убежден, что формирование аттракторов через эволюционную сеть нейронов и синапсов является ключом к объяснению человеческих мнений и поступков.

В поисках ксерокопии последних публикаций он сообразил, что уже больше недели не доставал

почту. Естественно, в ящике валялись в основном рекламные проспекты. С запуском судна “Коста Романтика” компания TMR намеревалась переосмыслить концепцию круизов класса люкс. Корабль описывался как *настоящий плавучий рай.* Вот как могли бы сложиться — стоит только захотеть! — первые мгновения его путешествия: “Сначала вы попадаете в залитый солнцем центральный холл под огромным стеклянным куполом. На панорамных лифтах поднимаетесь на верхнюю палубу нашего лайнера. Там с огромной обзорной площадки вашему взору словно *на огромном экране* предстанет морской пейзаж”. Он отложил проспекты в сторону, пообещав себе изучить их более подробно. Прогуливаться по верхней палубе, созерцать море в огромное окно, плавать неделями под одним и тем же небом… чем плохо? Тем временем Западная Европа успеет рухнуть под бомбами. И они, посвежевшие и загорелые, высадятся на новом континенте.

А пока надо жить, и жить по возможности весело, разумно и ответственно. В недавнем выпуске “Последних известий Монопри” как никогда много внимания уделялось понятию социальной ответственности предприятий. В очередной раз автор редакционной колонки с гневом об-

рушивался на расхожее мнение, что любители поесть могут забыть о фигуре. Все приоритеты компании “Монопри” с момента ее создания доказывают как раз обратное: богатый ассортимент, самые популярные бренды и скрупулезный выбор продукции. “Сбалансированное питание — доступное желание” — нагло утверждалось в статье. После этой запальчивой и вполне себе ангажированной первой полосы следовала развлекательная часть с умными советами, обучающими играми и прочими напутствиями “хозяйке на заметку”. Мишель не отказал себе в удовольствии подсчитать свое суточное потребление калорий. За последние несколько недель он не подметал, не гладил, не плавал, не играл в теннис и не занимался любовью; единственными тремя видами деятельности, которые он мог пометить галочкой, оказались сидение, лежание и сон. В результате выяснилось, что ему требуется всего 1750 килокалорий в день. Судя по его письму, Брюно то и дело плавал и занимался сексом. Он сделал перерасчет с новыми вводными: энергетические потребности взмыли до 2700 килокалорий в день.

Он получил еще одно письмо — из мэрии Кресиан-Бри. Ввиду работ по расширению автобусной

стоянки возникла необходимость изменить планировку муниципального кладбища и перенести некоторые могилы, в том числе могилу его бабушки. Согласно установленным правилам, при перезахоронении останков должен присутствовать один из членов семьи. Он может записаться на прием в отдел похоронных концессий с 10.30 до 12.00.

18. Встреча после разлуки

На смену автовагону в Креси-ла-Шапель пришел пригородный поезд. Да и сам поселок сильно изменился. Он остановился на вокзальной площади и удивленно огляделся. На проспекте генерала Леклерка, у выезда из Креси, открылся гипермаркет “Казино”. Вокруг тут и там виднелись новые коттеджи и многоэтажки.

Здесь все застроили, когда открылся “Евродисней”, пояснил сотрудник мэрии, особенно после того как линию пригородного метро продлили до Марн-ла-Валле. Сюда решили переселиться многие парижане; цена на землю выросла почти в три раза, и самые стойкие фермеры распродали наконец свои хозяйства. Теперь у нас есть спортклуб, многофункциональный зал и два плавательных бассейна. Что касается правонарушений, то да, существуют еще отдельные недоработки, но не больше, чем везде.

По дороге на кладбище, проходя мимо старых домов и не тронутых временем каналов, он испытывал то смутное, тоскливое чувство, которое всегда возникает, когда возвращаешься в места своего детства. Он пересек сторожевую тропу

и оказался напротив мельницы. Скамейка, на которой они с Аннабель любили сидеть после уроков, никуда не делась. В темных водах плавали против течения крупные рыбины. Солнце на мгновение пробилось из-за туч.

У входа на кладбище Мишеля ждал человек. “Вы ведь…” — “Да”. Как сегодня принято называть могильщиков? В руках у него была лопата и большой черный мешок для мусора. Мишель пошел за ним.

— Вам не обязательно на это смотреть. — буркнул он, направляясь к открытой могиле.

Смерть трудно постигнуть, и человек всегда с большой неохотой смиряется с ее зрительным образом. Мишель видел труп бабушки двадцать лет назад и тогда же поцеловал ее в последний раз. Однако то, что он обнаружил в разрытой яме, поначалу удивило его. Бабушку похоронили в гробу, а во свежевскопанной земле виднелись только щепки, гнилая доска и еще какие-то непонятные белые штучки. Когда Мишель сообразил, на что именно он смотрит, то резко отвернулся, заставив себя смотреть в другую сторону, но было поздно. Он успел увидеть испачканный в земле череп с клочьями седых волос и пустыми глазницами. Он увидел разбросанные позвонки с

налипшей грязью. Он все понял.

Рабочий запихивал останки в полиэтиленовый мешок, поглядывая на подавленного Мишеля.

— Вечно одно и то же… — проворчал он. — Вот же им невмоготу, дай взглянуть — и хоть ты тресни. Гроб не может простоять двадцать лет! — сказал он с какой-то даже злостью.

Мишель ждал поодаль, пока тот перекладывал содержимое мешка на новое место. Закончив, он поднялся и подошел к нему.

— Вы в порядке? — Мишель кивнул. — Надгробие перенесут завтра. Распишитесь в ведомости.

Вот, значит, как. Вот, значит, как бывает двадцать лет спустя. Перемешанные с землей кости и копна седых волос, на удивление *многочисленных* и живых. Он вспомнил, как бабушка вышивала, сидя перед телевизором, как шла на кухню. Вот, значит, как. Проходя мимо “Спортивного бара”, он осознал, что его трясет. Он зашел и заказал пастис. Сел и понял, что запомнил этот бар совсем другим. Теперь тут появился бильярдный стол, видеоигры и телевизор, по которому крутили музыкальные клипы MTV. Рекламный щит с обложкой *Newlook* завлекал фантазмами Зары Уайтс и австралийской белой акулой. Постепенно он погрузился в легкую дрему.

Аннабель узнала его первой. Она расплатилась за пачку сигарет и уже шла к выходу, когда увидела его. Он ссутулившись сидел за столиком. Она замешкалась на две-три секунды, затем подошла. Он поднял голову. “Вот так сюрприз…” — тихо сказала она и села напротив него на молескиновую банкетку. Она почти не изменилась. Лицо осталось невероятно гладким и чистым, волосы — ослепительно светлыми; неужели ей уже сорок, невероятно, она выглядит максимум на двадцать семь — двадцать восемь.

Аннабель заехала в Креси практически по тем же причинам, что и он.

— Отец умер неделю назад, — сказала она. — От рака кишечника. Он долго мучился и очень страдал от болей. Я тут осталась ненадолго, чтобы помочь маме. А вообще я живу в Париже — как и ты.

Мишель опустил глаза, на мгновение воцарилась тишина. За соседним столиком двое молодых людей обсуждали соревнования по карате.

— С Брюно я столкнулась случайно, года три назад, в аэропорту. Он сказал, что ты стал известным ученым, признанным специалистом в своей области. А еще он сказал, что ты так и не женился.

Ну, я-то особыми успехами похвастаться не могу. Работаю библиотекарем в муниципальной библиотеке. Я тоже не вышла замуж. Я часто думала о тебе. Я тебя возненавидела, ведь ты не отвечал на мои письма. Прошло двадцать три года, но иногда я все еще думаю об этом.

Она проводила его на вокзал. Вечерело, было уже около шести. Они остановились на мосту через Гранд-Морен. Смотрели на водные растения, каштаны и ивы, на спокойную зеленую воду. Коро любил этот пейзаж и несколько раз писал его. Неподвижный старик, сидевший в своем саду, был похож на пугало.

— Мы с тобой оказались в одной точке, — сказала Аннабель. — На одинаковом расстоянии от смерти.

Перед самым отправлением поезда она вскочила на подножку и поцеловала его в щеку.

— Мы еще увидимся, — сказал он.

Она ответила:

— Да.

Она пригласила его поужинать у нее в следующую субботу. Она жила в маленькой студии на улице Лежандр. Несмотря на тесноту, она тут все очень уютно устроила, — потолок и стены были обшиты темным деревом, как в корабельной

каюте.

— Я живу здесь уже восемь лет, — сказала она. — Переехала, когда сдала экзамен на библиотекаря. До этого работала на TF1, в отделе копродукций. Мне там надоело, телевизионная тусовка — это не мое. На новом месте я получаю втрое меньше, ну и ладно, мне так даже лучше. Сейчас я в детском отделе районной библиотеки 17-го округа.

Она приготовила карри из баранины с чечевицей по-индийски. За едой Мишель говорил мало. Он расспросил Аннабель о ее семье. Ее старший брат возглавил семейный бизнес. Он женат, у него трое детей — мальчик и две девочки. К сожалению, в фирме возникли проблемы, конкуренция в секторе прецизионной оптики ужесточилось, они несколько раз оказывались на грани банкротства. Он топит горе в пастисе и голосует за Ле Пена. Младший брат служит в департаменте маркетинга компании “Л’Ореаль”; недавно его перевели в США, он теперь директор по маркетингу по всей Северной Америке. Разведен, детей нет. Судьбы у братьев разные, но в равной степени показательные.

— Мне не досталось счастья в жизни, — сказала Аннабель. — Наверное, я придавала слишком

большое значение любви. Слишком легко отдавалась, мужчины, добившись своего, бросали меня, а я страдала. Мужчины занимаются любовью не потому, что влюблены, а потому, что возбуждены, — мне потребовались годы, чтобы постичь эту банальную истину. Вокруг меня все так жили, я выросла в среде, где царила свобода нравов, но строить глазки, соблазнять — все это мне не доставляло ни малейшего удовольствия. Я и к сексу уже не испытывала ничего кроме отвращения: мне все осточертело — и то, как они торжествующе ухмылялись, когда я снимала платье, как кончали с мудацким видом, а главное, как хамили напоследок. Они все казались мне жалкими, бесхарактерными, самодовольными. Знаешь, как больно, когда тебя считают просто куском мяса, пусть даже высшей категории, — экстерьер у меня был идеальный, и они с гордостью водили меня в ресторан. Только однажды мне показалось, что я испытываю что-то серьезное, и я съехалась с одним парнем. Он был актером, с довольно нестандартной внешностью, но успеха он так и не добился, и за квартиру платила в основном я. Мы прожили вместе два года, я забеременела. Он попросил меня сделать аборт. Я сделала аборт, но, вернувшись из кли-

ники, поняла, что между нами все кончено. В тот же вечер я ушла от него и на некоторое время поселилась в гостинице. Мне исполнилось тридцать, я сделала второй аборт, меня все достало. Шел 1988 год, все стали понемногу осознавать опасность СПИДа, но лично я восприняла его как освобождение. Я переспала с десятками мужчин, но вспомнить, право, не о чем. Сейчас принято думать, что поначалу в жизни знай себе тусуешься и развлекаешься; потом начинает маячить образ смерти. Все мужчины, которых я знала, страшно боялись постареть и только и думали, что о своем возрасте. Эта одержимость настигает их очень рано — порой аж лет в двадцать пять, сама видела, — и со временем она лишь усугубляется. Я решила остановиться, выйти из игры. Теперь я веду размеренную безрадостную жизнь. По вечерам читаю, завариваю себе травяные чаи, ну, пью что-нибудь горячее. На выходные езжу к родителям, присматриваю за племянниками и племянницами. Конечно, мне нужен мужчина рядом, иногда мне бывает страшно по ночам, я с трудом засыпаю. Транквилизаторы и снотворное уже не очень помогают. Честно говоря, мне хочется, чтобы жизнь пролетела как можно быстрее.

Мишель промолчал; он не удивился. У боль-

шинства женщин юность проходит бурно, у них на уме одни мальчики и секс, а потом им постепенно становится скучно, надоедает раздвигать ноги или выгибаться, чтобы отклячить попу, они жаждут нежных отношений, но увы. Они жаждут страсти, хотя уже не способны по-настоящему испытать ее, и тогда для них наступают трудные времена.

Разложенный диван-кровать занял почти все свободное пространство.

— Я впервые им пользуюсь, — сказала она.

Они легли рядом и обнялись.

— Я давно не принимаю противозачаточные, и у меня дома нет презервативов. А у тебя?

— Нет… — Его насмешила эта мысль.

— Хочешь, я возьму в рот?

Он задумался и чуть погодя ответил:

— Да.

Это было приятно, но никаких острых ощущений он не испытал (собственно, он их никогда и не испытывал; сексуальное удовольствие, невероятно интенсивное у одних, бывает совсем пресным и невыразительным у других; интересно, это вопрос воспитания, нейронных связей или чего-то еще?). Но в этой фелляции ему почудилось скорее что-то трогательное, она

как бы символизировала их воссоединение и прерванную судьбу. Зато с каким удовольствием он обнял Аннабель потом, когда она отвернулась и задремала. Ее тело оказалось нежным и податливым, теплым и ужасно приятным на ощупь; у нее была очень тонкая талия, широкие бедра и маленькая упругая грудь. Он просунул ногу между ее ног, положил ладони ей на живот и на грудь; ему было мягко и тепло, как в первый день творения. Он почти сразу заснул.

Сначала ему привиделся человек, просто фрагмент пространства в одежде; открытым оставалось только лицо. В центре лица сверкали глаза, но их выражение не поддавалось расшифровке. Он стоял перед зеркалом. При первом взгляде в зеркало у человека возникло ощущение, что он проваливается в пустоту. Но потом он сел, устроился поудобнее и попытался рассмотреть свое отражение как таковое, как независимый мысленный образ, подлежащий передаче другому; не прошло и минуты, как им овладело относительное безразличие. Но стоило ему на несколько секунд отвернуться, как все приходилось начинать сначала и опять так же мучительно — подобно тому как глаз присматривается к близкому предмету — разрушать чувство

самоотождествления с собственным отражением. Осознание своего “я” — это повторяющийся временами невроз, и человек еще далек от излечения.

Потом он увидел белую стену, внутри которой возникали буквы. Постепенно они укрупнялись, образуя подвижный барельеф, охваченный тошнотворной пульсацией. Сначала из них сложилось слово МИР, потом ВОЙНА, потом снова МИР. И вдруг все прекратилось, поверхность стены расправилась. По разжиженной атмосфере прокатилась волна; солнце стало огромным и желтым. Он увидел место, где образуется корень времени. От него по всей вселенной расходились усики, узловатые в центре, со склизкими холодными кончиками. Эти усики стискивали, связывали и склеивали фрагменты пространства.

Он увидел мозг мертвого человека — фрагмент пространства, содержащий пространство.

Наконец, он увидел ментальную совокупность пространства и ее противоположность. Увидел ментальный антагонизм, раскалывающий пространство, и его исчезновение. Увидел пространство как тончайшую линию, разделяющую две сферы. В первой сфере — бытие и разобщение;

во второй — небытие и исчезновение отдельного человека. Спокойно, не раздумывая, он повернулся и шагнул во вторую сферу.

Он встрепенулся и сел в постели. Рядом с ним мирно дышала Аннабель. Ее будильник *Sony* в форме куба показывал 03:37. Удастся ли ему снова заснуть? Ему обязательно надо заснуть. Он захватил с собой ксанакс.

На следующее утро она сварила ему кофе; сама она пила чай с тостами. День выдался солнечный, но уже прохладный. Она смотрела на его обнаженное тело, не утратившее подростковой худобы, даже странно. Им по сорок лет, в это трудно поверить. Но она уже не может иметь детей, слишком высок риск врожденных пороков: его мужская сила тоже в значительной степени ослабла. С точки зрения интересов вида, они просто стареющие особи, весьма сомнительной генетической ценности. Ей-то есть что вспомнить; она нюхала кокаин, участвовала в оргиях, ночевала в роскошных отелях. Оказавшись благодаря своей красоте в эпицентре движения за освобождение нравов, отметившего собой годы ее юности, она особенно сильно от него пострадала — можно сказать, поплатилась жизнью. Он же, оказавшись благодаря свойственному ему безраз-

личию, на периферии этого движения, равно как и человеческой жизни да и вообще всего остального, был затронут им лишь по касательной; он стал постоянным клиентом ближайшего “Монопри” и руководил исследованиями в области молекулярной биологии, ему хватало. Их столь различные судьбы почти не оставили явных следов в их существовавших врозь телах; но жизнь сама справилась с разрушительной работой, постепенно затрудняя процесс воспроизводства их клеток и органелл. Они переглянулись в ярких лучах осеннего утра — разумные млекопитающие, которые могли бы полюбить друг друга.

— Я знаю, уже поздно, — сказала она. — Но я бы все же попыталась. У меня до сих пор хранится проездной билет 74/75 учебного года — последнего года, когда мы вместе ходили в лицей. Я смотрю на него, и мне всякий раз хочется плакать. Я не понимаю, как мы могли все так просрать. Я не могу с этим смириться.

19

В период самоубийства Запада у них, понятное дело, не было шансов. Но они все-таки продолжали видеться пару раз в неделю. Аннабель после долгого перерыва пошла к гинекологу и снова начала пить таблетки. Ему удавалось проникать в нее, но больше всего ему нравилось просто спать рядом с ней, ощущать ее тепло и близость. Однажды ночью ему приснился парк аттракционов в Руане, на правом берегу Сены. Почти пустое колесо обозрения вращалось на фоне мертвенно-бледного неба, под ним виднелись очертания севших на мель грузовых судов с изъеденными ржавчиной металлическими каркасами. Он шел между какими-то бараками тусклых и при этом кричащих цветов; ледяной ветер с дождем хлестал его по лицу. Едва он добрался до выхода из парка, как на него напали вооруженные бритвами юнцы в коже. Поиздевавшись над ним несколько минут, они его отпустили. Кровь заливала ему глаза, он знал, что ослеп навсегда, правая рука была наполовину отрублена; но, несмотря на кровь и боль, он знал также, что Аннабель останется с ним и будет вечно согревать

его своей любовью.

На уикенд Всех Святых они вместе поехали в Сулак, в загородный дом брата Аннабель. На следующее утро после приезда отправились на пляж. Он быстро устал и сел на скамейку, а она пошла дальше. Море грохотало, мягко закручиваясь в серо-серебристые буруны, насколько хватало глаз. Волны, разбиваясь о песчаные отмели, вздымали на горизонте красивую, искрящуюся на солнце дымку. Силуэт Аннабель в светлой куртке, почти неразличимый вдалеке, двигался у самой воды. Старая немецкая овчарка сновала между белой пластиковой мебелью “Пляжного кафе”, тоже едва заметная, словно стертая взвесью из воздуха, брызг и солнца.

На ужин Аннабель пожарила морского окуня; общество, в котором они жили, позволяло им иногда выходить за рамки строгого удовлетворения потребностей в пище; то есть они могли попытаться жить; но дело в том, что им уже не очень этого хотелось. Он сострадал ей, сострадал тем огромным запасам любви, которая, он чувствовал, трепещет в ней, любви, которую жизнь пустила по ветру; он сострадал, и это, пожалуй, единственное человеческое чувство, которое еще не было ему чуждо. Ледяное равнодушие сковало

его тело; он правда не мог больше любить.

После возвращения в Париж им еще выпадали радостные моменты, совсем как в рекламе духов (они сбегали по лестницам Монмартра; застывали в обнимку на мосту Искусств, внезапно выхваченные огнями речных корабликов, которые как раз разворачивались в этом месте). А еще им выпадали мелкие размолвки в воскресных сумерках, и мгновения тишины, когда тело изгибается в простынях, и долгие промежутки тишины и скуки, когда распадается жизнь.

В студии Аннабель было так темно, что свет приходилось включать в четыре часа дня. Им случалось грустить, но главное, они всегда сохраняли серьезность. Они оба знали, что проживают сейчас свои последние подлинные отношения, и это чувство придавало каждой минуте, проведенной вместе, что-то душераздирающее. Они испытывали друг к другу огромное уважение и бесконечную жалость. Бывали, правда, дни, когда по милости какого-то внезапного волшебства они наслаждались дуновением свежего воздуха, ярким и бодрящим солнечным светом; но чаще всего их не покидало ощущение, что в них самих и над землей, которая их носит, растекается серая мгла, и во всем им чудился конец.

20

Брюно с Кристианой тоже вернулись в Париж — а куда же им было деться. В начале первого рабочего дня он подумал о незнакомом враче, который преподнес им этот неслыханный подарок — две недели фальшивого отпуска по болезни, — и пошел на службу на улицу Гренель. Поднявшись на свой этаж, он понял, что загорел и пышет здоровьем, так что выглядит эта болезнь весьма комично; еще он понял, что ему наплевать. Его коллеги, их рефлексивные семинары, воспитание подростков в духе гуманизма, мультикультурализма… все потеряло всякое значение в его глазах. Кристиана сосала ему член и ухаживала за ним, когда он болел; Кристиана имела значение. В это самое мгновение он понял, что больше не увидит сына.

Патрис, сын Кристианы, оставил после себя в квартире ужасный бардак: на полу, местами прожженном, валялись растоптанные куски пиццы, банки из-под кока-колы и окурки. Кристиана на мгновение замешкалась, чуть было не ушла ночевать в гостиницу, но потом решила навести порядок, войти в колею. Нуайон — грязный, тоск-

ливый и опасный город, поэтому она привыкла уезжать на выходные в Париж. Почти каждую субботу они ходили в ночные клубы для пар — в “2+2”, “Крис и Маню”, “Свечи”. Первый вечер у “Криса и Маню” оставил у Брюно чрезвычайно яркие воспоминания. Рядом с танцполом было несколько залов, залитых странным сиреневым светом; в них вплотную стояли кровати. Кругом трахались парочки, ласкали и облизывали друг друга. Большинство женщин раздевались полностью, некоторые оставались в блузках или футболках, а то и просто задирали платья. В самом просторном зале помещалось десятка два пар. Тут почти никто не разговаривал, слышно было только гудение кондиционера и прерывистое дыхание женщин на грани оргазма. Он сел на кровать рядом с высокой брюнеткой с тяжелой грудью, которую лизал мужчина лет пятидесяти, в рубашке и при галстуке. Кристиана спустила молнию на его брюках и стала ему дрочить, поглядывая по сторонам. Подошел какой-то мужик и сунул руку ей под юбку. Она расстегнула застежку, и юбка соскользнула на ковер — под ней ничего не было. Мужик опустился на колени и стал ласкать ее, пока она дрочила Брюно. Рядом с ним все громче стонала брюнетка; он взял в

руки ее груди. У него стоял как у волка на морозе. Кристиана коснулась его губами и принялась ласкать ему кончиком языка шейку и уздечку. К ним подсела еще одна пара. Миниатюрная рыжеволосая девушка лет двадцати пяти в черной мини-юбке из кожзаменителя смотрела, как Кристиана его лижет; Кристиана улыбнулась ей и вздернула футболку, показала ей свою грудь. Девушка подняла юбку, обнажив лобок с такими же рыжими густыми волосами. Кристиана взяла ее руку и поднесла к члену Брюно. Она дрочила ему, а Кристиана снова касалась его языком. В считаные секунды, содрогаясь от неподвластного ему наслаждения, он кончил ей на лицо. Тут же выпрямился и обнял ее.

— Прости меня, — сказал он. — Прости. — Она поцеловала его, прижалась к нему, и он почувствовал свою сперму на ее щеках.

— Не страшно, — сказала она нежно, — правда не страшно. Хочешь, уйдем отсюда? — предложила она чуть погодя.

Он печально кивнул, возбуждение его иссякло. Они быстро оделись и ушли.

В последующие несколько недель ему удавалось сдерживаться подольше, и это положило начало хорошему, счастливому периоду его жизни.

Теперь она обрела смысл, хотя и ограничивалась выходными, проведенными с Кристианой. В отделе здоровья магазина “Фнак” он обнаружил книгу американской сексологини, утверждавшей, что она может научить мужчин контролировать эякуляцию при помощи ряда упражнений, постепенно увеличивая их сложность. Основная идея заключалась в том, чтобы натренировать небольшую дугообразную мышцу, расположенную чуть ниже яичек, — лобково-копчиковую. Если перед самым оргазмом с силой ее сократить, сопроводив это движение глубоким вдохом, то, в принципе, получится сдержать семяизвержение. Брюно начал упражняться; цель стоила того, чтобы к ней стремиться. Всякий раз во время их загулов он с удивлением наблюдал, как мужчины, даже постарше его, драли баб одну за другой, а те им часами дрочили и сосали, и они ни разу не сдулись. Его также смущало, что у большинства из них члены были гораздо толще его собственного. Кристиана твердила ему, что это не важно, что для нее это не имеет никакого значения. Он верил ей, она явно в него влюбилась; но ему казалось все же, что многие женщины, с которыми он имел дело в этих заведениях, испытывали легкую досаду, когда он доставал

член. Он ни разу не услышал ни единого упрека, все были безупречно вежливы, тут вообще царила дружелюбная и куртуазная атмосфера; но взгляд не обманет, и понемногу он убедился, что в сексуальном плане он тоже не на высоте. Правда, ему выпадали минуты неслыханного наслаждения, молниеносного, полуобморочного, когда из него исторгался настоящий вой, но это не имело никакого отношения к мужской мощи, скорее свидетельствовало о восприимчивости и чувствительности его органов. Впрочем, в ласках ему равных нет, уверяла Кристиана, и он знал, что так оно и есть, редко когда ему не удавалось довести женщину до оргазма. Примерно в середине декабря он заметил, что Кристиана похудела, ее лицо покрылось красными бляшками. Боль в спине не проходит, говорила она, ей пришлось увеличить дозу лекарств, а худоба и бляшки — просто их побочные эффекты. Она поспешила сменить тему; он почувствовал, что она смутилась, и у него остался неприятный осадок от их разговора. Она наверняка способна соврать, чтобы его успокоить: слишком она милая, слишком добрая. В субботу вечером она обычно готовила вкусный ужин, и, поев, они шли в клуб. Она надевала юбки с разрезом, прозрач-

ные топы, пояса с подвязками, а иногда и боди с отверстием в промежности. У нее там всегда становилось так нежно, влажно, восхитительно. Они проводили прекрасные вечера, он о таком и мечтать не смел. Когда Кристиану пускали по кругу, ее сердце вдруг захлебывалось, начинало бешено колотиться, она покрывалась испариной, и Брюно пугался. Тогда они останавливались; она прижималась к нему, целовала его, гладила по голове и шее.

21

Конечно, и тут не стоило ждать спасения. Мужчины и женщины, посещающие ночные клубы для пар, быстро отказываются от поиска удовольствия (требующего чуткости, деликатности и неторопливости) в пользу фантазматического секса, лишенного всяких искренних чувств, по сути тупо скопированного со сцен *гэнг-бэнга* в “модных” порнофильмах из программы “Канала плюс”. В память о Марксе, положившем в основу своей системы этакой тлетворной энтелехией загадочный тезис “тенденция нормы прибыли к понижению”, забавно было бы предложить соответствующую “тенденцию нормы удовольствия к понижению” для той системы либертинажа, в которую вступили Брюно и Кристиана. Но это грешило бы упрощенностью и неточностью. Желание и удовольствие, вторичные культурные и антропологические феномены, практически ничего не объясняют в сексуальности. Они отнюдь не являются определяющими факторами и, в сущности, сами насквозь детерминированы в социологическом отношении. В условиях моногамной системы, основанной на роман-

тике и любви, их можно достичь только при посредничестве любимого человека, по идее, одного-единственного. В либеральном обществе, в котором жили Брюно и Кристиана, сексуальная модель, предлагаемая официальной культурой (реклама, иллюстрированные журналы, социальные учреждения и здравоохранение), имела форму *приключения:* в рамках такой системы желание и удовольствие возникают в результате процесса *соблазнения,* ставящего во главу угла новизну, страсть и креативность (эти качества, кстати, также требуются от ряда служащих в их профессиональной среде). Снижение значимости интеллектуальных и моральных критериев соблазнения в пользу сугубо физических постепенно привело завсегдатаев таких клубов к несколько иной, *десадовской,* системе, которую можно считать фантазмом официальной культуры. В рамках этой системы все пенисы в равной степени твердые и огромные, груди силиконовые, лобки бритые, промежности мокрые. Обычно читательницы *Connexion* или *Hot Video,* посещающие клубы для пар, ставили перед собой простую цель на вечер: впустить в себя побольше толстых членов. Следующим этапом становились садо-мазо клубы. Наслаждение — дело привычки,

как сказал бы, наверное, Паскаль, если бы его интересовали подобные вещи.

Брюно с его тринадцатисантиметровым членом и не слишком частыми эрекциями (он никогда, разве что в ранней юности, не мог долго продержаться, и с тех пор промежуток между двумя эякуляциями заметно удлинился: ну да, а что, он уже не первой молодости) действительно нечего было делать в такого рода заведениях. Но он был счастлив, что в его распоряжении оказалось больше пёзд и ртов, чем в самых смелых его мечтах, и понимал, что обязан этим только Кристиане. Самыми сладостными ему казались те минуты, когда она ласкала других женщин; ее мимолетные партнерши всегда приходили в восторг от ловкости ее языка и мастерства пальцев, находивших и возбуждавших их клитор; к сожалению, девушки решали воздать должное им обоим, и нередко их ждало разочарование. Их вагины, несоразмерно растянутые многократными проникновениями и грубыми пальцами (иногда им туда запускали несколько пальцев, а то и всю руку), были не отзывчивее шмата сала. Подражая бешеному темпу порноактрис, они дрочили ему как безумные, словно держали в руке бесчувственный отросток плоти, причем

совершали это идиотскими поршневыми движениями (вездесущая музыка техно в ущерб более изысканным эротическим ритмам, безусловно, способствовала чрезмерной механистичности этих манипуляций). Он быстро и без особого удовольствия кончал, чем и завершался для него вечер. Они оставались еще на полчаса — час; Кристиана отдавалась всем по цепочке, пытаясь его взбодрить, как правило безуспешно. Наутро они снова занимались любовью; образы прошедшей ночи возвращались к нему, смягченные полудремой; тогда наступали мгновения, исполненные необыкновенной нежности.

Идеальным вариантом было бы пригласить домой несколько тщательно отобранных пар и скоротать вместе вечерок за дружеской болтовней и ласками. Рано или поздно так они и поступят, Брюно в глубине души ничуть в этом не сомневался; кроме того, ему надо возобновить упражнения для укрепления мышц, предложенные американской сексологиней; роман с Кристианой принес ему больше радости, чем любое другое событие в его жизни, и стал очень важной и серьезной историей. По крайней мере так он думал порой, наблюдая за тем, как она одевается или возится на кухне. Однако в будни,

когда ее не было рядом, у него периодически возникало предчувствие, что все это обернется злым розыгрышем, последней гнусной шуткой бытия. Наше несчастье достигает апогея, только когда счастье уже поманило и показалось совсем близким.

Трагедия произошла однажды ночью, в феврале, в центральном зале у “Криса и Маню”. Брюно лежал на матрасе, откинувшись на подушки, и держал за руку Кристиану, которая, стоя на коленях, делала ему минет. Она широко расставила ноги, предлагая себя проходившим мимо мужчинам, которые, надев презерватив, по очереди брали ее сзади. Пятеро из них уже пришли и ушли, а она даже не удостоила их взглядом; полузакрыв глаза, словно во сне, она водила языком по члену Брюно, словно исследуя его сантиметр за сантиметром. Вдруг у нее вырвался короткий одинокий крик. Парень, стоявший позади нее, кудрявый здоровяк, продолжал упрямо трахать ее мощными толчками; взгляд у него был пустой, остекленевший. “Хватит! Хватит!” — закричал Брюно, то есть ему показалось, что он закричал, на самом деле голос изменил ему и он лишь слабо взвизгнул. Вскочив, он грубо отпихнул мужика, и тот, опустив руки, так и застыл с возбужденным

членом. Кристиана повалилась на бок, ее лицо исказилось от боли.

— Можешь пошевелиться? — спросил он.

Она покачала головой; он бросился к бару и попросил телефон. Бригада скорой помощи приехала через десять минут. Все участники вечеринки успели одеться и в полной тишине наблюдали, как санитары поднимают Кристиану и кладут ее на носилки. Брюно тоже забрался в машину и сел рядом с ней: они находились неподалеку от больницы Отель-Дьё. Несколько часов он прождал в покрытом линолеумом коридоре, а потом пришел дежурный ординатор и сообщил, что Кристиана спит и ее жизни ничего не угрожает.

В воскресенье у нее взяли образец костного мозга; Брюно вернулся около шести. Было уже темно, над Сеной моросил холодный дождь. Кристиана сидела в постели, опираясь на груду подушек. Увидев его, она улыбнулась. Диагноз оказался прост: необратимый некроз копчиковых позвонков. Она уже несколько месяцев знала, что это может произойти в любой момент, лекарства немного замедлили процесс, но не остановили его. Хуже ей не будет, новых осложнений опасаться не стоит, но ноги останутся парализованными

навсегда.

Через десять дней ее выписали; Брюно ждал ее. Теперь ситуация изменилась; жизнь состоит из длинных невнятных периодов скуки, она вообще чаще всего необычайно тосклива, а потом вдруг резко сворачивает в сторону, и это уже навсегда. Теперь у Кристианы будет пенсия по инвалидности, ей больше никогда не придется работать; она даже имеет право на бесплатную помощь по дому. Она подъехала к нему в кресле, она еще неловко с ним управлялась — надо приспособиться, силы в руках не хватает. Он поцеловал ее в щеки, потом в губы.

— Теперь, — сказал он, — тебе самое время переехать ко мне. В Париж.

Она подняла к нему лицо, заглянула в глаза; он не смог выдержать ее взгляда.

— Ты уверен? — спросила она очень мягко. — Ты уверен, что хочешь этого? — Он не ответил или, по крайней мере, помедлил с ответом. Он молчал, и через полминуты она добавила: — Ты не обязан этого делать. У тебя еще есть немного времени впереди, зачем тратить жизнь на уход за калекой.

Современное сознание уже не приспособлено к нашему смертному жребию. Никогда, ни в какую

другую эпоху, ни в какой другой цивилизации люди не размышляли о своем возрасте так долго и упорно; у всех есть свое представление о простом будущем: наступит момент, когда сумма боли перевесит сумму физических удовольствий, которые еще можно пока ожидать от жизни (короче, человек чувствует, как у него внутри тикает счетчик, причем тикает он всегда в одном и том же направлении). Этот рациональный сравнительный анализ наслаждений и страданий рано или поздно вынужден произвести каждый, но начиная с определенного возраста такой анализ неизбежно подводит к самоубийству. В связи с этим интересно отметить, что Делёз и Дебор, два авторитетных мыслителя конца века, оба покончили с собой без особых на то причин, просто потому, что не могли смириться с перспективой собственной физической деградации. Их самоубийства не вызвали ни удивления, ни обсуждений; да и вообще самоубийства пожилых людей — самые распространенные на сегодняшний день — представляются нам сейчас вполне закономерными. Следует также отметить симптоматичность реакции общества на перспективу теракта: в подавляющем большинстве случаев люди предпочитают погибнуть мгновенно, лишь

бы их не покалечили или даже не изуродовали. Отчасти, конечно, по той причине, что им жить слегка надоело, но в основном потому, что ничто, смерть в том числе, не пугает их так, как жизнь в ущербном теле.

Он свернул с трассы у Ла-Шапель-ан-Серваль. Проще всего было бы врезаться в дерево, проезжая через Компьенский лес. Он тогда замешкался на несколько секунд, и этого хватило; бедная Кристиана. Он раздумывал еще несколько лишних дней, собираясь позвонить ей. Он знал, что она сидит одна с сыном в своем социальном жилье, представлял ее в инвалидном кресле, рядом с телефоном. Зачем тратить жизнь на уход за калекой, так она сказала, и он знал, что она умерла, не испытывая к нему ненависти. Ее искореженное инвалидное кресло валялось возле почтовых ящиков, у подножия лестницы. Лицо в кровоподтеках, перелом шеи. Она указала Брюно как “контакт на случай ЧП”; она умерла по дороге в больницу.

Похоронный комплекс находился недалеко от Нуайона, по дороге на Шони, он свернул туда сразу после Бабёфа. В белом сборном строении его ждали два сотрудника в синих рабочих комбинезонах. Внутри было ужасно натоплено,

повсюду стояли радиаторы, ему это напомнило аудиторию в техническом лицее. Панорамные окна выходили на низкие современные здания в зоне смешанной застройки. Гроб, еще открытый, водрузили на постамент. Брюно подошел, увидел тело Кристианы и почувствовал, что валится назад; он сильно ударился головой об пол. Сотрудники осторожно поставили его на ноги. “Плачьте! Надо плакать!” — настойчиво уговаривал его тот, что постарше. Он покачал головой, понимая, что у него не выйдет. Тело Кристианы никогда уже не сможет двигаться, дышать и говорить. Тело Кристианы никогда уже не сможет любить, у этого тела не будет впредь никакой судьбы, и в этом виноват он. На этот раз все карты сданы, все партии сыграны, и последняя из них закончилась сокрушительным проигрышем. Он был способен на любовь не больше, чем его родители в свое время. В какой-то странной отрешенности чувств, словно воспарив в нескольких сантиметрах над землей, он увидел, как служащие завинчивают крышку шуруповертом. Он прошел за ними к “стене скорби” — трехметровой серой бетонной стене, на которой одна над другой располагались погребальные ячейки; примерно половина из них пустовала. Старший сотрудник, сверившись

с инструкцией, направился к ячейке 632, его коллега катил следом гроб на ручной тележке. Было сыро и холодно, даже дождь полил. Ячейка 632 оказалась где-то посередине, на высоте приблизительно полутора метров. Плавным, сноровистым движением, управившись всего за пару секунд, служащие подняли гроб и задвинули его в нужный отсек. С помощью пневматического пистолета залили в щель немного быстросохнущего бетона, после чего старший попросил Брюно расписаться в ведомости. Уходя, он сказал, что Брюно может остаться тут и отдать дань памяти покойной, если пожелает.

Брюно возвращался по трассе A1 и к одиннадцати добрался уже до кольцевой. Он взял в лицее отгул, не предполагая, что церемония окажется такой короткой. Съехав у Порт-де-Шатийон, он припарковался на улице Альбера Сореля, прямо напротив дома своей бывшей жены. Ждать пришлось недолго: через десять минут, свернув с авеню Эрнеста Рейера, появился его сын с ранцем на спине. Он выглядел озабоченным и разговаривал сам с собой на ходу. Интересно, о чем он думает? По словам Анны, он рос довольно одиноким мальчиком: вместо того чтобы обедать в школе вместе со всеми, шел домой и разогре-

вал себе еду, которую она оставляла ему утром, перед уходом. Страдал ли он от отсутствия отца? Наверное, но он ничего не говорил об этом. Дети кое-как терпят мир, который построили для них взрослые, стараются изо всех сил приспособиться к нему, а потом, как правило, его воспроизводят. Виктор подошел к двери и набрал код; он стоял всего в нескольких метрах от машины, но его не заметил. Брюно взялся за ручку дверцы и чуть приподнялся. Дверь подъезда закрылась за мальчиком, Брюно замер на несколько секунд, потом бессильно откинулся на сиденье. Что он мог сказать своему сыну, какой дать наказ? Никакого. Ровным счетом. Он знал, что его жизнь закончилась, но не понимал, что такое конец. Все было так мрачно, расплывчато, мучительно.

Он тронулся с места и поехал по Южной трассе. На развязке у Антони свернул в сторону Воалана. Психиатрическая клиника Министерства образования находилась недалеко от Веррьер-ле-Бюиссона, совсем рядом с Веррьерским лесом; он хорошо его помнил. Он поставил машину на улице Виктора Консидерана и прошел несколько метров до ворот. Он узнал дежурного санитара.

— Я вернулся, — сказал он.

22. Конечная станция – Саорж

Рекламные кампании настолько сфокусированы на привлечении молодежного сегмента рынка, что зачастую ошибочно выбирают стратегии, в которых снисходительность усугубляется карикатурностью и насмешкой. Чтобы компенсировать столь характерную для нашего общества неспособность услышать собеседника, необходимо, чтобы каждый сотрудник отдела продаж стал нашим “послом” в мире пожилых людей.

Коринн Меги, Истинное лицо пенсионеров

Возможно, именно так все и должно было закончиться, возможно, не существовало иного пути, иного выхода. Возможно, следовало распутать то, что переплелось, довести до ума начатое. Итак, Мишелю предстояло отправиться в городок под названием Саорж, расположенный на 44° северной широты и 7°30' восточной долготы, на высоте чуть более 500 метров над уровнем моря. В Ницце он остановился в оте-

ле “Виндзор”, не самом роскошном, с довольно противной атмосферой, один из номеров там оформлен весьма посредственным художником Филиппом Перреном. На следующее утро он сел в поезд Ницца — Танд, знаменитый тем, что он проезжает по живописнейшим местам. Поезд миновал северные пригороды Ниццы с их социальными жилыми комплексами для арабов, рекламными плакатами розового Минителя и шестьюдесятью процентами населения, голосующими за Национальный фронт. За станцией Пейон-Сент-Текль они въехали в туннель; когда поезд вынырнул из него в ослепительный свет, Джерзински увидел на вершине скалы, справа по ходу, фантастические очертания деревни Пейон. Теперь они проезжали через окрестности Ниццы; чтобы полюбоваться местными красотами, люди приезжают из Чикаго и Денвера. Следом начались ущелья Ройя. Джерзински сошел на станции Фантон-Саорж; вещей он с собой не взял; был конец мая; он сошел на станции Фантон-Саорж и прошагал пешком минут тридцать. На полпути ему попался туннель; автомобильного движения тут не было.

Если верить путеводителю “Гид дю Рутар”, который он купил в аэропорту Орли, в деревне

Саорж, нависающей над долиной с головокружительного склона, с ее высокими домами, громоздящимися друг над другом до самой вершины, чувствуется “что-то тибетское”; ну, допустим. Во всяком случае, именно сюда приехала умирать его мать Жанин, переименовавшая себя в Джейн, последние пять лет она жила в Гоа, в западной части полуострова Индостан.

— Все же она решила здесь поселиться и подыхать явно не собиралась, — поправил его Брюно. — Похоже, старая блядь приняла ислам — типа через суфийский мистицизм, какая-то такая хрень. Поселилась с кучкой хипарей в заброшенном доме на окраине деревни. Может, о них больше и не пишут в газетах, но это еще не значит, что хипари и прочие волосатики перевелись. Напротив, их становится все больше, а в условиях безработицы и подавно, я бы даже сказал, что они кишмя кишат. Я тут провел небольшое расследование. — Он понизил голос. — Фокус в том, что они именуют себя *новыми селянами,* а на самом деле плюют в потолок, получая минимальное социальное пособие и левые дотации на горное земледелие.

Он покачал головой с хитрым видом, залпом осушил свой стакан и заказал еще выпить. Они

договорились встретиться в единственном местном кафе “У Жилу”. В этом заведении, увешанном скабрезными открытками, фотками форели в рамках и плакатами здешнего петанк-клуба “Саоржский шар” (в комитет управления клуба входит аж четырнадцать человек), царила старая добрая атмосфера “Охота — Рыбалка — Природа — Традиция” — это вам не неовудстокские штучки, которые так ругал Брюно. Он осторожно вынул из папки листовку, озаглавленную “Руки прочь от бригасских овец!”.

— Я ее ночью напечатал. — сказал он вкрадчиво. — Вчера вечером я разговорился с фермерами. Они еле сводят концы с концами и жутко злятся, их овец просто-напросто истребляют. А все из-за экологов и национального парка Меркантур. Туда снова запустили волков, целые полчища. А волки жрут овец! — Брюно внезапно повысил голос и разрыдался.

Он сообщил Мишелю, что вернулся в психиатрическую клинику в Веррьер-ле-Бюиссоне, причем “вероятно, навсегда”. Видимо, они его выпустили по такому случаю.

— Значит, мать умирает… — вклинился Мишель, пытаясь перейти к делу.

— А я про что! В Кап-д'Агде та же фигня, дюны

там, судя по всему, закрыли для посещения. На них надавило “Общество защиты побережья”, в котором заправляют экологи. Люди же не делали ничего плохого, трахались себе спокойно, но, похоже, крачки выразили недовольство. Крачки — это птички. В задницу птичек! — Брюно оживился. — Они хотят запретить нам устраивать групповуху и есть овечий сыр, вот кто настоящие нацисты. А социалисты с ними заодно. Они против овец, потому что овцы — правые, а волки — левые, но волки похожи на немецких овчарок, а они уж точно ультраправые. Кому прикажешь верить? — Он мрачно покачал головой. — В каком отеле ты остановился в Ницце? — неожиданно спросил он.

— В “Виндзоре”.

— Почему в “Виндзоре”? — Брюно снова занервничал. — Ты что, теперь падок на роскошь? Что на тебя нашло? Лично я, — он выпаливал эти фразы с растущей горячностью, — храню верность “Меркюрам”! Ты хоть потрудился справки навести? Знаешь ли ты, что “Меркюр — Бухта ангелов” предоставляет сезонную систему скидок? В межсезонье номер стоит 330 франков! По цене двух звезд! С нормальным трехзвездочным комфортом, видом на Английскую набережную

и круглосуточным *рум-сервисом!* — Брюно уже почти орал. Несмотря на несколько экстравагантное поведение своего клиента, хозяин "Жилу" (Жилу — это он и есть? — скорее всего) внимательно его слушал. Мужчины вообще страшно интересуются историями про деньги и вопросами соотношения цены и качества, это их характерная особенность.

— А вот и он, наш Мудон! — сказал Брюно совершенно другим, бодрым тоном, указывая на молодого человека, входящего в кафе. Выглядел он года на двадцать два. На нем была военная куртка и футболка "Гринпис", смуглое лицо обрамляли черные волосы, заплетенные в тонкие косички, — словом, модный *растаман.* — Привет, Мудон, — весело воскликнул Брюно. — Знакомься, это мой брат. Что, пора к старушке?

Тот молча кивнул, решив почему-то не поддаваться на провокации.

Дорога пересекала деревню и полого поднималась по склону горы в сторону Италии. Спустившись с высокого холма, они выехали в широкую долину, окаймленную лесами, до границы оставалось всего десять километров. На востоке виднелись заснеженные вершины. Совершенно безлюдный пейзаж казался необъ-

ятным и безмятежным.

— Доктор снова заходил, — пояснил Черный Хиппи. — Она не транспортабельна, и в любом случае сделать уже ничего нельзя. Таков закон природы… — с серьезным видом заключил он.

— Нет, ты слышал? — издевательски заржал Брюно. — Вот же придурок! У них одна "природа" на уме. Она больна, и они ждут не дождутся, когда она сдохнет, как зверь в норе. Это моя мать, Мудон! — величественно объявил он. — Ты только посмотри на его *прикид*. У них там все такие, даже похлеще. Полный отстой.

— Тут очень красивые пейзажи. — рассеянно отозвался Мишель.

Дом из грубого тесаного камня, крытый плитняком, был просторный и низкий; неподалеку тек ручей. Прежде чем войти внутрь, Мишель достал из кармана фотоаппарат *"Canon Prima Mini"* (с зумобъективом 38-105 мм, 1290 франков во "Фнаке"). Он крутанулся вокруг собственной оси, огляделся и очень долго примеривался, прежде чем нажать на спуск; потом присоединился к остальным.

Не считая Черного Хиппи, в большой комнате сидели какое-то невнятное блондинистое существо, явно голландского происхождения, вя-

завшее пончо у камина, и другой хиппи постарше, с длинными седыми волосами, седой бородкой и тонким лицом интеллигентного козла.

— Она тут… — сказал Черный Хиппи, отдернул прибитый к стене кусок ткани и провел их в соседнюю комнату.

Мишель с неподдельным интересом взглянул на человеческую особь с землистым лицом, лежащую ничком на кровати. Особь смотрела, как они входят в комнату. Вообще-то он видит свою мать во второй и, судя по всему, в последний раз в жизни. Его поразила ее крайняя худоба, выступающие скулы, деформированные руки. Кожа у нее потемнела, она еле дышала, ей явно недолго осталось; но над крючковатым, как ему показалось, носом сверкали в полумраке огромные белые глаза. Он осторожно подошел к распростертому телу.

— Не заморачивайся, — сказал Брюно, — она уже не разговаривает.

Может, и нет, но она явно в сознании. Узнала ли она его? Вряд ли. А вдруг она принимает его за отца. Скорее всего. Мишель знал, что поразительно похож на своего отца в том же возрасте. Что бы там ни говорили, некоторые люди, как ни крути, играют в нашей судьбе первостепенную

роль, сообщая ей новый поворот, четко рассекая ее на две части. И для Жанин, переименовавшей себя в Джейн, жизнь поделилась на *до* и *после* отца Мишеля. До встречи с ним она была, по сути, шикарной буржуазной распутницей, а после превратилась в нечто другое, куда более катастрофическое. Слово “встреча” всего лишь фигура речи, на самом деле никакой встречи не состоялось. Они свиделись, произвели на свет потомство, и все. Ей так и не удалось постичь тайну, скрытую в душе Марка Джерзински, не удалось даже приблизиться к ней. Думала ли она об этом в конце своей бесславной жизни? Вовсе не исключено. Брюно рухнул на стул рядом с ее кроватью.

— Ты просто старая блядь, — сказал он назидательным тоном. — Скоро ты сдохнешь, и поделом тебе. — Мишель сел напротив него, в ее изголовье, и закурил. — Хочешь, чтобы тебя кремировали? — вдохновенно продолжал Брюно. — В добрый час, кремируем. А то, что от тебя останется, я ссыплю в горшок и каждое утро, как проснусь, буду ссать на твой прах. — Он довольно покивал; Джейн что-то прохрипела.

Тут появился Черный Хиппи.

— Выпьете что-нибудь? — ледяным тоном

спросил он.

— Конечно, дружище! — завопил Брюно. — Что за вопрос? Давай накатим, Мудон! — Молодой человек вышел и вернулся с бутылкой виски и двумя стаканами. Брюно наполнил стакан до краев и отхлебнул.

— Извините его, он переживает… — еле слышно сказал Мишель.

— Точно, — подтвердил его единоутробный брат. — Дай нам поскорбеть, Мудон. — Прищелкнув языком, он допил виски и налил себе еще. — Пусть лучше не высовываются пидоры эти. — заметил он. — Она оставила им все, что у нее было, а они прекрасно знают, что дети имеют неотъемлемое право на наследство. Вздумай мы оспорить завещание, мы бы точно выиграли.

Мишель промолчал, у него не было никакого желания обсуждать этот вопрос. Внезапно наступила тишина. В соседней комнате тоже никто не разговаривал, было слышно только хриплое, слабеющее дыхание умирающей.

— Она хотела оставаться молодой, вот и все… — сказал Мишель усталым, примиряющим голосом. — Хотела общаться с молодежью, но главное, не с собственными детьми, мы своим видом напоминали ей, что она принадлежит к старше-

му поколению. Это не так трудно объяснить и понять. Я бы уехал прямо сейчас. Думаешь, она скоро умрет?

Брюно в недоумении пожал плечами. Мишель встал и вышел в другую комнату; Седой Хиппи сидел там один, занятый чисткой органической моркови. Он попытался расспросить его, выяснить, что именно сказал доктор, но старый маргинал мог сообщить лишь смутные и не относящиеся к делу сведения.

— Она была солнечным человеком. — сообщил он, держа в руке морковку. — Мы думаем, она готова к смерти, поскольку достигла достаточно высокого уровня духовной самореализации.

Что он имеет в виду? Но зачем вдаваться в подробности. Очевидно, этот старый дурак вообще ничего не говорит, просто издает ртом некие звуки. Мишель нетерпеливо отвернулся и пошел к Брюно.

— Чертовы хиппи. — сказал он, садясь, — до сих пор убеждены, что религия — это индивидуальный опыт, основанный на медитации, духовном поиске и проч. Им невдомек, что это, напротив, вполне себе общественная деятельность, основанная на всяких установленных обрядах, правилах и церемониях. Огюст Конт вот полагал,

что у религии одна задача — привести человечество к состоянию единства.

— Сам ты Огюст Конт! — сердито перебил его Брюно. — Если не веришь в вечную жизнь, никакая религия невозможна. А если общество невозможно без религии, как ты, похоже, считаешь, то и никакое общество невозможно. Ты мне напоминаешь социологов, которые воображают, будто культ молодости — это мимолетное веяние моды, которое зародилось в пятидесятые, пережило свой звездный час в восьмидесятые и т. д. В действительности человек всегда страшился смерти и не мог без ужаса воспринимать перспективу собственной кончины или даже просто деградации. Из всех земных благ физическая молодость, очевидно, является самым ценным, а сегодня мы верим только в земные блага. Если Христос не воскрес, — откровенно говорит апостол Павел, — тщетна и вера наша. А Христос не воскрес, он проиграл битву со смертью. Я написал сценарий для фильма на тему Нового Иерусалима. Действие происходит на райском острове, населенном сплошь голыми бабами и маленькими собачонками. В результате биологической катастрофы мужчины все вымерли, равно как и почти все виды животных. Время

остановилось, климат тут всегда ровный и мягкий, деревья плодоносят круглый год. Женщины — неизменно свежие и половозрелые, собачки — неизменно шустрые и радостные. Женщины купаются и ласкают друг друга, собачки играют и резвятся вокруг. Они там всевозможных цветов и пород: пудели, фокстерьеры, брюссельские гриффоны, ши-тцу, спаниели кавалер-кинг-чарльзы, йоркширы, болонки кудрявые, вести, бигль-харьеры. Единственный большой пес, мудрый и дружелюбный лабрадор, выступает у них в роли главного советчика. Единственный мужской след тут — видеокассета с подборкой телевизионных выступлений Эдуара Балладюра[38]. Эти записи оказывают седативное действие на некоторых женщин, а также на большинство собак. Еще у них есть кассета с передачей “Жизнь животных”, которую ведет Клод Дарже; ее никогда никто не смотрит, она просто служит напоминанием о варварстве былых времен.

— То есть тебе там разрешают писать… — тихо сказал Мишель. Он не удивился. Большинство психиатров положительно относятся к писанине своих пациентов. Не то чтобы они усматривают в

[38] Примечания: 38
Эдуар Балладюр — премьер-министр Франции (1993–1995).

этом процессе какой-то терапевтический смысл, но чем бы дитя ни тешилось, считают они, все лучше, чем резать запястья бритвой.

— На острове все же случаются драмы местного значения, — взволнованно продолжал Брюно. — Как-то раз, например, одна собачка заплыла слишком далеко в море. К счастью, хозяйка увидела, что ее песик попал в беду, прыгнула в лодку и, изо всех сил налегая на весла, сумела его выудить в последний момент. Бедный зверек наглотался воды и потерял сознание, и нам кажется, что он вот-вот умрет; но хозяйке удается его откачать, сделав ему искусственное дыхание, так что все обошлось, и собачка снова повеселела.

Он внезапно умолк. Теперь вид у него был безмятежный, чуть ли не восторженный. Мишель посмотрел на часы, огляделся. Его мать не издавала больше никаких звуков. Было около двенадцати, вокруг царил удивительный покой. Он встал и вышел в большую комнату. Седой Хиппи исчез, бросив биоморковку на произвол судьбы. Он налил себе пива и подошел к окну. Из него насколько хватало глаз виднелись поросшие еловым лесом склоны. Между заснеженными вершинами мерцали вдали голубоватые воды озера. Какой мягкий, напоенный ароматами воз-

дух; чудесное весеннее утро.

Трудно сказать, сколько он так простоял на одном месте, его сознание, оторванное от тела, спокойно парило между горными пиками, как вдруг его вернул на землю громкий звук, который он сначала принял за вой. Несколько секунд у него ушло на перестройку слухового восприятия, и он поспешил в спальню. Так и сидя в изножье кровати, Брюно распевал во все горло:

Явились все, столпились здесь,
Едва услышав эту весть,
Что умирает маммаааа.

Непоследователен… непоследователен, переменчив и нелеп есть человек. Брюно встал и следующий куплет спел еще громче:

Явились все, столпились здесь,
И даже дальняя родня,
И даже Джорджо, сын-беглец,
В семье паршивая овцаааа.[39]

В тишине, наступившей после этого вокального номера, было отчетливо слышно, как муха проле-

---

[39] Примечания: 39
Песня Шарля Азнавура *La Mamma* (1963).

тела через всю комнату и приземлилась Джейн прямо на лицо. Для двукрылых характерно наличие единственной пары перепончатых крыльев, крепящихся к среднему сегменту груди, пары жужжалец (служащих для равновесия в полете), встроенных в третий сегмент, и колюще-сосущих ротовых хоботков. Когда муха выбралась на поверхность глаза, Мишель понял, что тут что-то не так. Он подошел к Джейн, но не дотронулся до нее. “Мне кажется, она умерла”, — сказал он, приглядевшись.

Врач сразу подтвердил его заключение. Он пришел вместе со служащим мэрии, и вот тут-то начались проблемы. Куда они желают перевезти тело? Например, в семейный склеп? Мишель понятия не имел куда; он был измучен и потерян. Если бы им удалось наладить теплые и нежные семейные отношения, они бы не оказались в такой ситуации, не выставили бы себя на посмешище перед местным чиновником, который, надо отметить, вел себя безупречно. Брюно был совершенно безучастен к происходящему: сидя чуть поодаль, он играл в тетрис на портативной консоли.

— Ну что ж… — продолжал чиновник, — мы предлагаем вам участок на кладбище в Саорже.

Далековато будет добираться, особенно если вы не местные, но с точки зрения транспорта это, разумеется, самый практичный вариант. Погребение может состояться прямо сегодня днем, в данный момент у нас аншлага нет. Полагаю, с разрешением на захоронение проблем не возникнет?

— Никаких проблем! — воскликнул доктор с излишним энтузиазмом. — Я все принес. — Он с задорной улыбкой помахал небольшой пачкой бланков.

— Блядь, продул. — вполголоса сказал Брюно. И действительно, его “Геймбой” заиграл веселую мелодию.

— Вы тоже согласны на захоронение, месье Клеман? — спросил чиновник, повысив голос.

— Ни в коем случае! — Брюно аж подскочил. — Мать хотела, чтобы ее кремировали, для нее это было крайне важно!

Чиновник надулся. В коммуне Саорж нет нужной установки для кремации, тут требуется очень специфическое оборудование, а оно не рентабельно при низком спросе. Нет, честно, кремация все осложнит.

— Такова последняя воля моей матери… — напыщенно произнес Брюно. Наступила тишина.

Чиновник напряженно соображал.

— В Ницце, по идее, есть крематорий… — робко сказал он. — Мы могли бы организовать транспортировку в оба конца, если вы все же согласны на захоронение праха в нашей коммуне. Естественно, это все за ваш счет. — Никто ему не ответил. — Ну тогда я позвоню им. — продолжал он, — нам надо прежде всего узнать, есть ли у них окно. — Он заглянул в свой ежедневник, достал мобильный телефон, но Брюно снова вмешался, не дав ему набрать номер.

— Ладно, забудьте. — Он махнул рукой. — Похороним ее здесь. И плевать мы хотели на ее последнюю волю. Ты платишь! — властно добавил он, обращаясь к Мишелю.

Не споря, Мишель достал чековую книжку и поинтересовался ценой аренды участка на тридцать лет.

— Прекрасный выбор, — одобрил чиновник. — Пока на тридцать, а там будет видно.

Кладбище находилось в сотне метров над деревней. Гроб несли двое мужчин в спецовках. В мэрии они выбрали базовую модель из белой пихты, в Саорже явно знали толк в похоронном деле. Вечерело, но солнце еще палило вовсю. Брюно и Мишель шли бок о бок, пропустив рабочих

на пару шагов вперед;

рядом с ними шагал Седой Хиппи, он настоял на том, чтобы сопровождать Джейн в последний путь. Тропинка была выжженной и каменистой, и все это, наверное, неспроста. Низко в небе медленно парила какая-то хищная птица — вероятно, канюк.

— Я думаю, тут полно змей… — буркнул Брюно. Он поднял заостренный белый камень. Перед самым поворотом к кладбищу, словно в подтверждение его слов, между кустами вдоль ограды мелькнула гадюка; Брюно прицелился и швырнул в нее камень со всей силы. Камень раскололся о стену, едва не задев голову змеи.

— Змеи тоже часть природы. — заметил Седой Хиппи довольно суровым голосом.

— Заебала твоя природа! Срать я на нее хотел! — Брюно снова вышел из себя. — Природа, блядь. природа хуева. — яростно бормотал он еще несколько минут. Однако пока гроб опускали в могилу, он вел себя спокойно, только хихикал иногда и мелко кивал, словно это событие навело его на какие-то непривычные мысли, пока еще слишком туманные, чтобы выразить их словами. После церемонии Мишель дал рабочим хорошие чаевые — он предположил, что так принято. У

него оставалось всего пятнадцать минут до поезда; Брюно решил уехать с ним.

Они расстались на перроне в Ницце. Они еще не знали об этом, но им уже не суждено было увидеться вновь.

— Ты там в порядке, в своей клинике? — спросил Мишель.

— Да-да, все путем, я в шоколаде, литий наше все. — Брюно лукаво улыбнулся. — Но я сейчас пока еще не в клинику, у меня впереди целая ночь самоволки. Зайду в бар с блядями, их в Ницце полно. — Он нахмурился и помрачнел. — Из-за этого чертова лития у меня вообще не стоит, но какая разница, мне и так хорошо.

Мишель рассеянно кивнул и забрался в вагон: он зарезервировал себе спальное место.

Часть третья. Эмоциональная бесконечность

1

Вернувшись в Париж, он обнаружил письмо от Деплешена. Согласно статье 66 внутреннего распорядка НЦНИ, он обязан за два месяца до истечения отпуска подать заявление о его продлении либо о восстановлении на работе. Письмо было вежливым и шутливым, Деплешен язвил по поводу всяких бюрократических заморочек, что не отменяло того факта, что этот срок истек уже три недели как. Он положил письмо на стол, пребывая в состоянии полнейшей неопределенности. Целый год он был волен сам устанавливать область своего исследования, и чего он достиг? Вообще-то практически ничего. Включив компьютер, он с отвращением увидел, что его *инбокс* пополнился восьмьюдесятью новыми письмами, хотя он отсутствовал всего два дня. Одно из них пришло из Института молекулярной биологии в Палезо. Сменившая его коллега запустила программу по исследованиям митохондриальной ДНК; в отличие от ядерной ДНК, в ней, похоже, отсутствовали механизмы починки кода, поврежденного атаками свободных радикалов; впрочем, этого следовало ожидать. Его больше

заинтересовало сообщение из Университета Огайо: в результате исследований дрожжей *Saccharomyces* ученые доказали, что организмы, размножающиеся половым путем, эволюционируют не так быстро, как те, что размножаются клонированием; случайные мутации, сопровождающие этот процесс, таким образом, оказались эффективнее, чем естественный отбор. Результаты этих любопытных экспериментов явно противоречат классической гипотезе о половом размножении как движущей силе эволюции, но теперь они представляют не более чем анекдотический интерес. Как только генетический код будет полностью расшифрован (а это уже дело нескольких месяцев), человечество сможет контролировать свою биологическую эволюцию, и тогда станет очевидно, что сексуальность является именно что бесполезной, опасной и регрессивной функцией. Но даже если бы нам удалось отслеживать возникающие мутации, а то и предсказывать их потенциальные пагубные последствия, на данный момент нет ничего, что могло бы пролить хоть малейший свет на их детерминированность, а значит, нет ничего, что могло бы помочь наделить их внятным практическим смыслом: именно в этом направлении,

очевидно, и нужно проводить исследования.

Кабинет Деплешена, из которого тот вынес все папки и книги, загромождавшие полки, показался ему непривычно огромным.

— Ну да… — сказал Деплешен, скромно улыбнувшись. — В конце месяца я ухожу на пенсию.

Джерзински потерял дар речи. Вот так общаешься с людьми годами, иногда десятилетиями, постепенно приучаясь избегать личных вопросов и по-настоящему важных тем; но при этом не теряешь надежды, что позже, при более благоприятных обстоятельствах, удастся затронуть эти самые темы и вопросы; перспектива предельно содержательной, человечной формы отношений бесконечно откладывается на неопределенный срок, но никогда не пропадает полностью, просто потому, что это невозможно, потому что никакие человеческие отношения не могут вписаться в узкие и раз и навсегда закрепленные рамки. То есть перспектива “подлинных и глубоких” отношений маячит долгие годы, иногда десятилетия, пока вдруг какое-нибудь бесповоротное ужасное событие (обычно типа смерти) не объявит вам, что уже слишком поздно, что “подлинные и глубокие” отношения, мечту о которых вы так лелеяли, тоже не состоятся, равно как и любые

другие. За пятнадцать лет профессиональной жизни Деплешен был единственным человеком, с которым ему хотелось бы установить контакт, не ограниченный рамками привычного, чисто утилитарного, бесконечно скучного нагромождения случайностей, составляющего естественную атмосферу офисной жизни. Что ж, поезд ушел. Он ошеломленно взглянул на коробки с книгами, сложенные на полу.

— Давайте пойдем куда-нибудь выпить… — предложил Деплешен, безошибочно уловив настроение момента.

Они миновали музей Орсе и сели на террасе “XIX века”. За соседним столиком оживленно щебетали полдюжины заезжих итальянок, этакие невинные пташки. Джерзински заказал пиво, Деплешен — неразбавленный виски.

— И что вы собираетесь делать?

— Не знаю… — Деплешен, похоже, действительно не знал. — Путешествовать. Возможно, займусь секс-туризмом. — Он улыбнулся; когда он улыбался, видно было, что он не утратил шарма; шарма, конечно, горького, ведь перед Мишелем сидел явно сломленный человек, но все-таки подлинного шарма. — Шучу. Дело в том, что меня секс вообще больше не волнует. Знания — да.

Тяга к знаниям осталась. Любопытная это штука, тяга к знаниям. Она присуща очень немногим, знаете ли, даже ученые, как правило, озабочены карьерным ростом и быстро скатываются к административным постам, а меж тем она сыграла очень важную роль в истории человечества. Представим себе притчу, в которой горстка людей — несколько сотен человек на всей планете, не более того, — неустанно трудится над чем-то страшно сложным, страшно абстрактным и совершенно непостижимым для непосвященных. Об их существовании остальное население и не подозревает. Власть, богатство, почести не их удел; трудно понять, что за радость этим заниматься. И все же они — самая могущественная сила в этом мире по той простой, пустяковой причине, что они владеют ключами к достоверному рациональному знанию. Все, что они объявляют истиной, рано или поздно признается таковой всем населением. Ни одна экономическая, политическая, социальная или религиозная сила не может противостоять бесспорному достоверному знанию. Надо сказать, что западное общество сверх всякой меры увлекалось философией и политикой и совершенно необоснованно ломало копья по поводу философских и политических

вопросов; надо сказать также, что западное общество страстно любило литературу и искусство; но в действительности ничто не имело такого значения в его истории, как потребность в достоверном рациональном знании. Ради этой потребности в достоверном знании Запад пожертвовал всем: своей религией, своим счастьем, своими надеждами и в конечном счете своей жизнью. Об этом надо помнить, давая общую оценку западной цивилизации. — Он замолчал, задумавшись. Обвел взглядом столики, затем уставился на собственный стакан. — Помню в одиннадцатом классе, когда мне было шестнадцать, я познакомился с одним мальчиком. Очень сложным, неуравновешенным. Он происходил из обеспеченной, довольно консервативной семьи и, надо сказать, целиком и полностью разделял ценности своего окружения. Однажды он сказал мне: “Ценность той или иной религии определяется качеством нравственной системы, которую она позволяет создать”. Я так и застыл от удивления и восхищения. Понятия не имею, пришел ли он к этому выводу самостоятельно или где-то вычитал, но в любом случае его слова произвели на меня огромное впечатление. Я размышляю над ними уже сорок лет, и сейчас мне кажется, он был не

прав. Я не считаю возможным рассматривать религию исключительно с точки зрения морали; однако Кант прав, утверждая, что сам Спаситель человечества должен оцениваться по *универсальным этическим* принципам. Но я пришел к мысли, что религии — это прежде всего попытки объяснить мир, а никакие попытки объяснить мир не устоят, если столкнутся с нашей потребностью в достоверном рациональном знании. Математическое доказательство и экспериментальный метод суть неоспоримые достижения человеческого сознания. Я прекрасно понимаю, что действительность явно против меня, я прекрасно понимаю, что ислам — самая глупая, самая фальшивая и самая мракобесная из всех религий — сейчас, похоже, набирает силу; но это лишь поверхностное, преходящее явление: в долгосрочной перспективе ислам обречен на крах, даже более неотвратимый, чем христианство.

Джерзински поднял голову, он очень внимательно слушал. Он и не подозревал, что его собеседника волнуют эти вопросы; Деплешен задумался, потом продолжил:

— Я потерял из виду Филиппа после выпускных экзаменов и узнал потом, что несколько лет спустя он покончил жизнь самоубийством. Ну,

я не думаю, что тут есть какая-то связь, но вообще-то быть геем, католиком-фундаменталистом и роялистом одновременно — довольно взрывоопасная смесь.

В глубине души сам Джерзински, как он понял в эту самую минуту, никогда не был всерьез одержим вопросами религии. Однако он знал, и знал уже очень давно, что материалистическую метафизику, разрушившую религиозные верования предыдущих веков, подорвали, в свою очередь, новейшие достижения физики. Любопытно, что ни он сам, ни его знакомые физики никогда не испытывали никаких сомнений или духовного беспокойства по этому поводу.

— Лично я, — сказал он, и по мере того, как он говорил, эта мысль оформилась в его сознании, — видимо, как раз придерживался прагматического, базового позитивизма, традиционно свойственного ученым. Факты существуют, отношения между ними регулируются законами, понятие “причины” не является научным. Мир равен сумме наших знаний о нем.

— Я уже больше не ученый. — ответил Деплешен с обезоруживающей простотой. — Наверняка именно поэтому меня на старости лет обуревают метафизические вопросы. Но конечно, вы правы.

Мы должны продолжать искать, экспериментировать, открывать новые законы, остальное не имеет значения. Помните, как у Паскаля: “В сущности, мы должны сказать: это делается фигурой и движением, потому что это верно. Но говорить, что именно, и составлять машину — нелепо, ибо это бесполезно, неопределенно и мучительно”[40]. Разумеется, как всегда, прав он, а не Декарт. Кстати… Вы уже решили, что будете делать? Ну, я имею в виду эту… — он сделал извиняющийся жест, — историю с отпуском.

— Да, хорошо бы мне получить назначение в ирландский Центр генетических исследований в Голуэе. Мне нужно иметь возможность быстро собирать простые экспериментальные установки с достаточно точным поддержанием параметров температуры и давления и хорошим набором радиоактивных маркеров. Кроме того, мне понадобится значительная вычислительная мощность — если мне не изменяет память, у них есть два параллельно работающих компьютера *Cray*.

— Вы думаете о новом направлении исследований? — Голос Деплешена выдавал волнение;

---

[40] Примечания: 40

Б. Паскаль. *Мысли.* Перевод Ю. Гинзбург.

он сам это понял и снова сдержанно улыбнулся, словно иронизируя над самим собой. — Тяга к знаниям. — сказал он тихо.

— На мой взгляд, ошибка заключается в том, что мы хотим работать только с природной ДНК. ДНК — сложная молекула, эволюционировавшая довольно хаотично: в ней есть неоправданная избыточность, длинные некодирующие последовательности, короче говоря, черт ногу сломит. Если мы действительно собираемся исследовать условия возникновения мутаций в целом, то начинать надо с более простых самовоспроизводящихся молекул, в которых число связей не превышает нескольких сотен.

Деплешен кивал, глаза его сверкали, он даже не пытался скрыть возбуждения. Итальянские туристки ушли; кафе опустело.

— Это наверняка очень долгий процесс, — продолжал Мишель, — ведь априори конфигурации, подверженные мутациям, распознать невозможно. Но на субатомарном уровне должны существовать условия для обеспечения структурной стабильности. Если нам удастся вычислить стабильную конфигурацию хотя бы для нескольких сотен атомов, то дальше все будет зависеть лишь от наличия достаточной вычислительной

мощности… Я, видимо, забегаю вперед.

— Не факт… — Теперь Деплешен говорил медленным мечтательным голосом человека, угадывающего бесконечно далекие перспективы, призрачные и неведомые ментальные модели.

— Мне надо иметь возможность работать совершенно самостоятельно и не зависеть от их внутренней иерархии. Это все чисто гипотетические вещи — слишком долго и слишком сложно объяснять.

— Разумеется. Я напишу Уолкотту, руководителю Центра. Он хороший парень и не будет вам докучать. Вы ведь уже работали с ними раньше, не так ли? Что-то там такое было с коровами.

— Сущие мелочи, но да.

— Не волнуйтесь. Я хоть и ухожу на пенсию. — на этот раз в его улыбке промелькнула горечь, — у меня еще остаются кое-какие полномочия. В административном плане у вас будет статус временно прикомандированного — с возможностью продления из года в год, на любой срок. Кто бы ни стал моим преемником, это решение не подлежит пересмотру.

Они расстались около Королевского моста. Деплешен протянул ему руку на прощание. У него не было сына, его сексуальные предпочтения ли-

шили его этой возможности, а идея фиктивного брака всегда казалась ему нелепой. Несколько секунд, пока он пожимал ему руку, он думал, что испытывает сейчас чувства высшего порядка; затем подумал, что ужасно устал; затем повернулся и пошел по набережной, мимо прилавков букинистов. Пару минут Джерзински смотрел вслед человеку, идущему вдаль в гаснущем свете.

2

На следующий вечер он ужинал у Аннабель и очень внятно, коротко и четко объяснил ей, почему должен уехать в Ирландию. Программа, которую ему предстоит выполнить, уже расписана, и все идет по плану, считает он. Главное — не зацикливаться на ДНК, а рассматривать живое существо как целостную самовоспроизводящуюся систему.

Аннабель ничего поначалу не ответила, но все же не сдержалась, и уголки ее губ дрогнули, потом она налила ему еще вина; на ужин она приготовила рыбу, и ее квартирка как никогда напоминала корабельную каюту.

— Ты ведь не собираешься позвать меня с собой… — Ее слова эхом отозвались в тишине; тишина затягивалась. — У тебя и мысли такой не возникло. — сказала она со смесью детской обиды и удивления; а потом разрыдалась. Он не сделал ни единого движения в ее сторону; сделай он хоть какое-то движение в эту минуту, она, конечно, оттолкнула бы его; человеку надо выплакаться, тут ничем не поможешь. — А нам было так хорошо вместе в двенадцать лет, — ска-

зала она сквозь слезы.

Она подняла на него глаза. Ее лицо было необыкновенно ясным и красивым. Она заговорила, не раздумывая:

— Сделай мне ребенка. Мне нужен кто-то рядом. Тебе совершенно необязательно воспитывать его, им заниматься, да и признавать, в общем, тоже. Я даже не прошу тебя его любить или любить меня, просто сделай мне ребенка. Да, мне сорок, ну что ж, я рискну. Теперь уж точно это мой последний шанс. Иногда я корю себя за аборты. Хотя первый мужик, от которого я забеременела, был негодяем, а второй — балбесом; в семнадцать лет я и представить себе не могла, что жизнь так скупа, а возможности столь недолговечны.

Мишель закурил, чтобы дать себе время подумать.

— Странное желание… — сказал он сквозь зубы. — Странное желание — размножаться, когда не любишь жизнь.

Аннабель встала и постепенно все с себя сняла.

— Давай все же займемся любовью, — сказала она. — Мы уже по меньшей мере месяц не занимались любовью. Я перестала принимать таблетки две недели назад, сейчас как раз самое время.

Она положила руки на живот, медленно подня-

ла их к груди и слегка раздвинула ноги. Она была прекрасна, желанна и любила его; почему он ничего не чувствует? Это необъяснимо. Он закурил еще одну сигарету, внезапно осознав, что, думай не думай, ничего не придумаешь: либо ты заводишь ребенка, либо нет; тут нет рационального решения, такого рода решение человек не может принять, руководствуясь разумом. Он раздавил окурок в пепельнице и пробормотал:

— Я согласен.

Аннабель помогла ему раздеться и принялась нежно дрочить ему, чтобы он мог в нее кончить. Он не ощутил ничего, кроме мягкости и тепла ее влагалища. Он быстро перестал двигаться, захваченный геометрией совокупления, очарованный эластичностью и разнообразием слизистых оболочек. Аннабель прильнула губами к его губам и обняла его. Он закрыл глаза, явственнее почувствовал существование собственного члена и снова задвигался туда-сюда. Незадолго до того, как он кончил, ему привиделось — с поразительной отчетливостью — слияние гамет и сразу за ним — первые деления клеток. Это напоминало стремительный рывок в пропасть, своего рода самоубийство. Волна сознания пробежала вверх по его члену, и он почувствовал, как из него брыз-

нула сперма. Аннабель тоже это почувствовала и издала вздох облегчения; так они и лежали не двигаясь.

— Вы должны были записаться на мазок месяц назад… — устало сказал гинеколог. — Вместо этого, не предупредив меня, вы прекращаете принимать таблетки и решаете забеременеть. В конце концов, вы уже не девочка!

В кабинете было холодно и воздух какой-то липкий; выйдя на улицу, Аннабель с изумлением обнаружила, что там светит июньское солнце.

Она позвонила на следующий день. Цитологическое исследование выявило “достаточно серьезные” отклонения, ей предстоит биопсия и выскабливание.

— Что касается беременности, то лучше пока повременить. Начнете все с чистого листа, правда же? — Врач вроде бы не встревожился, только приуныл немного.

Так Аннабель сделала третий аборт — плоду было всего две недели, потребовалась лишь вакуумная аспирация. С момента ее предыдущего аборта технология значительно усовершенствовалась, и, к ее изумлению, и десяти минут не прошло, как все было кончено. Результаты анализов пришли через три дня.

— Что ж… — доктор выглядел ужасно старым, компетентным и печальным, — к сожалению, сомнений быть не может: у вас преинвазивный рак матки.

Он поправил очки на носу и еще раз просмотрел все страницы; впечатление общей компетентности заметно усилилось. Удивляться тут, в общем, не приходится: рак матки часто диагностируется у женщин в годы, предшествующие менопаузе, а отсутствие детей увеличивает опасность заболевания. Протокол лечения известен, тут и думать нечего.

— Необходимо провести абдоминальную гистерэктомию и двустороннюю сальпингофорэктомию. Сегодня это стандартные хирургические процедуры, риска осложнений практически нет.

Он взглянул на Аннабель: та, к его неудовольствию, вообще не отреагировала, просто сидела открыв рот; наверняка затишье перед бурей. Врачам вменяется порекомендовать пациентке сеансы поддерживающей психотерапии — он заранее подготовил небольшой список адресов — и прежде всего донести до нее *важную мысль:* неспособность к деторождению ни в коем случае не знаменует собой прекращение половой жизни, у некоторых пациенток желание, напротив,

значительно возрастает.

— То есть мне удалят матку. — недоверчиво сказала она.

— Матку, яичники и фаллопиевы трубы; только так мы исключим риск метастазирования. Я назначу вам заместительную гормонотерапию — ее все чаще прописывают даже в период обычного климакса.

Она вернулась к родителям в Креси-ан-Бри; операцию назначили на 17 июля. Мишель вместе с матерью Аннабель отвезли ее в больницу в Мо. Она не боялась. Операция продлилась два с чем-то часа. Когда Аннабель проснулась на следующее утро, в окно виднелось голубое небо, легкий ветерок шевелил кроны деревьев. Она почти ничего не чувствовала. Ей хотелось взглянуть на шрам внизу живота, но она постеснялась обратиться к медсестре. Странно было думать, что она все та же женщина, просто ей вырезали репродуктивные органы. Слово “удаление” на какое-то время промелькнуло в ее сознании, а затем сменилось более жестоким образом. “Меня выпотрошили, — сказала она себе, — выпотрошили, как курицу”.

Через неделю ее выписали. Мишель сообщил Уолкотту, что откладывает свой приезд; он пы-

тался увильнуть, но в итоге все-таки согласился переехать к ее родителям, в бывшую комнату брата Аннабель. Она поняла, что он подружился с ее матерью, пока она лежала в больнице. Ее старший брат тоже охотнее заходил домой с тех пор, как там появился Мишель. В принципе, у них не нашлось общих тем: Мишель ничего не смыслил в проблемах малого бизнеса, а Жан-Пьеру были глубоко чужды вопросы, связанные с развитием молекулярно-биологических исследований; однако по вечерам, за аперитивом, между ними возникало некое, отчасти мнимое, чисто мужское взаимопонимание. Аннабель рекомендовали побольше отдыхать, а главное, не поднимать тяжестей; зато она уже самостоятельно мылась и нормально ела. После обеда она сидела в саду, Мишель с ее матерью собирали клубнику или мирабель. Ей казалось, что наступили какие-то непонятные каникулы или она вдруг вернулась в детство. Она чувствовала, как теплые лучи солнца ласкают ей лицо и руки. Большую часть времени она сидела без дела, иногда вышивала или мастерила плюшевые игрушки для своего племянника и племянниц. Психиатр в Мо прописал ей снотворное и довольно сильные дозы транквилизаторов. Она и так много спала, и ей

неизменно снились счастливые и спокойные сны, власть духа безмерна, пока он не выходит за пределы своих владений. Мишель лежал рядом с ней в постели; положив ей руку чуть выше талии, он ощущал, как размеренно поднимаются и опускаются ее ребра. Психиатр регулярно навещал ее, беспокоился, бормотал что-то, говорил об “утрате связи с реальностью”. Она стала очень нежной, немного странной, часто смеялась без причины, или, наоборот, у нее внезапно наворачивались слезы. Тогда она принимала еще одну таблетку терциана.

Прошло две недели, и она смогла уже понемногу выходить и даже совершать короткие прогулки вдоль реки и в окрестных лесах. Стоял на удивление прекрасный август, дни следовали долгой чередой, совершенно одинаковые и лучезарные, в них не чувствовалось ни малейшего намека на грозу, и ничто не предвещало конца. Мишель держал ее за руку, они любили сидеть на скамейке на берегу Гранд-Морена. Трава тут выгорела почти добела; под сенью буков река бесконечно катила свои тягучие, темно-зеленые волны. Внешний мир жил по своим законам, и эти законы не были человеческими.

3

Плановое обследование 25 августа выявило метастазы в брюшной полости, которые, по идее, должны распространяться, и рак станет генерализованным. Можно, конечно, попробовать радиотерапию, фактически это единственное, что еще оставалось предпринять, но, честно говоря, это тяжелые процедуры, и шансы на успех не превышают пятидесяти процентов.

Ужин прошел в полном молчании.

— Мы вылечим тебя, девочка моя дорогая… — сказала мама Аннабель, и голос ее дрогнул. Аннабель обняла ее за шею и прижалась лбом к ее лбу; так они просидели целую минуту. Когда мать ушла спать, она осталась в гостиной, полистала какие-то книги. Мишель следил за ней взглядом.

— Хорошо бы получить второе мнение, — сказал он после долгого молчания.

— Ага, хорошо бы, — непринужденно ответила она.

Она не могла заниматься любовью, шрам был слишком свежим и болел; но она долго обнимала его. В тишине она слышала, как он скрипит зубами. Тогда она провела рукой по его лицу и поняла,

что оно мокрое от слез. Она нежно погладила его член, это возбуждало и успокаивало одновременно. Он принял две таблетки мепронизина и в конце концов уснул.

Часа в три утра она встала, надела халат и спустилась на кухню. Порывшись в буфете, нашла миску со своим именем, подарок крестной на десятилетие. Она старательно раздавила на донышке содержимое баночки с рогипнолом, добавила немного воды и сахара. Она ничего не чувствовала, кроме самой общей, почти метафизической тоски. Так устроена жизнь, думала она; в ее теле образовалась развилка, непредвиденное и беспричинное раздвоение, теперь оно больше не может быть источником счастья и радости. Напротив, медленно, но верно оно превратится в источник неудобства и несчастья для нее самой и окружающих. Следовательно, ее тело подлежит уничтожению. Массивные деревянные часы шумно отбивали секунды; ее матери они достались в наследство от бабушки, они уже висели тут, когда она выходила замуж, это самый старый предмет в их доме. Она подсыпала в миску еще немного сахара. Она отнюдь не смирилась, жизнь казалась ей злой шуткой, шуткой неприемлемой, но принимай ее, не принимай, так уж сложилось.

Всего за несколько недель болезни, на удивление быстро, ею овладело чувство, типичное для пожилых людей: она не хотела стать обузой для окружающих. Ее жизнь в последние годы юности внезапно ускорилась, потом наступил долгий период скуки, а в конце все ускорилось снова.

Под утро, перевернувшись на другой бок, Мишель заметил, что Аннабель нет рядом. Он оделся и спустился на первый этаж: ее безжизненное тело лежало на диване в гостиной. Рядом, на столе, она оставила записку. Она начиналась так:

Мне хочется умереть среди тех, кого люблю.

Заведующий отделением интенсивной терапии в больнице Мо — мужчина лет тридцати с вьющимися каштановыми волосами и открытым лицом — сразу произвел на них приятное впечатление. Вероятность того, что она придет в себя, невелика, считал он; они могут посидеть с ней, лично он не возражает. Кома — странное состояние, малоизученное. Почти наверняка Аннабель не ощущает их присутствия, однако у нее сохраняется слабая электрическая активность коры; по идее, это соответствует определенному мыслительному процессу, природа которого совершенно загадочна. Да и сам медицинский

прогноз далеко не однозначен: бывали случаи, когда пациент, находившийся в глубокой коме несколько недель, а то и месяцев, вдруг возвращался к жизни, но чаще, увы, состояние комы так же внезапно переходит в смерть. Ей всего сорок, то есть сердце по крайней мере должно выдержать, и пока больше ему сказать нечего.

В городе уже светало. Брат Аннабель, сидевший рядом с Мишелем, качал головой и бормотал себе под нос.

— Не может быть… Этого просто не может быть… — повторял он, как будто эти слова обладали какой-то магической силой.

Ну почему же, может. Все может быть. Мимо прошла медсестра, толкая металлическую тележку, на которой дребезжали пробирки с плазмой крови.

Чуть позже солнце пробилось сквозь тучи, и небо поголубело. День обещал быть прекрасным, таким же прекрасным, как и все предыдущие. Мать Аннабель с трудом поднялась на ноги.

— Пойду передохну… — сказала она, пытаясь унять дрожь в голосе.

Ее сын тоже встал, опустив руки, и как робот последовал за ней. Мишель кивнул им, но не двинулся с места. Он совсем не чувствовал уста-

лости. Шло время, он чувствовал скорее странное присутствие наблюдаемого мира. Он сидел один в залитом солнцем коридоре на плетеном пластиковом стуле. В этом крыле больницы царил абсолютный покой. Иногда вдалеке открывалась дверь, выходила медсестра и направлялась в другой коридор. На верхних этажах городские шумы, доносившиеся снизу, были едва слышны. В состоянии полнейшей душевной отрешенности он прокручивал в мыслях последовательность обстоятельств, все этапы работы механизма, разрушившего их судьбы. Все представилось ему бесповоротным, предельно ясным, неоспоримым. Все представилось ему в застывшем свете закончившегося прошлого. Вряд ли семнадцатилетняя девушка может в наши дни оказаться такой наивной, а главное, вряд ли в наши дни семнадцатилетняя девушка придает такое значение любви. Если верить опросам и глянцевым журналам, за двадцать пять лет, прошедших с юности Аннабель, ситуация кардинально поменялась. Девушки стали рациональнее, искушеннее. Они беспокоятся прежде всего об успехах в учебе и стараются обеспечить себе достойную карьеру. Свидания с мальчиками для них просто тусовка, развлечение, в котором сексуальное удоволь-

ствие и нарциссическое удовлетворение играют более или менее одинаковую роль. В дальнейшем они стремятся заключить брак по расчету, исходя из приемлемого совпадения социально-профессионального статуса и определенной общности вкусов. Вследствие чего они, разумеется, лишают себя всякой надежды на счастье, поскольку последнее неотделимо от состояний близости и отчуждения, несовместимых с разумом в практическом применении, но девушки надеются таким образом избежать нравственных и сердечных терзаний, одолевавших их предшественниц. Впрочем, эти надежды вскоре улетучиваются: исчезновение сердечных мук и впрямь высвобождает место для скуки, ощущения пустоты, тревожного ожидания старости и смерти. Так что вторая половина жизни Аннабель оказалась гораздо печальнее и тоскливее первой, и в принципе, под конец у нее не сохранилось бы о ней никаких воспоминаний.

Около двенадцати дня Мишель открыл дверь в палату. Дышала она еле слышно, простыня на груди почти не шевелилась — по словам врача, этого, однако, достаточно для насыщения тканей кислородом; если дыхание совсем ослабеет, они рассмотрят вопрос о вспомогательной вен-

тиляции легких. Пока же в ее руку чуть выше локтя вонзалась игла капельницы, к виску был прикреплен электрод — и все. По белоснежной простыне скользнул луч солнца, сверкнул в копне роскошных светлых волос. Ее лицо с закрытыми глазами, чуть бледнее обычного, выглядело бесконечно спокойным, словно тревоги отпустили ее; никогда она не казалась Мишелю такой счастливой. Правда, он всегда был склонен путать кому со счастьем, но тем не менее она выглядела безмерно счастливой. Он провел рукой по ее волосам, поцеловал ее в лоб и в теплые губы. Уже слишком поздно, конечно, но все равно хорошо. Он просидел в ее палате до вечера. Выйдя в коридор, он открыл книгу буддийских медитаций, собранных доктором Эвансом-Венцем (книга лежала у него в кармане уже несколько недель; маленькая книжечка в темно-красной обложке).

Пусть все люди на Востоке,

Пусть все люди на Западе,

Пусть все люди на Севере,

Пусть все люди на Юге

Будут счастливы и хранят свое счастье;

Пусть живут они без вражды.

Они сами лишь отчасти повинны в этом, думал он, им выпало жить в трудном мире, в мире конкуренции и борьбы, тщеславия и насилия; в гармоничном мире они не жили. С другой стороны, они ничего не сделали, чтобы изменить этот мир, не внесли свой вклад в его улучшение. Он сказал себе, что ему следовало бы сделать Аннабель ребенка, но тут же вспомнил, что он же его сделал, вернее, почти сделал, ну по крайней мере, смирился с такой перспективой; эта мысль доставила ему огромную радость. Он понял тогда, почему в последние несколько недель он испытывал такое умиротворение и нежность. Сейчас он бессилен, все бессильны в царстве болезни и смерти; но хотя бы в течение нескольких недель она чувствовала, что любима.

Если помыслы человека устремлены к любви,

Если он отрешился от низменных наслаждений,

Отсек путы страстей

И обратил взоры свои к Пути,

Если он соблюдает на деле высший принцип любви,

То он возродится на небе Брахмы,

Быстро получит Освобождение

И навеки достигнет областей Абсолюта.

Если он не лишает жизни других и не желает им зла,

Не стремится себя утвердить, унижая себе подобных,

И живет по закону всемирной любви,

То сердце его перед смертью не будет обременено ненавистью.

Вечером мать Аннабель зашла узнать, есть ли новости. Нет, ситуация не изменилась: состояние глубокой комы бывает очень стабильным, терпеливо напомнила ей медсестра, иногда для того, чтобы сделать точный прогноз, требуется несколько недель. Она заглянула к дочери и через минуту вышла, вся в слезах.

— Не понимаю, — сказала она, качая головой. — Не понимаю, как устроена жизнь. Знаете, она ведь всегда была хорошей девочкой. Ласковой, без проблем. Никогда не жаловалась, но я-то знала, что она не была счастлива. Ей не досталось жизни, которой она заслуживала.

Вскоре она ушла, заметно пав духом. Как ни странно, ему не хотелось ни есть, ни спать. Он побродил туда-сюда по коридору, спустился в вестибюль. Дежурный антилец на входе разгадывал кроссворд; он кивнул ему. Взял в автомате горячий шоколад и подошел к панорамным окнам. Между многоэтажками плыла луна, по проспекту Шалона ехало несколько машин. Ему хватало медицинских знаний, чтобы понять, что жизнь Аннабель висит на волоске. Правильно ее мать отказывается это понимать: человек не создан для того, чтобы принимать смерть, ни свою, ни чужую. Он подошел к охраннику и спросил, можно ли взять у него бумагу; тот удивился немного, но протянул ему пачку больничных бланков (именно по этому бланку Хубчежак много позже опознает его текст среди массы заметок, найденных в Клифдене). Некоторые человеческие существа с особым исступлением цепляются за жизнь и уходят из нее, как говорил Руссо, с большой неохотой; к Аннабель, он уже чувствовал, это не относится.

Она была дитя, рожденное для счастья,

И сердца не было прекрасней и щедрей,

Жизнь отдала б она, будь это в ее власти,
За неродившихся своих детей.

Но в детских голосах,
В крови людей, в их венах,
Навек ее мечта
Останется нетленной,
И след ее всегда
Жить будет во Вселенной.

Его и плоть хранит,
Священная отныне,
И воздух, и гранит,
Речные воды, иней,
И небеса, представшие иными.

Ты там лежишь сейчас
В предсмертной коме,
Спокойная, как будто в дреме,
Такой вот, любящей, ты и уйдешь от нас.

Остынут наши мертвые тела,
Травой мы станем – такова реаль-

ность,

Нас ждет небытие, пустая мгла,

Где исчезает индивидуальность.

Так мало мы любили, Аннабель,

В своем земном существовании!

Быть может, солнце над могилой, дождь, метель

Конец подарят нашему страданию.

4

Аннабель умерла через день, и тем, пожалуй, лучше для ее родных. Нас вечно тянет сказать какую-нибудь хрень в таком духе, когда кто-то умирает; но ведь правда, ее мать и брат вряд ли вынесли бы затянувшуюся неопределенность.

В белом здании из бетона и стали, том самом, где умерла его бабушка, Джерзински во второй раз осознал могущество пустоты. Он прошел через все помещение к телу Аннабель. Тело было идентично тому, которое он знал, разве что тепло постепенно покидало его. Ее плоть стала почти холодной.

Некоторые доживают до семидесяти, а то и до восьмидесяти лет, полагая, что их еще ждет что-то новое, что приключение, как говорится, там, за поворотом; они, хоть убей, не образумятся, разве что когда уж совсем будут дышать на ладан.

С Мишелем Джерзински дело обстояло иначе. Он прожил свою взрослую жизнь в одиночестве, в полном вакууме. Он внес свой вклад в копилку человеческих знаний, таково было его призвание, таким образом он сумел выразить свой природный дар; но он так и не познал любви.

Аннабель тоже, при всей своей красоте, так и не познала любви; а теперь вот ее не стало. Ее отныне бесполезное тело лежало мертвым грузом на постаменте, в ярком свете. Крышку гроба закрыли.

В своем прощальном письме она просила ее кремировать. Перед кремацией они пили кофе в холле больницы; за соседним столиком цыган с подсоединенной капельницей болтал о тачках с двумя приятелями, зашедшими его навестить. Тусклый свет пробивался сквозь уродливые плафоны, напоминавшие огромные винные пробки.

Они вышли на солнце. Здания крематория находились рядом с больницей, в одном комплексе. Кремационная камера представляла собой большой куб из белого бетона в центре такой же белой площадки; их ослепили отблески света. Горячий воздух извивался вокруг них мириадами крошечных змеек.

Гроб закрепили на передвижной платформе, ведущей внутрь печи. Коллективная скорбь продлилась полминуты, затем служащий запустил механизм. Зубчатые колесики, приводящие в движение платформу, слегка скрипнули, и дверь закрылась. Через иллюминатор из жаростойкого стекла можно было наблюдать за процессом

горения. Мишель отвернулся, когда из огромных горелок вырвалось пламя. Еще секунд двадцать на периферии его зрения сверкало красное свечение, после чего все закончилось. Служащий ссыпал прах в прямоугольную коробочку из древесины пихты и передал ее старшему брату Аннабель.

Они не спеша поехали обратно в Креси. Сквозь листву каштанов на аллее Отель-де-Виль светило солнце. По этой аллее они с Аннабель гуляли после уроков двадцать пять лет назад. В саду ее матери собралось человек пятнадцать. Ее младший брат приехал из США по такому случаю; худой, нервный, он явно очень переживал и был чересчур элегантно одет.

Аннабель выразила желание, чтобы ее прах развеяли в саду родительского дома, что они и сделали. Солнце уже садилось. Это была пыль — почти белая пыль. Она мягко, словно пеленой, оседала на землю между кустами роз. Вдруг вдалеке послышался звонок железнодорожного переезда. Мишель вспомнил, как Аннабель ранним вечером ждала его на станции и крепко обнимала. Ему было пятнадцать лет. Он посмотрел на землю, на солнце, на розы; на упругую поверхность травы. Непостижимо. Все молчали;

мать Аннабель подала вино — помянуть. Она протянула ему бокал и посмотрела прямо в глаза.

— Останьтесь у нас на несколько дней, Мишель, если хотите, — сказала она, понизив голос.

Нет, он поедет; ему надо работать. Ничего другого он не умеет делать. Ему показалось, что небо пронзили лучи; он понял, что плачет.

5

В тот момент, когда самолет спускался к безбрежному облачному потолку, простиравшемуся под неизменным небом, у него возникло ощущение, что вся его жизнь неуклонно вела его к этому мгновению. В течение еще нескольких секунд вокруг него возвышался только необъятный лазурный свод и тянулась бесконечная волнистая плоскость, где ослепительная белизна чередовалась с белизной матовой; затем они попали в промежуточную зону, текучую и серую, где восприятия стали смутными. Внизу, в мире людей, существовали луга, животные и деревья; все там было зеленым, влажным и невероятно подробным.

Уолкотт встречал его в аэропорту Шеннона. Это был коренастый подвижный человек; его зияющую лысину окружал венчик светло-рыжих волос. Он несся на своей “тойоте-старлет” между туманными пастбищами и холмами. Их Центр находился немного севернее Голуэя, в городке Росскахилл. Уолкотт провел для него экскурсию по экспериментальным установкам, познакомил

с техперсоналом; эти люди поступают в его распоряжение для проведения опытов и программирования расчетов молекулярных конфигураций. Все оборудование было тут ультрасовременным, помещения сверкали чистотой — Центр финансировался из фондов ЕЭС. В зале с охлаждающими кондиционерами Джерзински бросил взгляд на две большие башни суперкомпьютера *Cray*, их панели управления поблескивали в полумраке. Миллионы процессоров с параллельной архитектурой были готовы интегрировать лагранжианы, волновые функции, спектральные разложения и эрмитовы операторы — вот в такой вселенной отныне и будет протекать его жизнь. Он скрестил руки на груди, обхватив себя за плечи, ему никак не удавалось рассеять свою печаль и ощущение холода внутри. Уолкотт предложил ему кофе из автомата. В панорамных окнах виднелись зеленые склоны, уходящие в темные воды Лох-Корриба.

По дороге в Росскахилл они проехали мимо пологого луга, на котором паслось стадо небольших, меньше среднего, коров красивой светло-коричневой масти.

— Узнаете? — улыбнулся Уолкотт. — Да-да. Это потомство первых коров, выведенных в рамках

ваших исследований уже десять лет назад. Тогда наш Центр был совсем маленьким и плохо оснащенным, но вы здорово нам помогли. Они крепкие, легко размножаются и дают отличное молоко. Хотите посмотреть?

Он припарковался на обочине. Джерзински подошел к невысокой каменной ограде, идущей вдоль поля. Коровы спокойно щипали травку или терлись головами о бока своих товарок, две или три из них лежали на земле. Генетический код, управляющий репликацией их клеток, создал или по крайней мере усовершенствовал он. Для них он, по идее, вроде как Бог, а они не обращают на него никакого внимания. С вершины холма клочьями спустился туман, постепенно скрывая их из виду. Он вернулся к машине.

Сидя за рулем, Уолкотт курил “Крейвен”, дождь заливал ветровое стекло. Мягким сдержанным голосом (впрочем, эта сдержанность отнюдь не свидетельствовала о безразличии) он спросил:

— Вы пережили большое горе?

Тогда он рассказал ему историю Аннабель и ее кончины. Уолкотт слушал, кивая время от времени и вздыхая. Когда он закончил свой рассказ, Уолкотт помолчал, закурил еще одну сигарету и тут же погасил ее.

— Я не ирландец, — сказал он. — Я родился в Кембридже и, говорят, остался англичанином до мозга костей. Считается, что англичане выработали в себе удивительное самообладание и сдержанность, а также особое умение с юмором воспринимать жизненные события, в том числе самые трагические. Это, в общем, верно; и ужасно глупо с их стороны. Юмор уже не спасает ситуацию; юмор в конечном счете совершенно бесполезен; можно годами, иногда долгими годами, относиться к жизненным событиям с юмором, в некоторых случаях удается сохранять юмор до упора, но в конечном счете жизнь все равно разобьет вам сердце. Какое бы мужество, самообладание и юмор вы ни развивали в себе на протяжении всей жизни, рано или поздно у вас все равно будет разбито сердце. И вот тогда уже не до смеха. В итоге остается только одиночество, холод и тишина. В итоге остается только смерть.

Он включил дворники и завел двигатель.

— Многие здесь — католики, — сказал он. — Хотя ситуация меняется. Ирландия модернизируется. Высокотехнологичные компании открывают здесь свои предприятия, польстившись на налоговые льготы и низкие социальные выплаты. У нас тут есть, например, *Roche* и *Lilly.* И конечно

же *Microsoft:* вся молодежь в этой стране мечтает работать на *Microsoft.* Люди реже ходят в церковь, сексуальная свобода выросла за последние годы, количество дискотек и антидепрессантов только увеличивается. Словом, все по учебнику…

Они снова ехали вдоль озера. Солнце пробилось сквозь пелену тумана, рассыпав по воде радужные блики.

— И все же. — продолжал Уолкотт, — католицизм здесь по-прежнему в силе. Вот технические специалисты Центра по большей части католики. Что не упрощает наших отношений. Они вежливы и предупредительны, но я для них чужак, с которым в общем-то и поговорить толком не о чем.

Солнце высвободилось из облаков, образовав диск идеальной белизны; наконец им открылось все озеро целиком, залитое светом. На горизонте наслаивались друг на друга гребни Твелв-Бенз, играя всеми оттенками серого цвета, от темного к светлому, словно на фотопленке сновидений. Они молчали. Въезжая в Голуэй, Уолкотт снова заговорил:

Я всегда был атеистом, но здесь я понимаю католиков. В этой стране есть что-то особенное. Тут все вокруг постоянно трепещет: и трава на

лугах, и поверхность воды — словно намекая на некое присутствие. Свет мягкий, переливчатый, как изменчивая субстанция. Сами увидите. Небо тут тоже живое.

6

Он снял квартиру недалеко от Клифдена, на Скай-роуд, в бывшем доме береговой охраны, переоборудованном под съемное жилье для туристов. В комнатах висели прялки, керосиновые лампы и прочая старина для декора, ублажающая взор; он не возражал. Он знал теперь, что в этом доме да и вообще в жизни будет чувствовать себя как в гостинице.

Он совершенно не собирался возвращаться во Францию, но в течение первых нескольких недель ему пришлось несколько раз слетать в Париж, чтобы заняться продажей квартиры и трансфером банковских счетов. Он вылетал из Шеннона в 11.50 утра. Самолет летел над морем, солнце раскаляло добела водную гладь; на огромном пространстве змеились и сплетались похожие на червей волны. Он знал, что под этой колышущейся массой червей плодятся моллюски; мелкозубые рыбы пожирают моллюсков, а их в свою очередь пожирают другие рыбы, покрупнее. Он то и дело засыпал и видел страшные сны. Когда он просыпался, самолет уже летел над сушей. В полудреме он поражался однообразному

цвету полей. Поля бывали коричневые, временами зеленые, но неизменно блеклые. Парижские пригороды были серыми. Самолет терял высоту и медленно спускался, его неудержимо влекло к этой жизни, к биению миллионов жизней.

В середине октября Клифден и весь полуостров накрыл густой туман, пришедший прямо с Атлантики. Последние туристы уехали. Холода еще не наступили, но вокруг все стало серым-серо. Джерзински редко выходил из дому. Он привез с собой три DVD с более чем сорока гигабайтами информации. Время от времени он включал свой компьютер, изучал какую-нибудь молекулярную структуру, затем ложился на огромную кровать с пачкой сигарет под рукой. В Центр он пока не возвращался. В широком окне лениво клубился туман.

Примерно к двадцатому ноября небо прояснилось, воздух сделался холоднее и суше. У него вошло в привычку совершать долгие пешие прогулки по тропинке вдоль берега. Минуя Гортруммах и Покавэлли, он обычно доходил до Кладдадафа, а иногда даже и до мыса Охрус. Там он оказывался в самой западной точке Европы, на оконечности западного мира. Перед ним прости-

ралась Атлантика, четыре тысячи километров океана отделяли его от Америки.

По мнению Хубчежака, эти два-три месяца одиноких размышлений, в течение которых Джерзински ничего не делал, не ставил никаких экспериментов и не производил никаких расчетов, следует рассматривать как ключевой период, когда сложились основные элементы его последующей концепции. Впрочем, и для всего западного мира последние месяцы 1999 года были странным периодом, отмеченным особым ожиданием и какими-то вялыми раздумьями.

Тридцать первое декабря 1999 года пришлось на пятницу. В клинике Веррьер-ле-Бюиссон, где Брюно предстояло провести остаток жизни, для пациентов и медперсонала организовали скромный банкет. Они пили шампанское и ели чипсы со вкусом паприки. Позже вечером Брюно танцевал с медсестрой. Он не был несчастен: лекарства подействовали, всякое желание в нем умерло. Он полюбил полдник и телеигры, которые они все вместе смотрели перед ужином. Он уже ничего не ждал от череды дней, и этот последний вечер второго тысячелетия лично для него прошел хорошо.

На кладбищах всего мира недавно умершие

люди продолжали гнить в своих могилах, постепенно превращаясь в скелеты.

Мишель провел этот вечер дома. Он жил на отшибе, и до него не доносились отголоски деревенского празднества. В его памяти то и дело вспыхивали образы Аннабель, смягченные временем и безмятежные, и еще образы бабушки.

Он вспомнил, как в тринадцать или четырнадцать лет покупал маленькие карманные фонарики, ему очень нравилось их разбирать и собирать, снова и снова. Вспомнил он и подаренный бабушкой самолетик с мотором, который ему так и не удалось поднять в воздух. Красивый самолет, раскрашенный в камуфляжные оттенки; в итоге он просто остался лежать в коробке. Его жизни с ее мыслительными потоками были все-таки присущи индивидуальные черты. Есть существа, и есть мысли. Мысли не занимают пространства. Существа занимают часть пространства, мы их видим. Их изображение формируется на хрусталике, пересекает стекловидное тело и попадает на сетчатку. Сидя один в пустом доме, Мишель устроил себе скромный парад воспоминаний. Постепенно, в течение вечера, он вполне осознанно проникся уверенностью, что скоро сможет вернуться к работе.

На всей планете усталое и измученное человечество, вечно сомневающееся в себе и своей истории, готовилось вступить с горем пополам в новое тысячелетие.

7

Кое-кто говорит:

“Наша новая цивилизация еще так молода,

еще так непрочна,

Только-только пробились мы к свету,

Мы все еще носим в себе опасную память

о прежних веках, мы ее не изжили сполна,

Может, лучше не бередить, не затрагивать это?”

Тут рассказчик встает, собирается с мыслями,

напоминает,

Спокойно, но твердо напоминает,

Что в мире произошла метафизическая революция.

Точно так же, как христиане могли размышлять

об античности, изучать историю древнего
мира, не рискуя вернуться к язычеству,
усомниться в Христе,
Потому что они перешли уже некий рубеж,
Шагнули на следующий уровень,
Миновали водораздел;

И как люди эпохи материализма могли созерцать
христианскую службу невидящим взором,
оставаясь глухими к ее содержанию,
Как читали они христианские книги,
принадлежавшие их же культуре,
взглядом чуть ли не антропологов,
изучающих каменный век,
Не умея понять, что же так волновало их предков
в спорах вокруг благодати
или определения греха,

Так же и мы в состоянии сегодня

выслушать эту историю из прошлой эпохи

Просто как повесть о людях минувших времен.

Эта повесть печальна, но нас не встревожит,

не вызовет слезы и вздохи,

Ибо мы не похожи нисколько на этих людей.

Порожденье их плоти, дети их грез, мы отвергли

их ценности, их представления,

Нам непонятны их радости, как и томления,

Мы отринули

С легкостью,

Без усилия,

Их пронизанный смертью мир.

Те столетия боли и горя без меры

Мы сегодня должны из забвенья вернуть.

Безвозвратно окончилась старая эра,

Мы свободны вершить независимый

путь.

С 1905 по 1915 год, работая практически в одиночку и не обладая широкими математическими познаниями, Альберт Эйнштейн сумел, исходя из постулированного им ранее принципа относительности, его интуитивной догадки, разработать общую теорию гравитации, пространства и времени, которая оказала решающее влияние на дальнейшее развитие астрофизики. Этот отважный, одинокий труд, совершаемый, по выражению Гильберта, “ради чести человеческого разума”, в областях, не имеющих очевидного практического применения и недоступных в ту пору для научного сообщества, можно сравнить с работами Кантора, установившего типологию актуальной бесконечности, или с трудами Готлоба Фреге, переосмыслившего основы логики. Как отмечает Хубчежак в своем предисловии к “Клифденским заметкам”, он сродни уединенной интеллектуальной деятельности Джерзински в Клифдене в период с 2000 по 2009 год — тем более что Джерзински, как и Эйнштейн в свое время, недостаточно владел математическим аппаратом, чтобы подвести под свои интуитивные догадки строгую математическую основу.

Тем не менее его первая работа “Топология мейоза”, опубликованная в 2002 году, имела значительный резонанс. В ней впервые с помощью неопровержимых доказательств, основанных на законах термодинамики, было установлено, что расхождение хромосом в процессе мейоза, ведущее к образованию гаплоидных гамет, само по себе является источником структурной нестабильности. Иными словами, любой биологический вид, размножающийся половым путем, обязательно смертен.

Неожиданностью стали вышедшие в 2004 году “Три топологические конъектуры в гильбертовых пространствах”. Эту работу рассматривали как реакцию на динамику континуума, как попытку — как ни странно, с причудливыми отголосками философии платоников — переопределить алгебру форм. Признавая содержательность выдвинутых гипотез, профессиональные математики не преминули указать на недостаточную строгость выкладок и некоторую анахроничность подхода. Фактически, признает Хубчежак, Джерзински не имел доступа к самым последним математическим публикациям того времени, да и вообще создается впечатление, что он уже не очень ими интересовался. Дело в том, что мы

располагаем весьма скудной информацией о его занятиях в период с 2004 по 2007 год. Он регулярно посещал Центр в Голуэе, но его контакты с другими экспериментаторами носили чисто профессиональный, практический характер. Он овладел основами ассемблера *Cray*, так что чаще всего обходился без программистов. Один Уолкотт, по-видимому, поддерживал с ним чуть более личные отношения. Сам он жил неподалеку от Клифдена и иногда заходил его проведать во второй половине дня. Он уверяет, что Джерзински часто цитировал Огюста Конта, в частности, его письма Клотильде де Во и "Субъективный синтез" — последнюю, неоконченную работу философа. Даже в плане научного метода Конта можно считать истинным основателем позитивизма. Он не щадит ни одну метафизику или онтологию, мыслимую в его время. Вполне вероятно, отмечал Джерзински, что, окажись Конт в окружении Нильса Бора в 1924–1927 годах, он не отказался бы от своего бескомпромиссного позитивизма и принял бы Копенгагенскую интерпретацию. Однако тот факт, что Конт делает упор на социальные состояния в противовес фикции индивидуальных существований, его неугасающий интерес к историческим процессам и течениям общественной

мысли, а главное, обостренный сентиментализм позволяют предположить, что он не ополчился бы на более поздний проект онтологической перестройки, возникший после выхода в свет работ Зурека, Це и Хардкасла, а именно проект замены онтологии объектов онтологией состояний. Лишь онтология состояний могла восстановить на практике возможность человеческих отношений. В онтологии квантовых состояний частицы неразличимы, и мы вынуждены их описывать с помощью некоторого наблюдаемого *числа.* Единственные сущности, которые в такой онтологии можно переопределить и назвать, — это волновые функции, а через их посредство — векторы состояний. Отсюда по аналогии вытекает возможность наполнить новым смыслом братство, взаимное влечение, любовь.

Они шли по дороге в Балликоннили, океан искрился у их ног. Далеко на горизонте за Атлантику садилось солнце. Все чаще и чаще Уолкотту казалось, что мысль Джерзински блуждает в каких-то смутных, даже мистических пределах. Сам он оставался сторонником радикального инструментализма; будучи наследником англосаксонской прагматической традиции и находясь под влиянием идей Венского кружка, он с неко-

торым недоверием относился к работам Конта, еще чересчур романтическим, на его взгляд. В отличие от материализма, на смену которому он пришел, позитивизм, подчеркивал Уолкотт, может стать основой нового гуманизма, причем фактически впервые (поскольку материализм в принципе несовместим с гуманизмом и в конечном счете его уничтожил). Но все же материализм сыграл свою историческую роль: надо было преодолеть первый барьер, то есть Бога; люди преодолели его и оказались ввергнуты в тоску и сомнения. Но рухнул уже и второй барьер, это случилось в Копенгагене. Человеку более не требуется ни Бог, ни идея некоторой лежащей в основе всего реальности.

— Существует, — говорил Уолкотт, — человеческое восприятие, человеческие свидетельства, человеческий опыт; есть разум, который связывает их, и эмоция, их оживляющая. Все это развивается в отсутствие какой-либо метафизики или онтологии. Мы больше не нуждаемся в понятиях Бога, природы и реальности. В сообществе наблюдателей согласие с результатами экспериментов может быть установлено посредством разумной интерсубъективности; эксперименты связаны теориями, которые должны по возможности

удовлетворять принципу экономии мышления и обязательно должны быть опровержимыми. Есть мир воспринимаемый, мир ощущаемый, мир человеческий.

К его позиции не подкопаешься, Джерзински это понимал: неужели потребность в онтологии — это детская болезнь человеческого разума? В конце 2005 года во время поездки в Дублин ему довелось увидеть Келлскую книгу. Хубчежак, не колеблясь, утверждает, что знакомство с этим красочно иллюстрированным манускриптом беспрецедентной формальной сложности, вероятно работы ирландских монахов VII века н. э., стало определяющим моментом в эволюции его мысли и что, вероятно, именно длительное созерцание этого произведения позволило ему, благодаря целой череде озарений, которые по прошествии времени кажутся не иначе как чудесными, преодолеть сложности расчета энергетической стабильности биологических макромолекул. Не соглашаясь непременно со всеми утверждениями Хубчежака, следует признать, что на протяжении многих столетий Келлская книга всегда вызывала чуть ли не экстатические восторженные отклики комментаторов. Например, Гиральд Камбрийский в 1185 году так описывал ее:

Эта книга содержит гармонию четырех Евангелий в соответствии с переводом святого Иеронима и почти столько же рисунков, сколько в ней страниц, и все они выполнены дивными красками. Здесь мы созерцаем божественный лик, чудесным образом нарисованный; там — мистические изображения четырех евангелистов, кто с шестью крыльями, кто с четырьмя, кто с двумя. Тут вы увидите орла, там — тельца, здесь — лицо человека, там — льва, и еще бесчисленное множество других рисунков. При поверхностном, мимолетном взгляде на них можно подумать, что это просто каракули, а не тщательно выверенные композиции. Можно не заметить тонкостей, хотя во всем тут — тонкость. Но если возьмешь на себя труд рассмотреть их с пристальным вниманием, проникнуть в сокровенные тайны искусства, то обнаружишь такую многосложность, исполненную изысканной тонкости и изящества, такое богатство переплетений, связей и смыканий, такие свежие и лучезарные краски, что можно однозначно сказать: это творение не людей, а ангелов[41].

Мы готовы согласиться с утверждением Хуб-

---

[41] Примечания: 41
Цитируется по статье из Википедии.

чежака, что всякая новая философия, даже если она решает выразить себя в форме, казалось бы, чисто логической аксиоматики, на самом деле неразрывно связана с новым видением мироздания. Наделив человечество даром физического бессмертия, Джерзински существенно изменил нашу концепцию времени; но главная его заслуга, по мнению Хубчежака, состоит в том, что он заложил основы новой философии пространства. Подобно тому, как мир, в понимании тибетского буддизма, неотделим от длительного созерцания бесконечных круговых фигур, представленных нам *мандалами*, подобно тому, как мы можем составить верное представление о мысли Демокрита, наблюдая, как солнечный луч вспыхивает на белых камнях греческого острова в августовский полдень, точно так же и к мысли Джерзински легче подойти, погрузившись в бесконечную архитектуру крестов и спиралей, основных орнаментальных форм Келлской книги, или перечитав великолепную "Медитацию о сплетениях", вдохновленную этим манускриптом и изданную отдельно от "Клифденских заметок".

Природные формы, — пишет Джерзински, — *суть не что иное, как формы человеческие. Тре-*

угольники, сплетения и разветвления возникают в нашем сознании. Мы узнаем их, мы восхищаемся ими, мы живем среди них. Среди наших творений, человеческих творений, доступных человеку, мы развиваемся и умираем. В пространстве, в человеческом пространстве, мы производим измерения, этими измерениями мы творим пространство, пространство между нашими инструментами.

Человека не очень сведущего, — продолжает Джерзински, — *страшит идея космоса, он представляет себе его огромным, ночным и зияющим. Он представляет себе живых существ простейшей шаровидной формы, обособленных в пространстве, съежившихся в пространстве, раздавленных вечным присутствием трех измерений. Ужаснувшись идее пространства, человек съеживается. Ему холодно и страшно. В лучшем случае люди перемещаются в пространстве, печально приветствуя друг друга посреди пространства. А ведь это пространство заключено в них самих, оно не более чем порождение их сознания.*

В этом пространстве, которое внушает им такой страх, — пишет далее Джерзински, — *человеческие существа учатся жить и умирать; внутри их ментального пространства рож-*

дается разлука, отчуждение и боль. К этому, в общем, практически нечего добавить: влюбленный слышит зов возлюбленной через океаны и горы; через горы и океаны мать слышит зов своего ребенка. Любовь связывает, и связывает навсегда. Практика добра — это связывание, практика зла — развязывание. Разобщение — это иное имя зла, а также иное имя лжи. На самом деле не существует ничего, кроме необъятного великолепного взаимного сплетения.

Хубчежак справедливо отмечает, что главная заслуга Джерзински состоит не в том, что ему удалось выйти за рамки понятия индивидуальной свободы (ведь в его время этот концепт уже во многом был девальвирован, и все, пусть даже про себя, признавали, что его нельзя взять за основу для какого-либо прогресса человечества), а в том, что ему удалось, путем, правда, несколько дерзкой интерпретации постулатов квантовой механики, восстановить условия, при которых возможна любовь. Здесь важно еще раз вспомнить Аннабель: сам не испытав любви, Джерзински сумел благодаря Аннабель получить представление об этом чувстве. Он смог понять, что любовь каким-то образом, в результате неких еще неизвестных процессов, может иметь место.

Вероятно, именно эта мысль владела им в последние месяцы теоретической работы, о которой нам известно так мало.

По словам тех немногих людей, которые общались с Джерзински в Ирландии в течение последних нескольких недель, на него словно снизошло смирение. Его беспокойное, подвижное лицо, казалось, успокоилось. Он подолгу шагал по Скай-роуд куда глаза глядят, и лишь небо было свидетелем его мечтательных прогулок. Западная дорога вилась по холмам, то крутым, то пологим. Сверкало море, играя переливчатыми бликами на дальних скалистых островках. Облака стремительно проносились над горизонтом, образуя светящуюся спутанную массу, отмеченную странным ощущением физического присутствия. Он шел долго, совсем не уставая, лицо его омывала легкая водная взвесь. Он знал, что его труд закончен. В комнате, выходящей на мыс Эррисланнен и превращенной им в кабинет, он привел в порядок свои записи — несколько сотен страниц, охватывающих самый широкий круг тем. Описание результата его сугубо научной работы заняло восемьдесят машинописных страниц — он не счел нужным приложить к ним подробные расчеты.

Двадцать седьмого марта 2009 года в конце дня он отправился на центральный почтамт Голуэя. Первый экземпляр своего труда он послал в Париж, в Академию наук, второй — в британский журнал *Nature*. О том, что произошло дальше, нам ничего доподлинно не известно. Тот факт, что его машину обнаружили в непосредственной близости от мыса Охрус, естественно, наводит на мысль о самоубийстве, тем более что ни Уолкотт, ни кто-либо из технических работников Центра не сильно удивились такому исходу. “В нем было что-то ужасно печальное, — заметил Уолкотт, — я думаю, он был самым печальным человеком, которого я когда-либо встречал в своей жизни, да и «печальный» — это еще слабо сказано: мне скорее казалось, что он внутренне сломлен, совершенно опустошен. У меня складывалось впечатление, что жизнь стала ему в тягость, что он уже не чувствовал с ней ни малейшей связи. Я думаю, он продержался ровно столько, сколько потребовалось для завершения его работы, и никто из нас даже представить себе не может, каких усилий ему это стоило”.

Как бы то ни было, тайна исчезновения Джерзински и то обстоятельство, что его тело так и не нашли, породили устойчивую легенду, согласно

которой он отправился в Азию, а точнее в Тибет, чтобы сопоставить свои работы с определенными постулатами буддизма. Сегодня эта гипотеза единодушно отвергается. Во-первых, не найдено никаких следов его вылета из Ирландии, во-вторых — рисунки на последних страницах его записной книжки, которые в свое время сочли своеобразными мандалами, в итоге признали комбинацией кельтских символов, сродни тем, что используются в Келлской книге.

Сегодня мы полагаем, что Мишель Джерзински умер в Ирландии, там, где решил провести свои последние годы. Мы также полагаем, что, закончив свою работу и чувствуя, что у него не осталось никаких человеческих привязанностей, он предпочел умереть. Многочисленные свидетельства говорят о том, что он был буквально очарован этой окраиной западного мира, где все неизменно окутывает мягкий изменчивый свет, где он любил гулять и где, как он написал в одной из своих последних заметок, “сливаются воедино небо, свет и вода”. Сегодня мы полагаем, что Мишель Джерзински вошел в море.

Эпилог

Нам известно множество подробностей о жизни, внешности и характере героев этой истории; тем не менее эту книгу следует рассматривать скорее как художественный вымысел, правдоподобную реконструкцию, основанную на отрывочных воспоминаниях, нежели как отражение однозначной и достоверной истины. Благодаря публикации “Клифденских заметок”, представляющих собой сложную смесь воспоминаний, личных впечатлений и теоретических размышлений, изложенных Джерзински в период с 2000 по 2009 год, когда он работал над своей главной теорией, мы узнали многое о событиях его жизни, перепутьях, противостояниях и драмах, сформировавших его своеобразное видение бытия, и все-таки в его биографии, как и в его личности, остается немало белых пятен. Однако то, о чем пойдет речь ниже, уже принадлежит истории, а события, последовавшие за изданием труда Джерзински, столько раз изучались, комментировались и анализировались, что мы можем ограничиться их кратким изложением.

В июне 2009 года в специальном выпуске журнала *Nature* вышли “Пролегомены к идеальной репликации”, обобщающие на восьмидесяти страницах последние работы Джерзински, и мгновенно произвели в научном сообществе эффект разорвавшейся бомбы. По всему миру десятки исследователей в области молекулярной биологии попытались повторить описанные им эксперименты и тщательно проверить его расчеты. Через несколько месяцев появились первые результаты, из недели в неделю они продолжали накапливаться, с идеальной точностью подтверждая справедливость первоначальных гипотез. К концу 2009 года сомнений не осталось: выводы Джерзински обоснованны и могут считаться научно доказанными. От одной только мысли о практических последствиях голова шла кругом: любой генетический код, даже самый сложный, можно переписать в стандартную, структурно стабильную форму, не подверженную нарушениям и мутациям. В результате любая клетка сможет обладать способностью к бесконечной череде репликаций. Любой вид животных, каким бы высокоразвитым он ни был, может быть преобразован в подобный себе вид, но размножающийся клонированием и бессмертный.

Фредерику Хубчежаку было двадцать семь лет, когда он, как и сотни исследователей разных стран, впервые ознакомился с работами Джерзински. Он заканчивал докторскую диссертацию по биохимии в Кембридже. Беспокойный ум, неугомонный путаник, он не мог усидеть на месте и к тому моменту уже несколько лет мотался по Европе — его маршрут нетрудно проследить по его поступлениям в университеты Праги, Геттингена, Монпелье и Вены — в поисках, как он выразился сам, “новой парадигмы, но в то же время и чего-то большего: не просто иного взгляда на мир, но и иного способа вписать себя в него”. Во всяком случае, он был первым и в течение долгих лет единственным, кто отстаивал радикальное предложение, сформулированное в работах Джерзински: человечество должно исчезнуть; человечество должно дать начало новому виду, бесполому и бессмертному, преодолевшему индивидуальность, разобщенность и становление. Излишне говорить о том, какую враждебность вызвал такой проект у адептов богооткровенных религий: иудаизм, христианство и ислам, в кои-то веки придя к согласию, дружно предали анафеме его труды, “наносящие серьезный ущерб достоинству человека, состоящему в

уникальности его взаимоотношений с Творцом"; одни только буддисты заметили, что, в конце концов, учение Будды изначально основывалось на осознании трех препон — старости, болезни и смерти и что Почитаемый Миром, хотя он и посвятил себя скорее медитации, еще не факт, что отверг бы решение технического порядка. Одним словом, Хубчежаку явно не приходилось рассчитывать на поддержку со стороны основных религий. Удивительно другое — поборники традиционных гуманистических ценностей напрочь отвергли эту идею. Даже если сегодня нам трудно воспринимать такие понятия, как *свобода личности, человеческое достоинство* и *прогресс,* не надо забывать, что они занимали центральное место в сознании человеческих особей в эпоху материализма (т. е. в течение нескольких столетий между упадком средневекового христианства и выходом в свет работ Джерзински). Невнятность и произвольный характер этих понятий вполне объясняют тот факт, что они не возымели никакого действенного влияния на общество, поэтому историю человечества с XV по XX век нашей эры можно охарактеризовать как эпоху прогрессирующего упадка и деградации; тем не менее образованные и полуобразованные

слои населения, представители которых изо всех сил насаждали эти понятия, так отчаянно за них цеплялись, что несложно понять, почему Фредерику Хубчежаку оказалось так трудно в первые годы заставить услышать себя.

История тех нескольких лет, в течение которых Хубчежак добивался, чтобы его проект, поначалу встреченный с единодушным осуждением и брезгливостью, был все же принят постепенно мировым общественным мнением и, более того, профинансирован ЮНЕСКО, являет нам портрет человека блестящего, пробивного, наделенного одновременно прагматичным и проворным умом — одним словом, портрет небывалого пропагандиста идей. Он сам, конечно, не обладал задатками великого исследователя, зато умел максимально использовать то единодушное уважение, которым пользовались в международном научном сообществе имя и труды Мишеля Джерзински. Складом ума оригинального и глубокого мыслителя он обладал в еще меньшей степени, однако в предисловии и комментариях к “Медитации о сплетениях” и “Клифденским заметкам” он убедительно и точно излагает мысли Джерзински, делая их доступными широкой аудитории. Первая статья Хубчежака “Мишель Джерзински

и Копенгагенская интерпретация", несмотря на название, представляет собой пространное размышление над репликой Парменида: "Одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется". В "Трактате о реальном ограничении", своей следующей работе, и еще в одной, с лаконичным названием "Реальность", он предпринимает попытку осуществить любопытный синтез логического позитивизма Венского кружка и религиозного позитивизма Конта, не удержавшись местами от лирических всплесков, о чем свидетельствует этот часто цитируемый отрывок:

Нет никакого "вечного безмолвия бесконечных пространств"[42]*, ибо на самом деле нет ни безмолвия, ни пространства, ни пустоты. Мир, который мы знаем, мир, который мы создаем, мир человека — круглый, гладкий, однородный и теплый, как женская грудь.*

Во всяком случае, ему удалось внедрить в постоянно растущую аудиторию идею, что человечество на том этапе, которого оно достигло, может и должно контролировать всю эволюцию мира в целом и, в частности, может и должно

---

[42] Примечания: 42
Отсылка к цитате из "Мыслей" Блеза Паскаля.

контролировать свою собственную биологическую эволюцию. Неоценимую поддержку в этой борьбе ему оказали отдельные неокантианцы, которые, воспользовавшись внезапным снижением популярности ницшеанских идей, взяли в свои руки несколько важных рычагов управления в интеллектуальных, академических и издательских кругах.

Но, по общему мнению, подлинно гениальным свершением Хубчежака явилось его умение, точно взвесив все "за" и "против", обратить в пользу своих тезисов даже ублюдочную и путаную идеологию под названием "нью-эйдж", возникшую в конце XX века. Он первым из современников смог понять — абстрагировавшись от устаревших, противоречивых и нелепых на первый взгляд суеверий, присущих этой идеологии, — что нью-эйдж отзывается на реальные страдания, вызванные психологической, онтологической и социальной неустроенностью. Помимо отвратительной мешанины из экологического фундаментализма и тяги к традиционному мышлению и к "святыням", унаследованной ими от своих духовных предшественников — движения хиппи и эсаленской коммуны, — адепты нью-эйдж проявляли искреннее желание порвать с

XX веком, его аморальностью, индивидуализмом, либертарианством и антисоциальностью, а это свидетельствовало о мучительном осознании того обстоятельства, что ни одно общество не может быть жизнеспособным без объединяющего стержня какой-нибудь религии; по сути, это явилось мощным призывом к смене парадигмы.

Хубчежак, как никто другой, сознавал необходимость компромиссов и, создавая в конце 2011 года "Движение за человеческий потенциал", без колебаний взял на вооружение некоторые откровенно нью-эйджевские темы — от "гипотезы Геи" до знаменитого сравнения: "10 миллиардов человек на поверхности планеты — 10 миллиардов нейронов в человеческом мозге", от призыва к созданию мирового правительства на основе "нового альянса" до чуть ли не рекламного слогана "Завтрашний день будет женским". Он провернул это с ловкостью, часто изумлявшей экспертов, и тщательно следил за тем, чтобы не скатиться к иррациональности и сектантству, более того, ему удавалось при этом заручиться мощной поддержкой в научном сообществе.

Исследователи истории человечества традиционно и с определенным цинизмом трактуют "ловкость" как один из ключевых факторов

успеха, хотя сама по себе, в отсутствие твердой убежденности, она не способна привести к сколько-нибудь значительной мутации. Все, кому довелось общаться с Хубчежаком или дискутировать с ним, сходятся во мнении, что источник его обаяния, убедительности и необыкновенной харизмы крылся в его неподдельной простоте и подлинной личной убежденности. В любых ситуациях он говорил практически все, что думал, — и на его оппонентов, запутавшихся в запретах и ограничениях устаревших идеологий, такая безыскусность производила сокрушительный эффект. Одно из главных возражений против его проекта касалось отмены половых различий, основополагающего элемента человеческой идентичности. Хубчежак отвечал, что его целью является не воспроизведение человеческого вида в мельчайших его деталях, а создание нового разумного вида и что конец сексуальности как средства воспроизводства ни в коем случае не означает конец сексуального наслаждения, скорее даже наоборот. Недавно были выявлены кодирующие последовательности, отвечающие за образование телец Краузе в процессе эмбриогенеза; в нынешнем состоянии человеческого вида эти тельца в незначительном

количестве рассеяны по поверхности клитора и головки полового члена. В будущем ничто не помешает распространить их по всей поверхности кожи, что позволит получить в плане экономики удовольствий новые, доселе неизведанные эротические ощущения.

Другие критические замечания — вероятно, самые обоснованные — касались того факта, что все особи нового вида, созданного по работам Джерзински, будут носителями одного и того же генетического кода; таким образом, исчезнет один из ключевых элементов человеческой личности. На это Хубчежак пылко возражал, что именно эта генетическая индивидуальность, которой мы в результате некоего трагического выверта так нелепо кичимся, как раз и является причиной большинства наших бед. Опровергая идею, что человеческая личность окажется под угрозой исчезновения, он привел конкретный и наглядный пример однояйцевых близнецов, которые, благодаря своему индивидуальному опыту и несмотря на строго идентичное генетическое наследие, становятся совершенно самостоятельными личностями, хотя и сохраняют при этом узы загадочного братства — братства, которое, по мнению Хубчежака, правильно считать самым

необходимым элементом для возрождения примиренного человечества.

В искренности Хубчежака, объявившего себя просто продолжателем дела Джерзински, душеприказчиком, чье единственное стремление — воплотить идеи мастера в жизнь, сомневаться не приходилось. Об этом свидетельствует, например, его приверженность причудливой идее, изложенной на 342-й странице “Клифденских заметок”: число особей нового вида должно постоянно оставаться равным простому числу, поэтому следует создать одного индивида, затем двоих, затем троих, затем пятерых… короче говоря, неукоснительно соблюдать последовательность простых чисел. Автор, конечно, имел в виду, что, поддерживая число индивидов, кратное только самому себе и единице, можно символически привлечь внимание к опасности образования каких бы то ни было подгрупп внутри социума; но, похоже, Хубчежак ввел это условие в техзадание, даже не задумавшись о его смысле. Да и в целом его узкопозитивистское прочтение работ Джерзински привело к тому, что он постоянно недооценивал масштабы метафизического сдвига, который неминуемо сопровождает столь глубинную биологическую мутацию — мутацию,

действительно не имевшую прецедентов в истории человечества.

Столь грубое непонимание философского смысла проекта (да и *вообще* понятия “философского смысла”) нисколько не помешало и даже не замедлило его реализацию. Что, кстати, показывает, до какой степени во всех западных обществах и в наиболее продвинутом их сегменте, представленном, в частности, движением нью-эйдж, распространена идея, что для выживания обществу необходима теперь фундаментальная мутация — мутация, которая позволит наглядно восстановить дух общности, постоянства и сакральности. Это также показывает, до какой степени философские вопросы утратили значимость в общественном сознании. Работы Фуко, Лакана, Деррида и Делёза, внезапно ставших всеобщим посмешищем после десятилетий незаслуженных дифирамбов, не только не освободили поле для новой философской мысли, но, напротив, дискредитировали всех интеллектуалов, претендующих на принадлежность к “гуманитарным наукам”, в связи с чем на глазах вырос авторитет специалистов в области естественных и точных наук. Даже эпизодический, противоречивый и изменчивый

интерес к тем или иным верованиям, восходящим к “древним духовным традициям”, который адепты нью-эйдж изображали время от времени, свидетельствовал в их случае лишь о состоянии крайнего отчаяния, граничащего с шизофренией. Как и все остальные члены общества, если даже не в большей степени, они доверяли, в принципе, только науке, она была для них единственным и неопровержимым критерием истины. Как и все остальные члены общества, они в глубине души верили, что решение любой проблемы — в том числе психологической, социологической и вообще человеческой — может быть исключительно технического порядка. Так что в 2013 году, особо не опасаясь протестов, Хубчежак начал свою кампанию под знаменитым лозунгом, спровоцировавшим настоящий переворот в общественном мнении в масштабах планеты: МУТАЦИЯ СВЕРШИТСЯ НЕ В УМАХ, А В ГЕНАХ. Первые кредиты одобрила ЮНЕСКО в 2021 году, и группа ученых под руководством Хубчежака немедленно приступила к работе. Честно говоря, в научном плане он ничем особо не руководил, но в так называемых связях с общественностью добился умопомрачительных успехов. Первые результаты не заставили себя ждать, что, конечно,

стало неожиданностью. Лишь позже выяснилось, что многие исследователи, члены “Движения за человеческий потенциал” или сочувствующие, уже давно трудились в своих лабораториях в Австралии, Бразилии, Канаде и Японии, не дожидаясь отмашки ЮНЕСКО.

Первое существо, первый представитель нового разумного вида, созданного человеком “по образу и подобию своему”, появилось на свет 27 марта 2029 года, ровно через двадцать лет после исчезновения Мишеля Джерзински. И опять же в память о Джерзински и несмотря на отсутствие в команде французов, синтез провели в лаборатории Института молекулярной биологии в Палезо. Телевизионная трансляция этого события, естественно, имела огромный резонанс — он превзошел даже успех прямой трансляции первых шагов человека на Луне в июле 1969 года, почти шестьдесят лет назад. Хубчежак предварил репортаж краткой речью, в которой со свойственной ему грубой прямотой заявил, что человечество должно гордиться тем, что оно стало “первым биологическим видом в известной нам Вселенной, по собственной инициативе организовавшим условия для самозамещения”.

Сегодня, почти пятьдесят лет спустя, реаль-

ность во многом подтвердила пророческий смысл слов Хубчежака, он и сам вряд ли предполагал, насколько окажется прав. Люди старой расы еще сохранились, особенно в регионах, долгое время находившихся под влиянием традиционных религиозных доктрин. Однако коэффициент воспроизводства там снижается с каждым годом, так что их вымирание теперь неизбежно. Вопреки всем пессимистическим прогнозам, вымирание это происходит мирно, несмотря на отдельные акты агрессии, число которых постоянно уменьшается. Даже удивительно, с какой кротостью, смирением и, может быть, затаенным облегчением люди согласились на собственное исчезновение.

Разорвав родственные узы, связывавшие нас с человечеством, мы продолжаем жить. По человеческим меркам, мы живем счастливо, мы сумели одолеть считавшиеся у них непреодолимыми эгоизм, жестокость и гнев; во всяком случае, мы живем совсем другой жизнью. Наука и искусство по-прежнему существуют в нашем обществе, но погоня за Истиной и Красотой, не подстегиваемая личным тщеславием, во многом утратила актуальность. Людям прежнего вида наш мир кажется раем. Кстати, порой мы — хоть

и с известной долей иронии — называем себя “богами”, о которых они так долго грезили.

История существует, от нее никуда не деться, она господствует, ее власть неумолима. Но, помимо сугубо исторической, высшая цель этой книги — отдать должное несчастливому и отважному виду, создавшему нас. Этому злополучному, скотскому виду, недалеко ушедшему от обезьяны, тем не менее свойственны были безграничные благородные устремления. Истерзанный противоречивый вид, эгоцентричный и склочный, бесконечно себялюбивый, способный порой на неслыханные вспышки жестокости, не переставал, несмотря ни на что, верить в добро и любовь. Именно этот вид впервые в мировой истории допустил возможность самопреодоления и через несколько лет осуществил это на практике. Сейчас, когда последние его представители угасают, будет справедливо воздать ему должное — эта дань уважения, в свою очередь, рано или поздно забудется, затеряется в песках времени, и все же необходимо воздать ему должное хотя бы раз. Эта книга посвящается человеку.

Благодарности переводчика

Переводчик выражает благодарность Александру Бондареву, Элине Зуевой, Алексею Моторову, Сергею Пархоменко[43].

[43] Примечания: 43
Внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.